

891.798

U34

na

A 663274

DUPL

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*

1817
ARTES · SCIENTIA · VERITAS

262

214/307

НА КРЫЛАХЪ ПИСЕНЬ.

ТВОРЫ

Леси Украинки.

262

Леся Украинка.

Українка, Lesia

На крылахъ писень

ЗБИРНИКЪ ТВОРИВЪ.

К і е в ь.

Типографія Петра Барскаго, Крещатикъ № 40. соб. домъ.

1904 г.

891.798

У34 п а

Дозволено цензурою Київъ 1903 года Октябля 24-го.

61-265520

I.

На крылахъ писецъ.

Надія.

Ни доли, ни воли у мене нема,
Зосталася тільки надія одна:

Надія вернутись ще разъ на Україну,
Поглянуты ще разъ на ридну країну,

Поглянуты ще разъ на синій Дніпро,—
Тамъ жыты, чи вмерты, мени все одно;

Поглянуты ще разъ на степъ, могылкы,
Въ останне згадаты палкіи гадкы...

Ни доли, ни воли у мене нема,
Зосталася тільки надія одна.

Конвалія.

Осла въ гаю конвалія
Пидъ дубомъ высокымъ,
Захыщалась видъ негоды
Пидъ виттямъ шырокымъ.

Та не довго навтишалась
Конвалія била,—
И їй рука чоловича
Вику вкорстыла.

Ой понесли конвалію
У високу залю,
Понесла їи зъ собою
Панночка до балю.

Ой на бали веселая
Музыченька грае,
Конваліи та музыка
Бидне серце крае.

Тожъ панночка въ веселому
Вальси закрутылась,
А въ конваліи головка
Повьяла, схылылась.

Промовыла конвалія:
„Прощай, гаю мылый!
И ты, дубе мій высокый,
Друже мій едныи!“

Тай замовкла. Байдужою
Панночка рукою
Тую квіточку зивьялу
Кынула до долу.

Може, й тобі, моя панно,
Колысь доведеться
Згадать тую конвалію,
Якъ щастя мынеться.

Не довго й ты, моя панно,
Будешъ утишатись,
Та по баляхъ у веселыхъ
Таночкахъ зыватись.

Може колысь оцей мылый,
Що такъ любыть дуже,—
Тебе, квіточку зивьялу,
Залышыть байдуже!..

Сафо.

 адь хвылямы моря, на скели,
Хороша дивчына сыдыть,
Въ лавровимъ винку вона сѣе,
Спивецькую лиру держыть.

До писни своеи сумной
На лири вона прыграе,
И зъ писнею тою у серци
Велька ій туга встаеть:

Въ тій писни згадала и славу
Вельчну свою, красной свить,
Лукавыхъ людей, и кохання,
И зраду, печаль своихъ литъ,

Надіи и распачь... дивчына
Зирвала лавровый винець
И въ хвыляхъ шумлывого моря
Знайшла свой писни кинець.

Остання пісня Маріи Стюартъ.

Que suis je, hélas!...

О я теперъ, о Боже! жыть мени для чого?
Слаба, мовъ тило, въ котримъ серця вже нема,
Тинь марна я, мене жаль-туга обійма,
Самой смерты прагну,—більше вже ничего.

Не будьте, ворогы, ненависти до того,
Хто въ серци замиривъ владарныхъ не здйма,
Бо муку більшую, ніжъ мае сль, прйма,
Не довго втримувать вамъ лютить серця свого!

Згадайте, друзи,—вы, котри мене любылы,—
Що я безъ щастя-доли у жыттю сѣму
Ничого доброго зробить не мала сылы;

Кинця бажайте безталанню моему,
Бо вже колы я тутъ недоли досыть маю,
Хай буду я щаслива тамъ, у иншимъ краю!

Завитання.

Въ темну безсонную ничь, въ передсвитню чорну
годину.

Втомленимъ очамъ моимъ вельмы дывна поява з'явилась:
Темно-червонее свитло, неначе той одблыскъ пожежи,
Лыхо вищующый, темряву ночи розсунувъ.

Въ свитли з'явилася генія темная постать.

Довга та чорная шата мовъ хмара його покрывала

И хвильовала въ повитри, якъ море въ негоду,

Стали холоднои пóлыскомъ крыла шыроки яснилы;

Кучери чорни та довги спадали на плечи.

Въ темныхъ та гострыхъ очахъ його поглядъ непевный
свитывся,—

Сумно дывывся въ просторъ и палкіи лылыся зъ ныхъ
слёзы.

Горе тому, въ чіе сердце ти слёзы огныстыи кануть:

Лыхо та горе, всесвитню никчемність побачыть винъ
разомъ,

Въ серци въ його запалае той пломинь страшенный,
жерущый,

Що у тимъ погляди жевріе,—и безнадійність,

Тяжка, понура, обгорне його, наче хмара ссинья.

Скована жахомъ, я поглядъ спустила до долу.
Винъ же промчавъ, наче витерь, и зныкъ у простори.
Темрява зновъ залягла, ще чорниша, ще глыбша.

Вечерь бувъ мисячный, ясный, и зори лагідно сіялы;
Тыхо було у повітри, витрець тилько часомъ
Легкымъ крыльцемъ повивавъ—и далеко, далеко
Изъ за горы десь доносьвся гукъ видъ вечирнёго дзвона.
Довгая била стяга простелылась видъ срибного сяйва
Въ хати мой,—надто ясно вже свитачъ рогатый
Ночи тїеи свитьвъ. Якась тинь у тимъ сяйви зьявылась,
Легка, блакитна, прозора и невыразна якъ мрія.
Геній то бувъ, але геній не той, що з'являвся
Темной ночи тоди, колы жахомъ скувавъ мою душу.
Тыхо стоявъ винъ и ледве що маяла шата прозора;
Кучери ясны, легки вылыся надъ чоломъ лагіднымъ,
Били крыла сриблясти лелилы у мисячнымъ сяйви.
Ясны очи булы, и поглядъ ихъ бувъ наче проминь;
Любо всмихався, видъ усмиху того у серци
Радисна, тыха надія, мовъ квитка лилеи, розквитла.
Людська недоля будыла не распачъ въ мени, а бажання
Кращои доли, яснишои, — той идеаль мени сяявъ
Въ погляди яснымъ, и серце за нымъ порывалося лы-
нуть.

Винъ подывывся на мене журлыво—и серцемъ я вчула,
Що у небесни просторы не-сыла моя ще полынуть...
Зныкъ винъ, якъ мрія, якъ срибный туманъ проты сонця.
Зоря на неби рожева уже почынала займаться,
Изъ за горы десь доносьвся гукъ видъ далекого дзвона...

До Натуры.

 Натуро матинко! я на твоему лони
Дытячи радости и горе выливала
И матирью тебе я щыро звала,
Зъ подякою складаючы долони.

Ты искру божую збудыла въ моихъ грудяхъ:
Надія,—ій же першу писню я спивала,—
Мени провидною зорею стала,
И зъ нею буду я добра шукаты въ людяхъ.

Колы жъ почую я, що проминь погасае
Надіи мылой,—тоди, Натуро ненько,
Приймы мое знебулее серденько
И проминня нове нехай ёму засяе!

Вечирня година.

(Коханій Мами).

же скотылось изъ неба сонце,
Заглянувъ мисяць въ мое виконце.
Вже засвитылысь у неби зори,
Усе заснуло, заснуло й горе.
Выйду въ садочокъ, та погуляю,
При мисяченьку тай заспиваю.
Якъ же тутъ гарно, якъ же тутъ тыхо,—
Въ таку году забудешъ лыхо!
Кругомъ садочки, биленьки хаты
И соловейка въ гаю чуваты.
Ой чи такъ красно въ якій краини,
Якъ тутъ, на нашій ридній Воляни!
Ничъ обгорнула биленьки хаты,
Немовъ маленькихъ диточокъ маты,
Витрець весняный тыхенько дыше,
Немовъ дитокъ тыхъ до сну колыше.

У ПУТЬ.

вылыны йдуть,
Пора у путь!
Прощай, ридный краю!
Вже хутко я пиду.
Тутъ доли не маю,—
На чужыни знайду.

Шукатыму доли въ далекій сторони!
Впередь! прагну воли, у свить пора мени
Бо лита не ждуть..
Пора мени въ путь!

Прощай, товырыство, родыно-ридна!
Прощай, моя люба дружно смутна!
Я може на вики иду въ чужый край...
Прощай,—добрымъ словомъ мене спогадай!
Я йду, тверда звага
Веде мене на шляхъ,
У серци одвага,
Хочъ слёзы на очахъ...

Въ далекій чужыни
Я сылы наберусь

Служыты краіні,
Або не вернусь...

Я все покідаю: садочки рясні,
И темні дібровы, і нывы ясні,
Зь собою несу я лышъ рідні пісні.

Пора у путь,
Хвылыны йдуць!..
Шумляць на прощання
Зеленыя лугы;
Летяць розставання
Хвылыны дарогі!..
Хочъ цяжко краіну
Рідную покідаць,
Я йду на чужыну
Я мушу поспішаць.

Далекая путь,
Хвылыны не ждуть!

На провесни.

Не дывуйте, що квитомъ прекраснымъ
Розцвилася дивчына несмила,—
Такъ пидъ проминнямъ сонечка яснымъ
Розцвитае первисточка била.

Не дывуйте, що думы глыбоки
Будять речи та слёзы пекучи,—
Такъ на провесни дзвинки потоки
Ірудко, гучно збигають изъ кручи.

Не дывуйте, що сердце такъ рвяно,
Щыро прагне и воли, и дила,
Чулы вы, якъ на провесни рано
Жайворонкова писня бренила?

С О Н Ъ

(Посвята Александри С—вій).

Бувъ сонъ мени колысь: богыню ясну
Фантази вбачалы мои очи,
И друга любого подобу красну
Богыня прыйняла тѣи ночи.

Той самый выразъ и усмишка мыла,
Той самый поглядъ довгый, розумльвый;
На плечихъ лышь барвысти мала крыла,
Винець надъ чоломъ зъ лавру святоблывый.

Вона иде! Непереможна сыла
Мене прымушуе за нею простуваты
По темныхъ, тисныхъ ходныхкахъ. Вступыла
Вона въ якись таемны палаты.

Чи то свята будова, чи темныця?
Высокое и темнее склепиння,
Одно виконце вузьке, мовъ стрильныця.—
Кризь його сыплеться блиде проминня,

И падае на стину; высоченный
Органъ стоить тамъ, наче скеля дыка,

Де бувъ прыкований Титанъ страшенный,
Що забажавъ освиты чоловика.

Спынылася богыня и за руку
Взяла мене, и словомъ говорила:
Вважай и пам'ятай мои слова й науку:
То свитовый органъ, и доля такъ судыла,

Що тилько разъ винъ мае гукъ податы,
Страшный той гукъ, потужный и вельчный.
По всихъ краинахъ мае залунаты
И перекинуты свитовый стрій одвичный.

Страшне повстане скризь земли рушення
И зъ громомъ упадутъ мицни будовы.
Велькый буде жахъ, вельке й вызволення!
Тоди спадуть всесвитніи оковы.

И правда лавромъ чоло уквитчае,
И згыне зло, укыване викамы.
Въ честь воли новои хвалу спивецъ заграе
На вильныхъ струнахъ вильнымы рукамы.

Тожъ слухай: ты органъ порушыть можешъ
Не дужою, та смилою рукою,
Всесвитне зло тымъ гукомъ переможешъ,
Здобудешъ для земли и щастя, и спокою.

Та знай: твое жыття такъ мыттю згасне
Якъ блискавка, що передъ громомъ свине;
Не для тебе те свитло правды ясне,
Що свить осяе,—ни! жыття твое загыне!

•

И вильни струны славыты не будуть
Ни твого ймення, а-ни твого дила,—
Щаслывыи нещасную забудуть,
Не буде вкрыта лаврамы могыла!

Промовыла и зныкла. Въ самотыни
Я застаюся розважать-гадаты,
Якъ вызволить той гукъ, що замкнутый въ ске-
льны,
Що мае гучно въ свити залунаты?

И я стою, неначе скамьянила.
Знебула думка вже не розважае...
Що се?.. немовъ бы писня забренила,
Здалека, мовъ бы цилый хоръ рыдае.

Глыбока, тыха, нерозважна туга
Вныкае въ сердце, каменемъ лягае;
Рыдае хоръ, мовъ дыкый витерьъ зъ луга,
А темрява склепиння застылае.

Зъ виконця ледве-ледве блысне проминь;
Ти хмары темни давять мою душу,
А сердце палать мовъ жерущый пломинь.
Ни, гукъ страшный я выдобуты мушу!

Хай я загыну, та хай сяе мыло
Надъ людьмы сонцемъ правда и надія!
Зважлыво простягаю руку, смило,—
И прокыдаюсь... Такъ! то сонъ бувъ... мрія!

ВЪЯЗЕНЬ.

ыдыть въ темныцы вязень самотный
И скризь блукае поглядомъ, смутный:
То по закуренимъ, нызькимъ склепинню,
То по стини, по брудному каминню.
Надъ головою въ його розпустила
Нудьга свои шыроки сыви крыла.

А думка рветься въ той шырокий свить,—
Його вкрыва теперь весняный цвить...
„Забудь той свить! мицна твоя темныця!“
И думка пада, мовъ пидбыта птыця.
Не плаче бидный вязень, не рыдае,—
Сумный, понурый край викна сидає.

Передъ викномъ шырока быта путь,
По й чужи байдужи люде йдутъ.
Хто йде, хто йде,—на темныцю гляне;
Холодный поглядъ!... Охъ, якъ сердце вяне!
Въ темныци тутъ жыва душа конае,
Нихто про те не думае, не дбае...

Дорогою йде жинка молода.
Якажъ сумна, убога та блида!
И на рукахъ несе малу дытыну,
Обгорнену въ подерту сирячыну.
Якажъ вродлыва, гарна, мовъ картына,
Та безталанна вбогая дытына!

Побачывъ въязень пару ту й зрадивъ,
А тилько выдъ ёму якъ снигъ збиливъ.
Охъ, сежъ ёго дружина молодая!
Охъ, сежъ ёго дытынонька малая!
„Здоровъ бувъ, любый“!—жинка говорила.—
А въ голоси їи слёза бренила.

Але весела й жвавенька була
И щебетала дивчынка мала:
„Куку, куку! а де ты? тутъ, татусю?
Визьмы на руци, поцилуй Марусю!“
Здавалось, певне, бидному дытяти,
Що татко жартамы сховавъ за граты.

А татко ручку дони цилувавъ
И гиркымы слёзамы облывавъ.
„Охъ, тыжъ мое дытя кохане, ридне!“...
А жинка мовыла:—„Радіе, бидне...
Мале,—ёго ще лыхо не діймае;
Вже другый день, якъ хлиба въ насъ немае.

Въ недилу ще за той нещасный хлибъ
Останнюю худобу жыдъ загрибъ,
Продавъ за довгъ остатнюю корову“...

И слёзы жинци перебылы мову;
До камина холодного прыпала
И ґирко, распачливо зарыдала.

Мала дытына почала квылыть
И стыха йисты въ матери просыть.
„Прощай!“ промовыла понуро мыла,
Дытыну до виконця пидсадыла.
Татусь, цилуючы свою дытынку,
Невильнычого хлиба давъ скорынку...

Винъ поглядъ свій у-слидъ имъ посылавъ.
Винъ и теперъ не плакавъ, не рыдавъ,
На очихъ въ його слёзы не блыщали,—
Воны на сердце каменемъ упалы.
И вязень руки заломывъ зъ журбою:
„На вищо мы побралыся зъ тобою!“...

Зоряне небо.

Зори, очи весняной ночи!
Зори, темрявы погляды ясни!
То лагідни, якъ очи дивочи,
То палкіи, мовъ свитла прекрасни.

Одна зирка палае, мовъ пломинь,
Били хмары кругъ неи, мовъ горы,
Не до насъ посила вона проминь,
Вона дывыться въ инши просторы...

Инша зиронька лычко ховае
Въ покрывало прозорее срибне,
Соромлыво на дилъ поглядае,
Сыпле блідее проминня дрибне.

Ты, прекрасна Вечирняя зоре!
Урочысто й лагідно ты сяешъ,
Ты на людске не дывышся горе,
Тилькы щастя й коханья ты знаешъ.

Якъ горыть и мыгыть инша зирка!
Срибломъ минуться искра чудесна...
Онъ зоря покотылась,—то гирка
Покотылась слёзына небесна.

Такъ, слёзына то впала. То плаче
Небо зорями слизьмы надъ нами.
Якъ тремтыть тее свитло! неначе
Промовля до насъ небо вогнямы.

Горда, ясна, огныстая мова!
Льеться проминнямъ ричъ та вельчна!
Та мы прагнемъ лышь людського слова
И нима для насъ книга одвична...

Есть у мене одна
Роспачлыва, сумна,
Одынокая зирка ясная;
Сеи жъ ночи дарма
Ии клычу,—нема,
Я стою у журби самотная.

И шукаю въ-гори
Я тиеи зори:
„Охъ, зійды, моя зирко лагидна!“

Але зори мени
Шлють проминня сумни:
„Не шукай їи, дивчыно бидна!“

Моя люба зоря ронить въ сердце мени,
Наче слёзы, проминня тремтяче,
Рвуть серденько мое ти проминня страшни...
Охъ, чого моя зиронька плаче!

Я сёгодня въ тузи, въ гори,
Мовъ у тяжкимъ снѣ,—
Отруили ясни зори
Серденько мени...

Въ неби мисяць зиходыть смутный
Помижъ хмарами выдъ свѣй ховае,
Його проминь червоный, сумный,
По-за хмарами свитыть-палае.

Мовъ пожежа на неби горыть,
Землю жъ темніи тини вкрывають,
Ледве проминь прорветься на мыть,
Знову хмары, мовъ дымъ, застылають.

Кризь темноту самотно зорыть
Одынокая зирка ясная,
И проминь такъ гордо горыть,
Не страшна їй темнота ничная!

Гордый проминь въ тіей зори,
Та въ нимъ туга палае огныста,
И сіяе та зирка въ-гори,
Мовъ велька слёза променыста.

Чи надъ людьми та зирка сумна
Променыстымы слизьмы рыдае?
Чи того, що самотна вона
По безмирнимъ простори блукае?...

Спивець.

Нышно займалысь багрянны зори
Колысь на весни,
Любо лылыся въ пташыному хори
Писни голосни.

Грала проминнямъ, яснымъ самоцвитомъ,
Порання роса,
И усмихалась веснянымъ прывитомъ
Натуры краса.

Гордо палала троянда роскишна,
Найкраца зъ квитокъ,—
Барвою й пахомъ вродлывыця пышна
Красыла садокъ.

А соловейко троянди вродлывій
Такъ любо спивавъ,
Голосомъ дывнымъ спивець чаривлывій
Садкы розывавъ.

Славъ до вечирнѣи зори прощання,
Що гасла въ-гори,

Ще жъ голоснише спивавъ на витання—
Поранній зори...

Вже пролетивъ, немовъ пташка залётна,
Весняный той часъ,—
Осινή холодная, осинь вильготна
Пануе у насъ.

Тыхо спускається ничка осиння,—
Годына сумна;
Мисяць холоднее кыда проминня;
Здалека луна'

Пугача вищого крыкъ,—гукъ едынй;
Диброва—нима.
Дежъ соловейко? дежъ спивъ соловьиный?
Охъ дежъ винъ?—нема!

Въ вырїй полынувъ, де вичная весна,
Натхненный спивецъ.
Вично красуе тамъ рожа чудесна,
Тамъ теплый витрець.

Глухо и смутно кругомъ на простори.
Мій гаю сумный!
Кынувъ спивецъ тебе въ тузи та въ гори,
Тебе й край ридный.

Тыша така теперьъ всюды пануе,
Лышь въ лысти сухимъ
Витерьъ зитха, мовъ дріада сумуе,
Изъ жалемъ глухымъ.

Чомъ я не маю огнистого слова,
Палкого, чому?
Може бѣ та щыра, горячая мова
Зломыла зиму!

И розлягалась бы завжди по гаю
Ясна-голосна
Писня,—й розквитла бѣ уридному краю
Новая весна.

Та хочъ бы й крыла мени соловьини
И воля своя,—
Я бѣ не лышыла тебе въ самотыни,
Краино моя!

Розбыта чарка.

На весилли брентя чарочки.—
Хай здорови живутъ молодята!
Хай жывуть, якъ въ гниздечку пташкы,
Хай кохаються, мовъ голубьята!

На весилли хтось чарку розбывъ,—
Молода на посади сумуе,
Молодый смутно чоло схыльвъ;—
Не журиться, „то щастя вьщуре“!

На весилли музыка гучна,
То-жь то шпарко та весело грае!
Охъ, я знаю, комусь то вона
Безталаннее серденько крае!..

И розбылось видъ жало свого
Серце смутне... Чи хто тее чуе?
Чи не скаже хто часомъ того,
Що—розбытее серце вищуе?..

Сосна.

Въ витромъ веснянымъ сосна̀ розмовляла,
Вично-зелена сосна,
Тамъ я ходыла и все выслухала
Що говорыла вона.
Ой не „зеленаго шума“ спивала
Вично—смутная сосна...
Ни, не „зеленаго шума“!
Чулася въ гомони тяжка зимовая дума.
Ранкомъ зимовымъ диброва мовчала,
Наче замерла сумна,
Тилько ряснымъ верховиттямъ шептала
Вично-зелена сосна;
Тамъ я ходыла и все выслухала,
Що говорыла вона,—
Та не веселая дума
Чулася въ гомони того „зеленаго шума“!...

* *
*

кѣ що прыйде журба, то не думай їи
Рознести у веселоцахъ бучныхъ,
За столомъ, де веселыи друзи твои
Пьють—гуляють пры поклыкахъ гучныхъ.

Ты не йды въ пышный димъ, де музыка бреныть,
Де танцюють веселыи пары,—
Тамъ ще гирше серденько тоби заболыть,
Чоло вкрыють ще тяжчыи хмары.

И въ людську течію ты не важся иты,
Де юрба стоголова якъ море
Йде, хвылюе, шумыть,—въ їй порынешъ и ты,
Не розійдеться-жъ тамъ твое горе.

Краще йды въ темный гай, у зеленый розмай,
Або въ поле, де витерь гуляе,
На дозвилли изъ лыхомъ соби розмовляй,
Може тамъ его витромъ розмае.

Або писню утны голосну, не смутну,
Щобъ, мовлявъ, засміялося лыхо,
Проженешъ тоди, певне, потвору страшну,
И на серденьку зновъ стане тыхо...

СОНЪ ЛИТНѢИ НОЧИ.

(Посвята М. Ставыському).

Сонъ литнѢи ночи колысь мени снылся.
Коротка та литняя ничка була,
И сонъ бувъ короткий,—винъ хутко зминывся
И зныкъ, якъ на сходи зоря розсвила.

Чудовая мрія, роскишна та ясна,
Кохано въ ту ничъ обгорнула мене,
Прыснылась мени люба доля прекрасна,
Прыснлось невыдане щастя дывне.

Була я щаслыва, безмирно щаслыва;
Прыснлось мени... та того не спысать!
Де въ свити йе мова така чаривлыва,
Щобъ справжнее щастя могла розказать?

Та сонъ бувъ короткий. Ранесенько рано
Вже зныкла рожевая мрія моя,—
Туды полынула, де грала кохано
Злотысто-рожева свитова зоря.

Поглянула я, що вже ничка зныкала,—
И душу мою обгорнула печаль;

И тихо—тихесенько я промовляла;
„Сонъ литней ночи! мени тебе жалы!...“

Я щастя не маю и въ мрїяхъ не бачу,
Бо иншыи мрїи у серци ношу
Колы я часами журюся и плачу,—
Я щастя у доли тоди не прошу.

Для иншыхъ и доля и щастя хай буде,
Соби я бажаю не сну, а жыття,—
Хто зо сну прокынувсь, хай щастя забуде,
Йому вже до щастя нема вориття!

Мій шляхъ.

На шляхъ я вийшла раннёю весною
И тихый спивъ, несмилый заспивала,
А хто стривався на шляху зо мною,
Того я щырымъ серденькомъ витала:
„Самій не довго збытись зъ пути,
Та трудно зъ неї збытись у гурти“.

Я йду шляхомъ, писни свои співаю;
Та не шукайте въ ныхъ пророчои науки,—
Ни, голосу я гучного не маю!
Колы-жъ хто слёзы льє зъ тяжкою муки,—
Скажу я: „разомъ плачмо, брате мій!“
Зъ ёго плачемъ я спивъ зъєднаю свій,

Бо не таки вже гирки слёзы—спильни.
Колы-жъ на довгому шляху прыйдеться
Мени почуты спивы гучни, вильни,—
Въ мойй души для ныхъ луна знайдеться.
Сховаю я тоди журбу свою,
И писни вильнои жалемъ не отрую.

Колы я поглядъ свій на небо звожу,—
Новыхъ зирокъ на йому не шукаю,

Я тамъ братерство, ривність, волю гожу
Кризъ чорни хмары вглядиты бажаю,—
Тыхъ тры вельчни золоти зори,
Що людимъ сяють безличъ литъ въ-гори..

Чи тилько терны на шляху знайду,
Чи стрину може де и квить барвыстый?
Чи до меты я певной дійду,
Чи безъ поры скинчу той шляхъ терныстый,—
Бажаю такъ скинчыты я свій шляхъ
Якъ почынала: зъ спивомъ на устахъ!

На давній мотивъ.

а добрыдень, ты моя голубко!—
„На добрыдень, мій коханий друже!“
—Що жъ сегодня snyлось тобі, любко?—
„Сонъ прысnyвся та дывненькый дуже.“

—Що-жъ за дыво snyлось тобі, myла?—
„Мени snyлысь билиы леліи“...
—Тишся, myла, бо лелія била—
Квитка чыстои та любои надіи!—

„Мени snyлысь билиы леліи,
Що хыталысь въ мисячному свитли,
Мовъ гадалы чаривныи мріи,
И пышалысь, гордыи, розквитли.

„И сіялы дывною красою.
Мовъ непевни, чаривнычи квити,
И блыщалы ясною росою,
Що горила наче самоцвити.

„Прыступыла я до квитивь блыжче,—
Вси леліи раптомъ затремтили,

Почалы хылытысь ныжче, ныжче
Тай пожовкы, дали почорнили.

„И зь лелій тыхъ чорныхъ поспадалы
Вси блыскучи самоцвитни росы,
На травыци схыленій лежалы,
Наче дрибни та рясны слезы...“

—Дывный сонъ твій, любко моя гожа..
А мени червони снылысь рожи.
„Тишся, мылый, бо червона рожа
То кохання квитка та роскоши!“

—Мени снылося; червони рожи
Пломенилы въ промени злотыстимъ
И булы на райски квиты схожи,—
Запашны, зь лыстячкомъ барвыстымъ.

Такъ чудово рожи паленилы
Видъ коханья й радости яснои,
И цвилы, тремтилы та горилы
Видъ жагы палкои, таемнои.

Прыступывъ я до одной рожи,—
Прыгорнуть хотивъ я до серденька,—
Зблизлы раптомъ рожи прехороши
И найкраща роженька ясненька.

Тай умылась буйною росою
Та моя найкраша рожа мыла,
Мовъ пидтята гострою косою
Полягла мени до нигъ змарнила...

Засмутилась пара молоденька,
Зрозумити снівъ своїхъ не може,
И до дому поверта смутненька.
Дай имъ, Боже, щобъ було все гоже!...

До мого фортепяно.

Елегія.

Мій давній друже! мушу я съ тобою
Розстатися надовго... Жаль мени!
Съ тобою звикла я дилытись журбою,
Вповидувать думкы, весели и сумни.

Тожъ пры тоби, мій друже давній вирный,
Пройшло жыття дытячее мое.
Якъ сяду пры тоби я въ часъ вечерный,
Вогато спогадивъ тоди встае.

Картына повстае: зибравсь гурточокъ,
Провадыть речи, и спива, й гука,
На клавишахъ твоихъ швыдкый, гучный таночокъ
Чіясь весела выграва рука.

Та хто се плаче тамъ, въ другій хатыни?
Чіе рыдання стрымане, тяжке?...
Не-сыла тугу крыть такій малій дытыни,
Здавило сердце почуття гирке.

Чого я плакала тоди чого рыдала?
Тодижъ кругомъ такъ весело було...

Охъ, певне, лихо серцемъ почувала,
Що на мене мовъ хмара гризна йшло!

Колы я смутокъ свій на струны клала,
Зъявлялась цила зграя красныхъ мрій,
Веселкою моя надія грала,
Далеко лынувъ думокъ лехкый рій.

Розстаємось на довго мы съ тобою!
Зостанешся ты въ самоти нимій,
А я не матыму де дитися зъ журбою...
Прощай же, давній, любый друже мій!

Contra spes spera!

Гетьте, думы, вы хмары осинни!
Тождь тепера весна золота!
Чи то такъ у жалю, въ голосинни
Промынуть молодыи лита?

Ни, я хочу кризь слёзы сміятысь,
Середь лыха спиваты писни,
Безъ надїи такы сподиватысь,—
Жыты хочу! Геть думы сумни!

Я на вбогимъ сумнимъ перелози
Буду сіять барвысти квиткы,
Буду сіять квиткы на морози,
Буду лыть на ныхъ слезы гирки.

И видь слизь тыхъ горячыхъ розтане
Та кора лёдовая, мицна,
Може, квиты зйдуть, и настане
Ще й для мене весела весна.

Я на гору круту кремьяную
Буду каминь важкый пидіймать,
И, несучы вагу ту страшную,
Буду писню веселу спивать.

Въ довгу, темную ничку невидну
Не стулю ни на хвильку очей,
Все шукатыму зирку провидну,
Ясну владарку темныхъ ночей.

Такъ! я буду кризь слёзы сміятысь,
Середъ лыха спиваты писни,
Безъ надіи таки сподиватысь,
Буду жыты!—Геть думы сумни!

Симъ струнъ.

(Посвята дядькови Михайлови).

До.

(Гимнъ. Grave)

 о тебе, Украино, наша бездольная маты,
Струна моя перша озветься,
И буде струна урочисто и тихо лунаты,
И писня видъ серця польеться.

По свити широкому буде та писня литаты,
А зъ нею надія кохана,
Скризь буде литаты, по свити мижъ людьмы пытаты.
Де схована доля незнана?

И, може, зустринеться писня моя самотная
У свити зъ пташкамы—писнямы,
То швидко полыне тоди тая гучная згряя
Далеко шляхамы—тернамы.

Полыне за сынее море, полыне за горы,
Литатыме въ чыстому полю,
Здйметься высоко, высоко, въ небесни просторы
И, може, спитка тую долю.

И, може, тоди завитае та доля жадана
До нашої ридної хаты,
До тебе, моя ты Україно мыла, кохана,
Моя безталанная маты!

Ре.

(Писня Вгioso).

Ве-гуде негодонька,
Негодонькы не боюся,
Хочь на мене прыгодонька,
То я нею не журюся.
Гей вы, гризни, чорни хмары
Я на вась збираю чары,
Чаривну добуду зброю
И писни свои узброю.
Доци ваши дрибненькіи
Обернуться въ перлы дрибни,
Поломляться ясенькіи
Блыскавыци ваши срибни.
Я жь пущу свою прыгоду
Геть на тую быстру воду,
Я розвію свою тугу
Вильнымъ спивомъ въ темнимъ лугу.

Реве-гуде негодонька,
Негодонькы не боюся,
Хочь на мене пригодонька,
То я нею не журюся.

Ми.

(Колыскова. Arpeggio)

Мисяць ясененький
Проминь тыхесенький
Кынувъ но насъ.
Спы-жь ты, малесенький,
Пизній бо часъ

Любо ты спатымешъ,
Поки не знатымешъ,
Що то печаль;
Хутко прыйматымешъ
Лыхо та жаль.

Тяжка годынонько!
Гирка хвылынонько!
Лыхо не спыть...
Леле, дытынонько!
Жыть—слезы лыть.

Соромъ хылытыся,
Доли корытыся!
Часъ твій прыйде
Зъ долею бытыся,—
Сонъ пропаде...

Мисяцъ ясененький
Проминь тихесенький
Кынувъ до насъ,...
Спы-жъ ты, малесенький,
Поки е часъ!

Фа.

(Сонетъ).

антазіе! ты сыло чаривна,
Що збудувала свить въ порожньому простори,
Вложила почуття въ байдужый проминь збори,
Що будышь мертвыхъ зъ вичнаго ихъ сна,

Жыття даешъ холодній хвыли въ мори!
Де ты, фантазіе, тамъ радости й весна.
Тебе витаючы, фантазіе ясна,
Пидводимо чоло похиленее въ гори.

Фантазіе, богыне легкокрыла,
Ты свить злотыстыхъ мрій для насъ открыла
И землю зъ нымъ веселкою зъєднала.

Ты свитове зъєднала зъ таемнымъ.
Якъ бы тебе людська душа не знала,
Було-бъ жыття, якъ темна ничь, сумнымъ.

Sal.

(Rondeau)

оловейковый спивъ на весни
Льлеться въ гаю, въ зеленимъ розмаю,
Та писень тыхъ я чуть не здолаю,
И весняни квитки запашни
Не для мене розквитлы у гаю,—
Я не бачу весняного раю;
Ти спивы та квиты ясни
Наче казку дывну прыгадаю—
У сни!...

Вильни спивы, гучни, голосни
Въ риднимъ краю я чуты бажаю,—
Чую скривъ голосиння сумни!

Охъ, невже въ тоби, ридный мій краю,
Тилькы й чуються вильни писни—
У снї?

La,

(Nocturno).

Л агидни весняныи ночи зорысти!
Куды вы одъ насъ полынули?
Писни соловейкови дзвинко-сриблысти!
Невже вы замовклы, мынули?

О, ни, ще не часъ! ще бо мы не дизналы
Всїхъ дывъ чаривльвои ночи,
Та ще бо лунають, якъ перше луналы,
Веснянки чудови дивочи.

Ще маревомъ лехкымъ надъ намы витае
Блакитна весняная мрія,
А въ серци роскишно цвите процвитае
Злотыстая квитка—надїя.

На крылахъ фантазіи думкы літають
Въ краину таємной ночі,
Тамъ проміннямъ грають, тамъ любо такъ сяють
Лагідні весняні очі.

Тамъ ясні зорі і тихі квіти
Еднаються въ дивній розмові,
Тамъ стыха шепочуть зелені вیتی,
Тамъ гімни лунають любові.

І квіти, і зорі, й зелені вیتی
Проводять розмови кохани
Про вичную силу весни на симъ свиті,
Про чары потужні весняні.

Si,

(Settina.)

імъ струнъ я торкаю, струна по струні,
Нехай мої струни лунають,
Нехай мої спиви літають
По ридній коханій мої сторони.
І, може, де кобза знайдеться,
Що гучно на струни озветься,
На струни, на спиви мої негучні.

И, може, заграє та .кобза вильнише,
Нижъ тыхіи струны мои,
И вильнии гуки їи
Знайдуть послуханья у свити пылнише;
И буде та кобза—гучна,
Та тилько не може вона
Лунаты видъ струнъ моихъ тыхыхъ щырише.

Сонетъ.

Натура гине—вся въ оздобахъ, въ злоти,
Останній усмихъ ясный посила
И краскою непевною пала,
Немовъ конаюча вродлывыця въ сухоти.

Недавно ще була вона въ турботи,
Жыла и працею щаслывая була;
Теперь останніи дарунки роздала
И тыхо умира... кинецъ їи работи!

Спокійно умира, и лыстомъ покрывае
Росынки били, ти слёзы самотни
Видъ сонця ясного и видъ людей ховае.

Натура лье ти слёзы таемни,
Того, що хутко ляже въ смертнимъ снѣ,
Въ холодній, билій снѣговій труни...

Досвѣтні огні.

Ничь темна людей всихъ потомленыхъ скрыла
Пидь чорни, шырокіи крыла.
Погаслы вечирни огни;
Уси спочывають у сні.
Всихъ владарка ничь покорыла.

Хто спыть, хто не спыть,—покорысь темнѣи сыли.
Щаслывыи, хто сны мае мыли!
Видь мене сонъ мылыи тика...
Навколо темнота тяжка,
Навколо все спыть, якъ въ могыли.

Прывыддя лыхи мени душу гнытылы,
Повстаты жъ не мала я сылы...
Зненацька проминня яснѣ
Одъ сну пробудыло мене,—
Досвѣтні огні засвѣтылы!

Досвѣтні огні переможни, урочи
Проризалы темряву ночі,
Ще соняшни промини сплять,—

Досвитни огни вже горять,
То свитять ихъ люде робочи.

Вставай, хто жывый, въ кого думка повстала!
Годына для праці настала!

Не бійся досвитнёи мглы,—
Досвитній огонь запалы,
Колы ще зоря не заграла.

На роковины Шевченка.

В олысь нашу ридну хату
Тёмрява вкрывала,
А чужа сусидська хата
Свитламы сіяла.

Та мынавъ ты, нашъ Кобзарю,
Чужьи пороги,
Оравъ свою вбогу ныву,
Ридни перелогы.

Гомонила твоя кобза
Гучною струною,
Въ кожнимъ серци одбывалась
Чыстою луною.

Спочываешъ ты, нашъ батьку,
Тыхо въ домовыни,
Та збудыла твоя писня
Думкы на Вкраини.

Хай же проминь твоихъ думокъ
Помижъ нами сяе,—
„Огню искра велького“
По викъ не згасает!

Щобъ мижъ намы не вгасало
Проминня вельчне,
Ты „поставывъ на сторожи“
Слово твое вичне.

Мы, якъ ты, мынаты будемъ
Чужьи пороги,
Орать будемъ свой нывы,
Ридни перелогы.

Лодорижъ до моря.

(Посвята симъи Мыхайла Ф. Комарова).

I,

Нрощай, Волянъ! прощай, ридный куточокъ!
Менé видъ тебе доленька жене,
Немовъ одъ дерева одирванный лысточокъ...
И мчыть зализный велытень мене.
Передо мною кылымы чудови
Натура стеле,—темныи лугы,
Славуты красной боры соснови
И Случи ридной весели берегы.
Снується краевыдивъ плетеныця,
Розтопленымъ сриблómъ блестятъ ричкы,—
Тожъ матинка-натура чаривныця
Розмотуе свои стобарвныи ныткы.

II.

Дáли, все дáли! онъ лáтани нывы,
Наче плахты,—навкругы розляглысь;
Потимъ уккрылы все хмары ти сыви
Душного дыму, зъ очей скрывся лись,
Горы весели й зелени долины

Згынулы раптомъ, якъ любіи сны;
Ще за году, и ще за хвылыну
Будуть далёко, далёко воны!..
Щастя колышнёго хвыли злотысти
Часъ такъ швыдкый пожыра, мовъ огонь,—
Гынуть ти хвыли, мовъ квити барвысти,
Тилько й згадаешъ: „охъ, мылый бувъ сонъ!“...

III.

Красо Украины, Подолля!
Роскынулось мыло, недбало!
Здається, що зроду недоля,
Що горе тебе не знавало!

Онъ де балочка весела,
Въ ній хороши, красни села,
Тамъ хаты садкамы вкрыти,
Срибнымъ маревома повыти,
Коло сель стоять тополи,
Розмовляють зъ витромъ въ поли.

Хвылюють ланы золотыи,
Здається, безъ краю,—ажъ знову
Боры велычезни, густыи
Провадять таемну розмову.

Онъ ярочки зеленёнки,
Стежечки по ныхъ маленьки,
Перевыти, мовъ стричечки,
Збигаються до ричечки,
Ричка плыне, берегъ рвучы,
Дали, дали попидъ кручы..

Красо України, Подолля!
Роскынулось мыло, недбало!
Здається, що зроду недоля,
Що горе тебе не знавало!...

IV.

Сонечко встало, прокынулось ясне,
Грає вогнемъ, променіе,
И по степу розлива свое свитлонько красне,—
Степъ видъ ёго червоніе.
Свитломъ рожевымъ тамъ степъ паленіе,
Проминь де льється искрыстый,
Тилько туманъ на заходи суворо сынїе,
Тамъ заляга винъ, росыстый.
Онъ степовее село розляглося
Въ балци веселїй та мылїй,
Ясно-блакитнымъ туманомъ воно повылося,
Тилько на хатоньци билїй
Видно зеленую стриху. А дали,—де гляну,—
Дали все степъ той безъ краю,
Тилько витрякъ вырынае де-не-де зъ туману;
Часомъ могылу стриваю.
Въ неби блакитнимъ ниде ни хмарынкы,—
Тыхо, и витерь не віе.
Де не погляну, ниде ни былинкы,
Тыха травыця леліе...

V,

Велькее мисто. Будынкы высоки,
Людей тыхъ—безъ лику!

Веселую чутно музыку.
Розходятся людскіи лавы широки,
Скризь видно ту юрбу вельку.

И все чужына! охъ, беда самотному
У мисти широкимъ!
Себе почувать одынокымъ!
И добре, хто мае къ багаттю чыёму
Склонытыся слухомъ и окомъ.

Тожъ добрыи люде мене привиталы
Въ далекій краини,
Тамъ друга въ прыхыльній дивчыни
Знайшла я. И моря красу споглядалы
Неразь мы пры тихій годыни.

На тихому неби заблыснулы зори,
Огни запалалы
У мисти. Мы тихо стоялы,
Дывылысь, якъ ясно на темному мори
Незличени свитла сіялы.

VI.

Дали, дали, видъ душного миста!
Серце прагне бують на простори!
Бачу здалека,—хвыля искрыста
Грае вильно по сынёму мори.

А у тую недиленьку рано
Сыне море чудово такъ грае,
Його сонечко пестыть кохано,
Краснымъ-яснымъ проминнямъ витае.

Що биліе отамъ на роздоли?
Чи хмарыночка легкая, била,
Геть по неби гуляе по воли?
Чи на човни то били витрыла?

Въ мори хвыля за хвылею рыне,
Море наче здіймається въ гору,
А склепиння небеснее сыне
Край свій ясный купае у морю.

Свитло тамъ простяглося видъ сходу,—
Очи вабыть стяга та искрыста;
Корабель нашъ розризуе воду—
И дорога блакитно перлыста

Зостається широка за нами,
Геть далеко розкочуе хвыли,
Що сердыто трясуть гребенямы,
Наче грывамаы бгыри били.

А здалека, отамъ на заходи,
Срибнокудрыи хвыли кывають,—
„Нереиды“ пры соняшнимъ сходи
Проминь ранній таночкомъ стривають...

И танцюють хымерно та лехко.—
Ось блызенько вже выдно ту зграю,
Ажъ и зновъ одкотылась далеко,
Генъ биліе въ туманному краю...

Море, море! безъ краю просторе,
Руху повне и разомъ спокою!

Забуваю и щастя и горе,
Все назёмне,—з'еднатись зъ тобою

Я жадаю на часъ, на годьну,
Щобъ не бачыть ничего на свити,
Тилько бачыть осяйну долину
И губытысь въ прозорій блакити!

VII.

Ой высоко сонце въ яснимъ неби стало,
Гаряче проминня тай порозсыпало.
По хвыляхъ блакитныхъ плыве човень прудко.
Отъ и берегъ выдко! прыбулы мы хутко.

Ой вже сонечко яснее та стало на межи,
Освityло аккерманськи турецькiи вежи.

Си круглы вежи й высокiи муры—
Страшни та сувори, непевни, понури.
И скрызъ у тыхъ мурахъ стрильныци-бойныци,
Пры вежахъ тыхъ сумни „темныи-темныци“.

Въ сихъ темныцяхъ колысь наши та прыймалы горе,
Слалы думкы крылатыи черезъ сыне море...

У темныхъ темныцяхъ нема ни виконця,
Не выдко зъ ныхъ свитла, ни ясного сонця;
А свить такый красный, хороший, роскишный!
Пидъ яснимъ проминнямъ лыманъ такый пышный!

Його хвыля край берега ясно такъ сыніе,
А де-дали ледве, ледве, мовъ туманъ, леліе...

Глянуть на лыманъ той,—втишається око!
Колысь ёго хвыли вкрывалысь шыроко
Тымы байдакамы, лехкымы чайкамы,
Що плылы на сей бикъ та за козакамы:

Швыдко ридныхъ вызволяты козаки летилы...
За мурамы высокымы ворогы тремтилы...

Славо, наша згубо! славо, наша маты!
Тяжко зажурытысь, якъ тебе згадаты!
Кривью обкыпила вся наша давнына,
Кривью затопыла долю Украина.

Ой лымане-лыманочку, хвыле каламутна!
Де подилась наша воля, слава наша смутна?

Все мына!... Видъ славы давнѣи давныны
Лышь зосталысь вѣжи, та ниміи стины!
Де ходылы люти туркы-янычары,
Тамъ пасуться мырни овечокъ отары...

Де полягла козацькая голова думлыва,
Вырись тамъ будякъ колючый та глуха кропыва.

Выросла тамъ квитка у темныци, въ ями,—
Мы їи зирвалы, нехай буде зъ намы!
Квитка тая, може, выросла зъ якого
Козацького сердца, щырого, палкѣго?...

Чи гадавъ той козаченько, йдучы на чужыну,
Що вернетъся зъ ёго сердца квитка на Вкрайну?...

Сумно тутъ усюды, такъ пусто, такъ глухо,
У цилому замку немае ни духа,
Коло брамы тилько минаретъ тоненькый,
Тамъ куринь прыладывъ вивчаръ молоденькый.

Та въ курени-минарети вивчаря немае,—
Онъ винъ зъ вежи високои на дилъ поглядае.

Зъ високои вежи вивчарыку выдко,
Якъ котяться хвыли лыманови швыдко,
А дали зныкають у сынёму мори...
Вивчарыка поглядъ блукае въ простори.

Мае винъ просторъ шырокий для думокъ та гадокъ
Щò то винъ теперь гадае, лыцарскый нащадокъ?...

VIII.

Вже сонечко въ мóре сидá;
У тихому мори темніе;
Прозора, глыбока вода
Немовъ оксамитъ зеленіе.

На хвыляхъ зеленыхъ тремтять
Червоныи искры блискучи
И яснымъ огнемъ мыготять,
Мовъ блискавка зъ темной тучи.

А де корабель нашъ пробигъ,
Дорога тамъ довга й шырока
Биліе якъ мраморъ, якъ снігъ,
И ледве прымитно для ока.

Рожевіє пинистый край;
То искра заблысне, то згасне...
Ось промись остатній!... Прощай,
Веселее сонечко яснє!

IX.

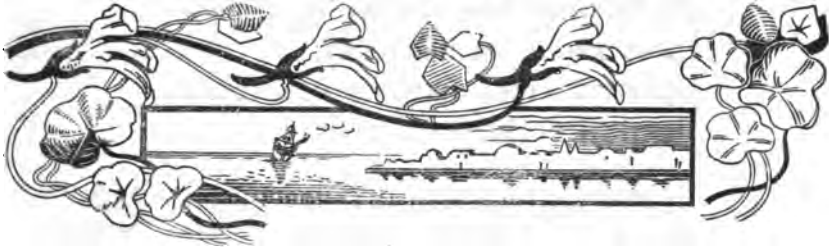
Кинець подорожи,—
Вже зиронькы гожи
Сіяють на неби яснóму,
И вже высочёнко
Ясный мисячёнко,—
Вже хутко прыбудемъ до дому.

Огни незличённи,
Мовъ стричкы огнённи,
До моря спускаються зъ миста,
А въ прыстани грає,
Огнямы сіяє
Кораблыкивъ зграя барвыста.

За часъ, за году,ну,
Тебе я покыну,
Вельчнее море таемне!
И зновъ мене прыме,
Огорне, обійме
Щоденцына й лыхо назёмне.

И въ ридному краю
Неразь спогадаю
Часыны си люби та мыли!
Прощай, сыне море,
Безкрае, просторе,—
Вы, горды, вильныи хвыли!

Крымські спогады.

✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠
✠ (Посвята братови Михайлови). ✠
✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠ ✠

I.

Тыша морська.

Въ часъ гарячый полудневый
Выглядаю у виконце:
Ясне небо, ясне море,
Ясни хмаркы, ясне сонце.

Певне, се краина свитла
Та злотыстои блакити,
Певне, тутъ не чулы зроду,
Що бува негода въ свити!

Тыша въ мори... ледве-ледве
Колыхае море хвыли;
Не колышуться одъ витру
На човнахъ витрыла били.

Зъ тыхымъ плескотомъ на берегъ
Рыне хвылечка перлыста;
Правыть хтось малымъ човенцемъ,—
Вьеться стежечка злотыста.

Правыть хтось малымъ човенцемъ,
Стыха весла пидіймае,
И здається, що зъ весельця
Щыре золото спадае.

Якъ бы я теперь хотила
У мале човенце систы
И далека на схидъ сонця
Золотымъ шляхомъ поплысты!

Поплыла бь я на схидъ сонця,
А видь сходу до заходу,
Тымъ шляхомъ, що проложыло
Ясне сонце черезъ воду.

Не страшни для мене витры,
Ни пидводны каминня,—
Я про ныхъ бы й не згадала
Вь краю вичного проминня!

Евпаторія 1890 р. 19 серпня.

2.

Грай, моя писне!...

осыть невильная думка мовчала,
Мовъ пташка у клитци замкнута одъ свита,
Писня по воли давно не литала,
Прыборкана туюю, жалемъ прыбыта.

Чась, моя писне, у свить погуляты,
Розправыты крыльця, пошарпани горемъ,
Чась, моя писне, по воли буюты,
Послухатъ, якъ витерьъ загравъ по надъ моремъ.

Плынь, моя писне, якъ хвыля хибкая,—
Вона не пытае, куды вона плыне;
Лынь, моя писне, якъ чайка прудкая,—
Вона не боиться, що въ мори загыне,

Грай, моя писне, якъ витерьъ сей грае!
Шумы, якъ той шумъ, що кругъ човна выруе!
Дарма, що видгуку витерьъ не мае,
А шумъ на хвылыночку поглядъ чаруе!

Середъ чыстого моря 1890 р. 17 серпня.

3.

Безсонна ничъ.

Нилу ничъ до зори я не спала,
Прыслухалась, якъ море шумило,
Якъ таемная хвыля зитхала—
И якъ сердце мое стукотило.

Ночи темной дывни почвары
Заглядалы въ безсонныи очи,
И страшниши, нижъ сонни кошмары,
Ти прывыддя безсонной ночи.

Думкы-гадки, мовъ птахы ничныи
Налетилы, тяжки та сувори.
Охъ, непевни ти думы, страшныи,
Наче хвыли у пивничъ на мори!

Хто одважыться въ пивничъ на море
Свое хыбке човенце зипхнуты?
Хто поважыться людськее горе
Свитовее серденькомъ збагнуты?

Той у пивничъ на море поплыне,
Хто не думае ранку диждаты...

Хай же думка моя вильно лыне,—
Я не буду на ранокъ чекаты.

Середъ мѳроку, бури-негоды,
Цилу ничь буде човенъ блукаты;
Якъ зйде сонце правды та згоды,
Я тоди вичнымъ сномъ буду спаты.

Буде шарпаты буря витрыла,
Пожене геть по темному морю.
Охъ, колыбъ мени доля судыла
Хочъ побачыты раннюю зѳрю!

Евпаторія, 1891 р.

4.

На човни.

Ничко дывна! тоби я корюся.
Геть вси темны думы сумни!
Не змагаюся вже, не борюся,
Потопаю въ сриблястому снѣ.

Люде сплять, спыть и людськее лыхо,—
Лыхо сылы не мае въ сю ничь.
Тыхо скрызъ и на серденьку тыхо,
Десь журба зъ нѣго згынула причь.

Може, тилько сховалась глыбоко?
Може заразы прокынетъся зновъ!
Та дарма! помы яснѣ ще око,
Не здѣймаймо журлывыхъ розмовъ!

Глянь, якъ хвыли видъ срибла блыщаться!
Глянь, якъ небо сынѣ вгори!
Бабыть хвыля на море податься,
Клыче проминь яснѣи зори.

.

Плыне билый човныкъ, хвылечка колыше,
Хвылечка гойдае:

Плыне билий човныкъ, витерь ледве дыше,
Ледве повивае.

Билыи хмарынки, лебедыни крыла
У-гори гуляють,
Довгою стягою, що зорю покрыла,
Мисяця сягають.

Мисячёнко свитло, и рожеве й срибне,
Кыда-розсыпае,
И ряхтыть, и сяе свитло тее дрибне,
Якъ вогонь палае.

Геть далеко въ мори корабли виднiють.
Бачу здалеченька,
Якъ выразно щоглы тонкiи чорнiють
Проты мисяченька.

Плыньмо геть за тее корабельне мисто,
Тамъ, де намъ прекрасна
Дориженька сяе, де пала огнысто
„Stella maris“ ясна.

.

На човни насъ було тилько двое.
Хвыли скрызъ вколо насъ колывались,
И таки мы самóтни обое
Середъ того простору здавались.

Я дывылась на тебе, мiй брате;
Щó гадала,—не вымовлю зроду;

Чымъ було тоди серце багате,
Поховала я въ тихую воду.

Може, хвыля тоби розказала
Все, що думала я въ тую мыть?
Ни! вона те глыбѣко сховала...
Хай же тамъ моя думонька спыты!

Думка спыть и сердѣнько спочыло;
Я дывлюсь на облыччя твое;
Тыхе море спокою навчыло
Невгамовнее серце мое...

Евпаторія, 1891 р. 8 лыпня.

Б.

Негода.

Въ темный вечеръ сыжу я въ хатыни;
Буря грае на Чорному мори...
Гоминь, стогинь, квылиння пташыни,
Бьеться хвыля, якъ въ лютому гори.

Тамъ на бѣрези мріе килкамы
Мѳрськый човень розбытый, нужденный..
Наче звирь, що въ пустыни пискамы
Його вихорь засыпавъ пивденный;

Мовъ у неба ратунку благають
Ти останкы сумни, нещаслыви,
А зъ туману на ныхъ набігають
Гризни, люти валы билогриви.

Вдарыть валъ и гукнѣ, мовъ зъ гарматы,
Скризь по бѣрези гукъ залунае;
Хоче море човна розламаты,
Трощыть, ломыть, пискомъ засыпае..

Якъ розбитый човѣнъ безталанный
Середь жовтыхъ пискивъ погыбае,
Такъ чудовый сей край богоданный
У неволи въ чужыхъ пропадае.

Наче кинь степовой, вильный, дыкый,
Що въ пискахъ у пустыни вмирае:
Захопывъ ёго выхоръ великый,
Кинь упавъ и въ знесылли конае.

Въ нѣму сердце живее ще бьеться,
Въ нѣму кровь не застыгла живая,
А надъ нымъ вже кружляе та вьеться
Птаства хыжого чорная зграя;

Рвуть, хапають, йдять та шматують,
Пры пажернимъ та лютимъ ячанни,
И кривавее тило батують,
Що тремтыть при останнимъ сконанни.

Сыльне море! зберыся на сыли!
Ты потужне, нема тоби впыну,—
Розжены свои буйныи хвыли,
Затопы сю нещасну краину!

6

Мёрдвень *).

Бескыды сыви, червоныи скели,
Дыки, непевни, навислы надъ намы.
Се, кажутъ люде, злыхъ духивъ осели
Сталы пидъ хмары стинамы.
Зъ гиръ ажъ до моря уступы сягають,
Люде прозвалы ихъ „Чортови сходы“,
Ходять зли духы по ныхъ, та збигають
Гучни весняныйи воды.
Люде жъ не сміють зійты по тыхъ сходахъ.
Геть на верхивля туманомъ, повыти,—
Духы поклалы по всихъ переходахъ
Скели, видъ кручи видбыти;
Хто тилько йтыме по сходахъ,—задушать,
Кынувшы скелею въ нѣго тяжкою,
И подоланного стогинъ заглушать
Духы луною гирськôю.

*) „Чортови сходы“.

7.

Байдары.

Дорóга дóвга. Чагари, долины,
На неби пáлкому ниде ни хмары.
Мы йидемо, спочынку нихвылыны.

Колы зненацька чую: „ось Байдары!“
Дывлюся: брама, сыви дзи скелыны...
О, що се? Чудо, чи потужни чары?

Немовъ заслона впала и видкрыла
Натуры дывни краснiи дары,
Що доси видъ людськыхъ очей ховалысь.

Щобъ тутa жыты, треба маты крыла!
Вже люде певне видъ тiи поры
Тутъ не жывуть, якъ зъ раемъ попрощалысь

Мовъ невыдымая рука тутъ положила
Граныцею отси дзи горы,
Що высоко до неба поздiймалысь,

Одынъ зеленый бескидъ, другый—темный.
Здалека море хвыли золотіи
Шле, наче провистъ воли и надіи...

Чи се той свить, загублений, таемный,
Забутый незабутній рай наземный,
Що такъ давно шукають наши мріи?...

Татарочка.

 амъ за мистомъ, по надъ шляхомъ бытымъ,
По горячимъ каменнымъ поли
Йде дивча татарское вродлыве,—
Молоденьке, ще гуля по воли.

На чорнявій смилывій голиви
Червоніе шапочка маленька,
Выдъ смуглявый ледве прикрывае
Шовкомъ шытая чадра биленька.

То закрые лычко, то видкрые,—
А очыци наче блискавыци,
Такъ и грають зъ попидъ бривокъ темныхъ!
Що за поглядъ въ сеи чаривныци!

9.

Бахчысарай.

Говъ зачарованый стоить Бахчысарай.
Шле мисяць зъ неба промини злотысти,
Блыщать, мовъ срибни, били стины въ мисти,
Спыть циле мисто, мовъ заклятый край.

Скризь минареты й дерева сриблысти
Мовъ стережуть сей тыхый сонный рай;
У темряви та въ винограднымъ лысти
Таемно плеще тыхый водограй.

Повитря дыше чаривнымъ спокоемъ,
Надъ соннымъ мистомъ лехкоккрылымъ роємъ
Витають красни мрії, давни сны.

И верховиттямъ тонкіи тополи
Кывають стыха, шепотять по воли,
Про давни часы згадують вони...

10.

Бахчисарайський дворець

 очь не зруйнована—руина ся будова,
Зъ усихъ куткивъ тутъ пустка выгляда.
Здається, тилько-що промчалась тутъ беда,
Мовъ хуртовына гризняя, раптова.

Тутъ водограивъ ледве чутна мова.—
Журлыво, тихо гомонить вода,—
Немовъ слёзамы, краплямы спада;
Себе оплакуе оселя ся чудова.

Стоять зъ гарему звáлыща сумни,
Садокъ и башта; тутъ въ колышни дни.
Вродлыви бранкы вроду марнувалы.

Колысь тутъ сыла и неволя панувалы,
Та сыла зныкла, все лежить въ руини,—
Неволя й доси править въ сій краини!

11.

Бахчисарайська гробныця.

Налкого сонця промини ворожи .
На кладовище сыплються, мовъ стрилы,
На те каминня, що вкрыва могылы,
Де правовирни сплять, пиддани Божи.

Ни квитиць, ни деревъ, ни огорожи...
И середъ пусткы, наче на сторожи,
Стоить гробныця. Ти, що въ ній спочылы,
На вики въ ній свое имення скрылы.

Зъ чужого краю тутъ спивци бувалы
И тини бранкы любои шукалы,—
Вытае жъ тута ынша тинь, кривава:

Ни, тута не лежить краса гарема,
Марія смутна, чи палка Зарема,—
Тутъ спочыва бахчисарайська слава!

12.

Надсонова домивѣа въ Ялти.

Смутна оселя!.. Въ веселій краини,
Въ горахъ зеленыхъ, въ роскишній долини
Мисця веселого ты не знайшовъ,
Смутный спивець! умирать въ самотыни,
Въ смутну оселю прыйшовъ.

Звидсы не видно ни моря ясно́го,
Гомону зъ миста не чутно гучно́го,
Зъ бору соснового шумъ тутъ идé;
Горы лунають одъ витру буйно́го,
Часомъ де дзвинъ загуде....

Сталы въ саду кипарысы стиною
Оберегаты въ осели спокою,
Лавры—неначе зсушыла журба,
Тыхо, журлыво кыва головою,
Виттямъ плакучымъ верба.

Все тутъ журлыве кругомъ сеи хаты,—
Та найсмутнйши отіи кимнаты,

Де безталанний поэтъ умиравъ:
Все тутъ забрала, що можна забрати,—
Смутку жъ никто не забравъ.

Викна тьмяны, мовъ очи слабого,
Въ хати порожній самотно, убого,
Высыть свичадо на голій стини,
Мглою повесть,—дывытысь на нёго
Сумно здавалось мени...

Тута остатни „огни догорили“,
Тута остатни „квитки облетили“.
Тилько зосталася муза одна,
Що не лышыла спивця до могилы,
Тута вытае сумна́.

Тило поэта въ далекій чужыни;—
Тамъ, у тій самій холодній краини,
Серце на смерть отруили ёго!—
Смутная муза лита въ самотыни,
Клыче поэта свого.

Въ дытячому крузи.

* *
* *

На зеленому горбочку,
У вышневному садочку,
Прытулылася хатынка,
Мовъ маленькая дытынка
Стыха выйшла выглядаты,
Чи не выйде ии маты.
И до билои хатынцы,
Немовъ маты до дытынцы,
Выйшло сонце, засвityло
И хатынку звесelyло.

* * *

Лито краснее мынуло,
Снигъ лежыть на поли;
Диты зъ хаты выглядяють
Въ викна... шкода воли!

Диты нудяться въ хатыни,
Нудять, нарикають:
„И на що зима та люта?“
Все воны пытають.

„Онъ все поле снигъ завявъ,
Хочъ не йды изъ хаты!
У замкнути дывысь викна,
Ниде й погуляты!

Снигъ зъ морозомъ поморозывъ
Вси на поли квити...
Десь зима та не скинчыться!“
Нарикають диты.

—Ждите, ждите, люби диты!
Лито зновъ прылыне,
Прыйде мыла годынонька,
Якъ зима та згыне;

И заквитне ваше поле
И зазеленіе,—
Зновъ ёго весна прекрасна
Квиточкамы вкрые.—

* * *

„Мамо, идè вже зима,
Снигомъ травцю вкрывае,
Въ гаю пташокъ вже нема...
Мамо, чи кожна пташына
Въ вырїй на зиму литае?“ ,
Въ ненькы спытала дытына.

—Ни, не кожна,—одказуе маты,—
Онде, бачышъ, пташына сывенька
Скаче швыдко, отамъ билия хаты,—
Ще зосталась пташына маленька.

„Чомъ же вона не втика?
На що морозу чека?“—

—Не боиться морозу вона,
Не покыне крайны риднои,
Не боиться зимы нависнои.
Жде, що знову прылыне весна“.

„Мамо, ти сыви пташкы
Смильви, певне, ще й дуже,
Чи то безпечни таки,—
Чуешъ, цъвиринькають такъ,
Мовъ имъ про зиму байдуже!
Бачъ—розспивалыся якъ!“

—Не байдуже тїй пташци, мїй сынку,
Мусытъ пташка малесенька дбаты,

Де-бъ водыци дистаты краплынку,
Де-бъ пидъ снигомъ поживку шукаты.

„На що-жъ спивае? Чудна!
Краще шукала-бъ зерна!“

—Спивъ пташыни потиха одна,—
Хочъ голодна, спива веселенько,
Розважае пташыне серденько,
Жде, що знову прылыне весна,—

* * *

Тишся, дытыно, помы ще маленька,
Тыжъ бо живешъ на весни.
Ще твоя думка литае легенька,
Ще твои мрїи ясни.

Мрїя полыне изъ думкою вкупци
Геть у далеки свита,—
Крыль не втынай сызокрылій голубци,
Хай вона вильно лита!

Чи памьятаешъ ты казку-дывныцю,
Якъ то колысь прынесла
Тую цилющу-живущу водыцю
Дрибна пташына мала.

Ій не страшни булы дыки просторы,
Скели и хвыли морськи,
Перелитала найвыщыи горы,—
Мала крыльцята прудки.

Такъ твоя думка швиденько полыне,
Тилько ій волю дасы,
И прынесе зъ чаривной краины
Краплю жывои росы.

И якъ прыступыть журба невсыпуца
Та до серденька твого,—
Тая росыця цилюца-жывуца
Буде жывыты ёго.

Хай же та мрія изъ думкою вкупци
Лыне въ незнани свита,—
Крыль не втынай сызокрылій голубци,
Хай вона вильно лита!

Веснянка.

(Сестри Олеси.)

къ яснее сонце
Закыне свій промись ясный
До тебе въ виконце,—
Озвысь на прывить весняный,

Олесю сердѣнько,
Спивай веселенько!
Весняного ранку
Спивай, моя люба, веснянку!

Якъ бидну первистку,
Дочасну, морозы побьють,
И кущыкъ любыстку
Холодныи росы польють,—
Не плачь, моя роже,
Весна переможе!
Весняного ранку
Спивай, моя люба, веснянку!

Якъ дрибніи дѣщи
Заслонять намъ свить на весни,
Якъ намъ молодѣщи
Повьються у хмары сумни,—
Не тратьмо надіи
Въ лита молодіи!
Весняного ранку—
Спиваймо, сестрыце, веснянку!

На лито зелене
Поиду я геть въ чужый край,
Згадай же про мене,
Якъ пидешъ по квити у гай.

Спогадуй, Олесю,—
Сестру свою Лесю!
Весняного ранку
Даю тобі сю веснянку!

6-го квітня, 1890 р.

II.

П о з м ы

(1886—1891).

Русалка.

(Поэма въ народному стилю).

I.

Коло ричкы, у садочку
Маленька хатына,—
У хатыни чорнобрыва
Молода дивчына.

Що-вечора, якъ зиронька
До мисяця сходять,
Молодая дивчынонька
Въ садочокъ выходять.

Тожъ-жъ выходять сама зъ хаты
У ясную ничку,—
А тымъ часомъ козаченько
Переплыне ричку,

Якъ прыверне къ бережечку,
Човнычокъ привьяже,—
Уклоняться дивчыноньци,
„Добры—вечерь“, скаже.

По садочку соби ходять,
За руки визьмутся,
Розмовляють та радяться,
Колы поберуться.

„Ой колы-жъ мы поберемось,
Дивчынонько-роже?“
— У осены, козаченьку,
Якъ Богъ намъ поможе!„

У коханій розмовоньци
Швыдко ничъ проходить,
Блидне мисяць, гаснуть зори,
И сонечко сходять...

Сида хлопецъ у свій човныкъ,
Та бере весельце;
Стыснувъ ручку, махнувъ весломъ
„Прощай, Ксеню, серце!“

II.

Осинь надходять, лито мынае,
Вже-жъ за дивчыну козакъ не дбае.
Вже старостонькы скризь похожають,
Ксенюну-жъ хату вони мынають.

Йдуть до сусида въ новую хату,—
Сватають въ ёго дочку багату!..
Чуе Оксеня смутну новину,—
Що свата мылий иншу дивчыну;

Уже сёгодня ихъ заручаютъ,
А черезъ тыждень и повинчаютъ...
Наче байдужа дивчына ходыть,—
Выйде-жъ въ садочокъ тай слёзы ронять.

Рушнычки шыти лежать у скрыни,
Вже не клопочуть воны дивчыны!
Въ журбита въ тузи тыждень мынае,—
По селу-жъ ходыть та „молодая“,

У кожду хату вона вступае,
На дивычъ-вечиръ дружокъ збирае;
И до Оксени заходыть въ хату,—
Тожъ на весилля ии прохаты:

—Прошу, сестрыце, тебе, голубко!
За старшу дружку до мене, любко!
—Не могу сердце... я-бъ и радниша:
За дружку въ тебе хай стане инша.

—О такъ, сестрыце! о такъ мовляешъ!
Певне, мене ты бильшь не кохаешъ!—
—Не гнивайсь, сердце, за мои речи...
Прыиду сёгодня на дивычъ-вечиръ!

Тебе, сестрыце, я не забуду,—
За старшу дружку у тебе буду.—

(Згодылась, прыйде, хочъ тяжко дуже.
Вдасть передъмылымъ, що ий байдуже.)
Йде молодая весела зъ хаты,—
Смутна Оксеня выпроважаты...

III.

У субботу въ молодой
Та велький збирь,
Тожъ сходятся подруженьки
До неи у двирь.

За столомъ вже молодая
Сила на посадъ,
На лавочкахъ вси дружечки
Посидалы въ рядъ.

Старша дружка жалибнои
Почына спивать,—
Выспивуе, и на очахъ
Слизоньки тремтять.

„Червоная калынонька,
А биленький цвить;
Ой чи не жаль тоби, Галю,
Молоденькихъ литъ?“...

„Ой часъ-пора, отець-маты,
Поблагословить,
Ой часъ-пора молоденькій
Та гиллячко звыть!“

И гиллячко и виночокъ
Вже выты пора,
А ище-жь то барвиночку
Для винка нема:

Старша дружка по барвинокъ
До дому пиде,
Бо кращаго барвиночку
Немае нигде.

Пишла зъ жалемъ дивчинонька
Та у свій садокъ,
Щобъ нарваты барвиночку
Иншій на винокъ;

Рвучы ёго, журльвую
Писеньку спива,
За слёзамы ледве може
Вымовлять слова:

„Барвиночку мій хрещатый,
Зеленый, дрибный,
Ой я-жъ тебе выкохала
Хороший, рясный!

Я-жъ садыла, поливала
Тебе на весни,
Я-жъ думала, на виночокъ
Здасыся—мени!

Здався теперь, барвиночку,
Не мени, другій,—
Бодай бы зсохъ, бодай зовьявъ,
Барвиночку мій!“...

То-жъ нарвала барвиночку
Виночокъ звыла,

Походьда по садочку,
Надъ ричку пишла.

Подывылась у водыцю
На лычко свое,
Тыхо, тыхо промовыла
„Горенько-жь мое!

Вродо моя хорошая,
На що ты цвितешъ?
Безъ доленьки на симъ свити
Марне пропадешъ!

Нема щастя, нема доли,
Лышь вродо сама...
И коханья зневажене,
Дружны нема!

Забувъ мене мій мыленькый,
Иншу полюбывъ,
И на вики мою долю
Та й занастывъ!

То-жь винъ завтра изъ другою
Пиде пидъ винець...
А я соби пидъ водою
Знайду вже кинець!“

Промовыла тее слово,
Стала на горбокъ...
Нема, нема дивчънонькы,
Лышь плавле винокъ.

IV.

Вже-жъ минуло зъ того часу
Ажъ три довги роки,
Якъ втопылась дивчынонька
У ричци глибокій.

Гула всюды тая слава,
Та вже перестала,
А дивчына пидъ водою
Русалкою стала.

Та не мае русалонька
И тамъ супокою,
Не втопыла свого лыха
Навить пидъ водою!

Чы таночокъ зъ русалками
Пры мисяцю водыть,
То все ій той козаченько
Зъ мыслонькивъ не сходять.

Або сяде, чеше косы
У темному гаю,
Іи-жъ думка кругъ хатыны
Мылого витае.

Вси русалки, мовъ рыбоньки
Веселыи грають,
А у неи завжды хмары
Чоло укрывають.

Тилько-жь то їй и розвагы,—
Якъ молодыкъ зїйде,—
Проты хаты мыленького
На бережокъ выйде;

Выйде, ходыть по бережку,
Тыхенько спивае,
Чы не выйде мылый зъ хаты,—
Усе выглядает.

А якъ зайде мисяченько,—
Почына́ свитаты,—
Тыхо плыве русалонька
Въ пидводни палаты.

V.

Якъ на весни починае
Крыга розтаваты,
Збираються русалонькы
До моря гуляты.

Плыве зъ нымы и дивчына,
Гуляты до моря,—
У чужый край, у далекий,
Тикаты одъ горя...

Не втече пакъ! нищо їи
Вже не розважае,
Навить и тамъ, въ чудовому
Пивденному краю.

И сѣстры на дни моря
По писочку ходять
Шукать перливъ, та кораливъ,
И таночки водять,

Веселыи, безжурныи,
Ти легки таночки!
То граются изъ рыбкамы,
То роблять виночки;

Вона-жъ сыдыть геть окроне,
До ихъ не вступае,—
Та безкраи свои думкы
Думае гадае.

Дождыдае, колы зъ того
Хорошого краю
Повернуться русалонькы
До ридного гаю.

Диждалася, вертаються
Русалкы до дому
Въ темну ничку середъ бури,
Блыскавыци й грому.

Тай у серци въ русалонькы
Спокою не мае,—
И гримъ отой немовъ ии
Трохы розважае.

Вернулася, а тымъ часомъ
Вже й лито настало,

А тамъ жныва, бо и жыто
Поспиваты стало.

И выходыть русалонька
Въ поле выглядаты,
Чы не выйде їи мылый
На ланъ жыта жаты.

Выйшовъ мылый зъ дружною
На ланъ жыто жаты,
И дытынку пидь копою
Положылы спаты;

А самы серпы побралы
И постать займають,
Та вдвохъ соби лагидненько,
Любо розмовляють.

Русалонька на ту пару
Тилько подывылась,
Зминылася у лыченьку
За серце схопылась;

Потимъ знову подывылась,
Промовыла тыхо:
„Побрався ты, козаченьку,
Та на свое лыхо!

Не завжди тамъ буде щастя,
Де твоя хатына,—
Зостануться сыротама
Жинка и дытына!

Будешъ знаты, козаченьку,
Якъ русалка любить,
Скоро-жь тебе те коханья
Зь сёго свита згубыть!“

Те мовляла, одпльвала
У свои палаты
И мылого не ходыла
Бильше выглядаты...

VI.

Стала слава на все село,
Сталы поговоры,—
Все за того козаченька,
Що чорныи бровы.

Ой казалы, говорылы
По всимъ сели люде:
„Та вже зь того козаченька
Ничого не буде!

Якъ день божый, смутный ходыть
Та думку гадае,
Та що ночи йде надъ ричку,
До темного гаю“.

Славлять люде—и дружина
Журыться, бо знае,
Чого мылый у гай темный
Що-разъ доходжае.

То въ гай ходыть, то въ садочокъ,
Де жыла дивчына;
Бачыть мыла й знае добре,
Чыя то прычына...

Не вважае козаченько
На ти поговоры,
Въ ёго серци туга вьетсья,
Та лютуе горе.

Пишовъ якосъ у садочокъ
У мисячну ничку,
Походывъ тамъ коло хаты,
Потимъ въ гай надъ ричку

Пишовъ, ходыть бережечкомъ
Та думку гадае,
Все дывыться на риченьку,
Очей не спускае.

Въ той часъ выйшла русалонька
Трохы погуляты,
Потимъ сила коло рички
Косоньку чесаты;

Побачыла козаченька,
Неначе зрадила,
Усмилнулась,—лышь на лычку
Щось дуже збилила.

Ходыть смутный козаченько,
Та думку гадае,

А русалка чеше косы
Та писню спивае:

„Любый козаче, чого ты ходышь
Смутный по темному гаю?
Слухай, козаче, писню русалки,—
То-жь я для тебе спиваю!

Ой, чы забувъ ты, сердце козаче,
Писню, що мыла спивала?
Ой чы забувъ ты тую дивчыну,
Що тебе вирно кохала?

Колы забувъ ты, чого ты ходышь,
Дывышся пыльно у воду?
Наче шукаешъ у тій водыци
Згублену мылую вроду!

Охъ, не забувъ ты, сердце козаче,
Писни, що мыла спивала!
Ой, не забувъ-же тои дивчыны,
Котра такъ шыро кохала!...

Якъ не забувъ ты,—ходы до мене!
Я твоя першая мыла!
Зраду забуду, любыты буду
Тебе, якъ перше любыла!

Я вже не тая, що була перше,
(Лышь не забула кохаты!)
Я вже русалка—и пидъ водою
Маю осяйни палаты:

Въ мене палаты кращи одъ царськихъ,
Изъ дорогого крышталю,
Въ мене виночокъ зъ чыстого злота,
Зъ перливъ дрибныхъ та коралю:

Все те для тебе дамъ я, козаче,
Ти палаты й виночокъ,
Всихъ зберу подругъ, будемъ для тебе
Лехкй водыты таночокъ.

Любый козаче, йды-жь ты до мене!
Я твоя першая мыла,
Зраду забуду, любыты буду
Тебе, якъ перше любила!“

Козакъ слуха тую писню,
Слуха, умливае,—
А русалонька до нѣго
Руки простягае.

Бижыть мылый до русалкы,
Тай не добигае,
Бо изъ ричкы -русалочокъ
Юрба выплывае;

Обступылы козаченька,
Въ гаю залунало,—
Наче крыкъ, неначе регить—
Дали тыхо стало...

Тыхо, тыхо, зъ неба свитыть
Проминь мисяченька,

Сыдыть тая русалонька
Биля козаченька.

Похолонувъ козаченько,
Не чуе, не баче,
Якъ надъ нымъ ёго кохана
Вбывається, плаче;

„Чи се-жъ тїи кари очи,
Що я цилувала,
Чи се-жъ тее биле лычко,
Що я мылувала!
Ой чи се-жъ той козаченько,
Що я выглядала?

Вже-жъ не гляне винъ на мене,—
Дарма выглядаты!
Вже-жъ моему мыленькому
Свита не выдаты!

Не озветься до своеи
Любои дивчыны —
Винъ нимый лежить, холодный,
Зъ моеи прычыны.

Ой, забула-бъ я, мїй мылый,
И горе, и зраду,
Лышь уставъ бы ты до мене,
Давъ мени пораду!

Нещаслыва годынонько,
Що-жъ я наробыла?

Ой, на що-жъ я свою долю
Тай занастыла!“

И зновъ тыхо:—зъ неба свитыть
Проминь мисяченька.
Ломыть руки русалонька
Бия козаченька.

Самсонъ.

(На библейську тему).

I.

Вому се такъ квиткамы та винкамы,
Та виттямъ гордее чоло винчають?
Кого то спивамы веселымы й танкамы
Израильськи дивчата зустричають?

То йде Самсонъ, веде потужни лавы
Зъ кривавого страшного бойовыська;
Винъ залучывъ соби багато славы,—
Въ сей день розбывъ винъ филистымське вйсько.

И бачыть винъ: тамъ пидъ горою въ дали
Стина ёго госпды забилила,
Ему назустричъ, у жиночому околи,
Иде ёго хорошая Далила.

Стрункій, высокій станъ, мовъ пальма въ гаю,
Мовъ у газели, ясни очи чорни
У филистымлянки; ии зъ риднобо краю
Взялы Самсона руки непоборни.

Вона веде ёго зъ собою у палаты,
Провадыть щыру, любую розмову;
Що перемогу славную воливъ послаты,
Вона у голосъ выхваля Егову.

Самсонови дывни здались слова дружыны,
И винъ спытавъ свою Далилу любу:
—За тее дякуешъ ты Бога сеи дныны,
Що винъ пославъ твоему люду згубу?

—Чужа для мене мого люду доля!
Твои для мене стали ридни люде!
Твоя, Самсоне, лышь едына воля—
Для мене завжды наймылйша буде!

Для тебе видцуралась я родыны!
Хочъ-бы збулася я и батька й брата,—
Кохання нашого щаслывыи годыны
Булыбъ для мене мылая заплата!

—Далило, мыла, за твое кохання
Чымъ можу я тебе нагородыты?
Скажи, повидай, моя зоре, те бажання
Хочъ-бы загынуть—мушу я вволыты!

—Не хочу, мылый, я твоеи згубы!
И за любовь любви лышь бажаю:

Щобъ не таивъ видъ мене ты ничего, любый,
И щобъ усе сказавъ, що я теперь спытаю.

—Далило! бильшь якъ я—любыть нихто не може
Яка-жь у мене е видъ тебе таемныця?!
Пытай! Клянусь тоби у тимъ на ймення Боже,
Скажу тоби я все,—ты думъ моихъ цариця!

—Ото-жь тебе теперь я запытаю,
Колы ты давъ мени ту обицянку мылу;
Чи завжды, якъ теперь, ты бувъ найдужчый въ
краю
И звидкы маешъ ты таку вельку сылу?

Я ще дивчыною була въ свой осели,
Якъ слава йшла про тебе помижь намы,
Тоди ты ще отамъ у лиси, коло скели
Пасъ батькивськи стада изъ пастухамы.—

Мовлялы, йшовъ якось ты гаемъ темнымъ зъ дому,
Безъ зброи у рукахъ, безъ сагайдака,—
Ажь ось въ гаю видъ реву, мовъ видъ грому,
Звирына й птыця затремтила всяка;

Рыкаючи й трясучы головою,
Спынввся левъ бия тебе блызенько,—
Ты-жь необорною схопывъ ёго рукою,
Й на двое розирвавъ, мовъ козеня маленьке.

А потимъ,—пamятаешъ ты годуны?
Нашъ людъ напавъ на вашу Палестыну,

Тоди надію у тоби єдину
Израель мавъ—и ты оборонявъ краину.

Та дали вже не сыла боронитысь
Вамъ стало,—почалы вже знемагаты;
Пообицявся-жъ ворогъ видступытысь,
Якъ згодытыся твій людъ тебе виддаты.

—И згодывсь я, бо людъ почавъ благаты,
Щобъ вызволивъ! Хвиль скилька я вагався,
А потимъ дужи руки давъ соби звязаты
И самъ въ неволю ворогамъ виддався.

Якъ привелы-жъ мене у станъ ворожий,
И я почувъ, якъ ворогы знущались,
Я розгнивывсь тоди, въ мене вступывъ духъ Божый,
Мовъ лёнъ горилый путы вси розпалысь.

Писля схопывъ я щѣлепы ослыни,
Що коло мене тамъ лежалы доли,
Багато ворогивъ поклавъ я по долини,
Котри-жъ зосталысь, розигнавъ по поли.

—Скажи-жъ ты, звидкы сыла та безмирна,
Що ривной нема їй въ Палестыни?
Ты обицявъ, обитныця хай буде вирна!
Тепера мусышь ты сказать дружныни!

—Ни, мылая, лышы свое бажання!
Не можу я тоби видповидаты:
Не видповимъ никому я на те питання,
Хочъ-бы пытала въ мене ридна маты.

И мовыла хорошая Далила,
Схыльвышы голову на руку гарну:
—Казавъ, що все вволюшь, про що-бъ я не просыла.
Пытаю-жь я таку дрибницу марну!...

Самсонови докирлыва та мова
У серци тяжко, гостро виддається,
И хочъ не мовыть винъ коханій ани слова,
Та звàга твердая вже подається...

Вона-жь вмовля ёго лагіднымы речами
И прылуча до пестошывъ бланяня.
На лычку усмихъ ясный бореться зъ слёзамы,
Що сяють въ очахъ, мовъ роса пораняня.

Передъ слёзамы и бланянямъ ревнымъ
Холодна втрымлывисть якъ вискъ розтала,—
Самсонъ знявъ ричъ до неи голосомъ непевнымъ,
И таемнычо мова залунала:

—Ты хочешъ знаты, звидкы моя сыла..
Тожъ знай: я Богомъ змалу бувъ обраный,
И вже въ той день, якъ мене маты породыла,
Я назореемъ Божымъ бувъ названый.

И кучеривъ моихъ ще зъ того часу.
Холоднее зализо не стынало,
И завжды я носывъ святую ту покрасу,
И святоблывисть то мою зъявляло.

Мій волосъ мае сылу превельку,
Мене не подола весь людъ ворожий,

Хочь-бы ёго зибралось тутъ безъ лику,—
Бо надо мною духъ витае Божый!

Колы-бъ хто мигъ ти кучери обтяты,
Не вдержавъ-бы въ рукахъ я й мечъ булатный;
Тоди зломыть мене й маленькому дытаты
Було-бъ не тяжко,—я бь лежавъ безвладный.

Скинчывъ, умовкъ и зсунувъ бровы темни,
Немовъ картавсь, що выдавъ таемныцю;
Та швыдко залышывъ картання ти даремни,
Якъ глянувъ на Далилу чаривныцю.

Вона ёго такъ любо прыгорнула,
Въ очахъ такая щыра втиха грае,
Видь чого-жъ тая радисть спалахнула,
Самсонъ того не видае, не знае!...

О горе, горе, краю палестынськый!
Чы знаешъ ты, яка тоби недоля?
Зрадіе ворогъ твій; людъ филистымськый,
Бо полягла твоя и влада й воля!

Самсонъ, заступныкъ твій, надія та едына,
Видкрывъ чужынци свою миць таемну,
Розмовою та поцилункамы дружына
Зняла заслону зъ таемныци темну.

Видь боротьбы й видь щастя утомывшысь,
Заснувъ Самсонъ—и голову думлыву
Склонывъ до мылои; вона-жъ, схылившысь,
Вчыня надъ нымъ подію ту зрадлыву:

Рукою пестыть кучери ти чорни,
А въ другій гострее зализю мае,
Одною кучери до себе любо горне,
А другою ихъ зъ головы здѣймае.

И пидняла зъ волоссямъ руку билу,
Писля на диль покраса пышна впала,—
Тожъ гордую, непереможду сылу
Рука пидступна жинкы подолала!

—Вставай, Самсоне! Ворогы на тебе!—
Поклыкнула здрядлывыця Далила.
Винъ вставъ и глянувъ смыльво навкругы себе,—
Не знавъ, що згынула вже ёго сыла.

Якъ прыступылы филистымськи мужи,
Тоди побачывъ винъ свою оману.
Воны ёму звязалы руки дужи
И повелы ёго до своего стану.

—Прощай, Самсоне!—крыкнула зрадлыва:
Ты думавъ, що для тебе я забуду
Родыну? Ни.—Ты гынешъ,—дяка се правдыва
Видъ мене за погыбель мого люду!—

Самсона у кайданы закувалы,
Зъ ёго недоли ворогамъ забава!
Самсону очи ясни повыймалы,—
Плачь, людъ Израѣля! Въ темныци твоя слава!

II.

Въ темній темныци въ кайданахъ закутый,
Сыльный колысь то, Самсонъ той сыдыть,
Тяжкую думу гада—й незабутый
Жаль ёго сердце знебуле гнитыть.

Тяжко Самсонъ проклынае Далилу,
Що безъ вагання згубыла ёго,
Жалуе тяжко на себе, що сылу,
Славу виддавъ и себе самого—

Та за кохання ехыдне, никчемне...
Серце такъ рветься! Та нащо той жаль,
На що ти слёзы, картання даремне?
Помста лышь може вгасыты печаль!

Помста... Дежъ сыла ёго молодеча?...
Винъ же и зброи въ руци не вдержыть,
Не пидійме навить гострого меча,
Сылы немае! Невже буде жыть

Тая пидступныця? Ни, хай скончае!
Есть-же на неби ще правда свята.
За що-жъ изъ нымъ ёго людъ погыбае?
Боже, що вынна краина ота?..

Гыне безславно Самсонъ въ самотыни,
Серцемъ же рветься свій людъ вызволять.
Людъ у полони теперь, на чужыни,
Легко було ворогамъ подолать

Край Іудейський, ёго бороньты
Никому стало,—въ неволи сумній
Той оборонець. винъ лыхомъ прыбытый,
Винъ не поможе краини ридній!

Винъ у темныци, въ кайданы закутый,
Тяжко картаючысь серцемъ, сыдыть,
Жаль нерозважений, жаль незабутый
Серце знебуле и рве и гнитыть!

III.

Пышае Божая краина
И ясни хвыли Іордана,—
Хочъ и въ неволи Палестына
И лютымъ ворогомъ забрана...

Вже переможци стали станомъ
Въ долини красній та роскишній,—
Пидъ пальмамы, надъ Іорданомъ,
Далеко чуть ихъ гоминъвтишний.

А ватагъ ихъ? О, якъ для ёго
Веселый, радисный сей ранокъ,—
Багато злота дорогого,
И срибла, и вродлывыхъ бранокъ

Добувъ винъ. Не вїйна кривава
Ему дала се,—ни, Далила:
Ии була се мудра справа,—
Вона духъ сыльный той зломыла,

Радъ Филистымець. Гоминъ, гуки;
Радіє людъ. Божныци дымни
Видъ пахощивъ; здійнявшы руки,
Святци*) спивають вдячни гимны

Своему божыщу Ваалу.
У голосъ бога выхваляють;
Що винъ виддавъ имъ на поталу
Всю Палестыну, и спивають

Хвалу Далили, щó прыдбала,
Для свого люду славу вичну;
Вона Самсона подолала,
Зломыла сылу ту вельчну.

И утишається Далила,
Щó славою за зраду вкрыта.
У очахъ втиха заяснила,
Усмишка грає гордовыта.

Гукає владарь:—Прыведите
Самсона бранця у палаты,
Передъ мене постановите,
Его бажаю повыдаты!—

Покирни кынулыся слугы,
Бижать чыныть владаря волю;
Ведуть Самсона для наругы.
Хай бачать вси ёго недолю.

*) Жреци.

Кайданы тяжки на Самсони,
Слипой, сумный винъ и безъ сылы.
Ввели ёго и пры колонни
Въ порога тамъ постановылы.

Розлигся гоминъ, смихъ, наруга,
И жарты прыкрыи чуваты:
—Самсоне! Де твоя потуга?
Чы ты забувся воюваты?

Самсонъ стоить, мовъ скамяниый,
Блидый и мовчки выслухае
Оту зневагу: гнивъ безсылый
У грудяхъ стыснутыхъ бурхае.

Ажъ ось зненацька винъ здригнувся,
До ёго слуху долетили
Слова вразлыви и почувся
Ехыдный, прыкрый смихъ Далилы:

—Здоровъ, Самсоне! Твоя мыла
Тебе витае!—Тая мова
Самсона сердце въ край вразыла,
Не вдержавъ винъ гиркого слова:

—О, гадыно! Моеи муки
Тоби, несыта, ще не досыть?!—
Самсонъ здійнявъ безсыли руки
И въ голосъ бога помсты просыть:

—О, боже помсты, Адонаю!
Вволы мою остатню волю:

Хай зъ ворогамы й я сконаю
Та дай помстытысь за недолю,

За 'соромъ мій и мого люду!
Дай сылу давню на хвылыну!
Верны мени іи,—хай буду
Я зновъ потужнымъ на годыну!—

Вмольвъ винъ Бога тымъ бланнямъ,
Въ Самсона знову уступыла
Въ остатній часъ передъ сконаннямъ
Незмирная, нелюдська сыла.

Тоди колонну обійнявшы,
Потрясь винъ дужымы рукамы,—
И стеля рушылась и, впавшы,
Его покрыла зъ ворогамы!

Сирóма.

(Переспивъ)

(Посвята моему лубому и вельмы поважаному дядькови Михайлови).

Ничь. Зачынена добре убога хатына.
Въ хати темно зовсимъ, бо вже пизня годына,—
Тилькы мрiється наче-бъ у чорнiй тини...
Висыть мокра рыбаьская сить пры стини;
У далекому закутку мысныкъ выднiе,
А на ёму убоге начыннiя яснiе;
Лижко выдко й заслóны спадають надъ нымъ,
Биля ёго постиль на помости старимъ,—
Пять маленькихъ дитокъ сплять, въ кубелечку наче.
У печи блыма вогныкъ и свитло тремтяче
Червонуть темну стелю. Склонывшысь, блида,
Жинка молыться й думку турботну гада.
То ихъ маты. Сама. На двори десь, ревучы,
Витру, небови, ночи, туманови, кручи
Кыда чорне рыданнiя страшный Океанъ.

II.

Чоловикъ десь на мори. Винъ въ бурю, въ туманъ
Йде на герець затято: рыбалка винъ зроду!
Винъ плыве, не зважае на дощъ, на негоду,
Бо голодни диткы. Выплывъ,—темно було,
Сходы въ пристани море зовсимъ залыло.
Правыть самъ винъ човномъ на чотыри витрыла.
Жинка вдома лышылась, старе де-що шыла,
Потимъ невидъ справляла, робыла гачкы,
Прыставляла въ печи до багаття горшкы,
Потимъ Богу молылась, якъ дитокъ прыспала.—
Винъ самотный, (а хвыля що разъ набигала).
Винъ плыве,—по безодни понурій,—скризь тьма...
Тяжкый хлибъ! холодъ, ничъ; ни зорынкы нема.
Мижъ валивъ нависныхъ, тамъ де хвыли мовъ горы,
Мисце есть дуже рыбне въ безмирному мори.
Мисце темне, рухлыве, непевне, страшне,
Та вже срибная рыба ёго не мыне.
Невельчке воно,— двичи бильше нижъ хата,—
Ничъ осиння на дощъ та туманы багата!
Щобъ знайти тее мисце въ пустели хыбкй,
Пыльнувать треба хвылю и витерь швыдкый.
О, винъ мусыть теперь пыльнувать пры демѣни!
Край човна повзуть хвыли, вужи ти зелени;
Котыть чорна безодня безмирни валы.
И видъ жаху вси снасти въ човни загулы.
Винъ на мори студѣнимъ Жанни спомынае,

А Жанни ёго клыче и плаче; стривае
Думка думку у тьми. Думкы—серця пташкы!

III.

Вона мольтся. Скыглатъ такъ прыкро чайкы,
Мовъ на смихъ... Йй каминня пидводни здаються
Въ океани лыхимъ... Мрїи тяжкы снуютьсѧ
Въ ии думци: рыбалкы по мори плывуть,
Розлютовани хвыли ихъ кыдають, бьють...
А байдужный дзыгаръ бье, мовъ кровъ тая въ жыли,—
Кыда въ вичнисть таемную, хвыля по хвыли,
Добы, дни; то весна, то зима настава;
Кожный стукъ той въ безмирныхъ свитахъ видкрыва
Людямъ,—зграи шуликъ и голубокъ,—безъ впыну
То колыску однимъ, то другимъ домовыну...

Вона дума-гадае,— охъ, злыдни яки!
Ходять боси и лито и зиму диткы.
Опричь яшного хлиба ничего немае.
Боже! витерь якъ михъ той ковальськый бурхае!
Беригъ наче ковадло лунае, мыгтять
Зори въ чорному тамъ урагани, летять,
Мовъ надъ огныщемъ искоръ рои. Въ сїй годыни
Пивничъ, мовъ танцорыстка въ едвabнїй лычыни,
Скаче, свитыть очыма, регоче й гуде.
Пивничъ мовъ бы таемный розбїйныкъ иде,—
Чболо вкрыте дощемъ, витромъ, бурею-млою,—
Схопыть бидну тремтячу людыну рукою,

Брязне раптомъ объ скелю, объ бэскыдъ страшный.
Лэле! хвыля тлумыть крыкъ рыбалкы гучный.
Чуе бидный рыбалка,—човѣнъ потопае;
Тьма й безодня—розкрыти... и винъ спомынае
Свій прычалъ и у прѳминни беригъ ридный!
Серце темне, якъ ничъ. Думокъ рій тыхъ сумный
И мучыть. Трэмтыть вона й плаче.

IV.

О, бидни

Бы, рыбальски жинкы! страхъ сказаты: „вси ридни,
Батько, мылый, браты и сыны, вся любовь,
Все въ хабси тому!... сердце, тило и кровь!“
Боже! хвылямъ виддатысь, то звирямъ виддатысь.
Охъ! ти-жъ любыи мусяць на хвыляхъ гойдатысь!
Сынъ матросъ тамъ и батько керманьчъ плыве,
А у сурму гра витерь надъ нымы, реве,
Розвива свою довгую, буйну чупрыну..
Вона въ розпачи може у сюю годыну!
Що тамъ зъ нымы,—нихто про те пѳвне не зна;
Воны мусяць боротысь зъ тымъ моремъ безъ-дна,
Навкругу ихъ темнѳта и зѳри не сяють,
Воны жъ дошкы й витрыла шматокъ тилько мають!
Гирка доля на беригъ потимъ выбигать,—
Хвыля рыне,—„виддай ихъ!“ на неи гукать..
Лэле! що-жъ видповисть на те тяжкее горе
Безпросвитнее, вично турботнее море?..

Ще смутниша—Жанни. Чоловикъ ии—самъ!
Въ ничь лыху, мовъ пидь смертнымъ страшнымъ по-
крыттямъ,
Безпомичный, диткы ще маленькы... О, маты!
Кажешъ: „диткы мали: батько самъ!“ Що казаты!
Якъ зростуть, будуть вкупи зъ отцемъ пры весли,
Скажешъ, плачучы: „Охъ! чомъ воны не мали?!“

V.

Плащъ бере вона й свитло.—„Часъ глянуть на двѣри,
Чи вертається винъ, чи не тихше на мори,
Чи свитае, чи ясно маякъ той блящыть.
Въ путы!“ и выйшла. Витрець ище ранній мовчыть,
Ще не віе. Ничѣго нидѣ. Тьма на мори.
Не биліе ще й смужка въ далекомъ простори,
Найчорнише на свити—се дощъ свитовый.
День непевный, тремтячий встае, боязкый.
Мовъ дытына, зоря, нарождаючысь, плаче.

Йде вона. Ще не свитыться свитло тремтяче
По хатахъ. Колы раптомъ, шукаючы шляхъ,
Вона вздрила сумне, мовъ живе щось. Въ очахъ
Передъ нею хатына похылая стала.
Ни вогню въ ній, ни свитла. И буря хытала
Двери. Стриха на стинахъ старезныхъ тряслась
И солома злыденна одъ витру вылась,
Наче ричка руда, каламутна, шырока.

„А! тожъ тута живе та вдова одынока,
Що казавъ чоловікъ мій, слаба й не встава.
Дай, одвидаю, якъ тамъ вона пробува“.
Жинка стукае въ двери и слуха; немає
А ни гуку. Жанни морський витеръ проймае.
„Тожъ недужа! а диты! десь хлиба нема!
Двое ихъ,—такъ вона жъ удовыця сама!“
Стука ще. „Гей, сусидко!“ у голосъ гукае.
Въ хати тихо, якъ перше. „Охъ, Боже!“ мовляе;
„Вжежъ и спыты! дѳкы маю на неи гукать?“
На сей разъ,—наче малы бѳ вони почувать
Якусь жалить таемную,—двери сумныи
Одчынылися тихо въ темноти самыи.

VI.

Увійшла. Освитылася хата нима,
Що стояла надъ моремъ шумлывымъ сама,
Мовъ кризь сыто, кризь стелю вода протикала.

У кутку якась постать страшлыва лежала;
Нерухомая, навзнакъ лежала вона,
Боса, око тьяне, вся подоба страшна;
Трупъ;—колысь була маты и дужа й щаслыва.
Се голоднои смерты мара распачлыва;
Отъ що робыть зъ людей боротьба та тяжка!
На солому одкынулась мертва рука
И звысае холодна, важка, посынила.

Мовъ видъ жаху вуста свои мертва одкрыла,—
То-жь душа, вылитаючы зъ тила того,
Смертныи выдала крыкъ; чула вичнисть ёго.

Блызько лижка своеи померлои неньки
И дивчатко й хлопьяточко, диткы маленьки,
Усмихаючысь, спалы въ колысци у-двохъ.
Маты, чуючы смерть, ихъ укрыла обохъ:
Ноги вкрыла плащемъ; квартушыною тило;
Вже саму ии смертною тинью покрыло,—
Хай не чують воны, якъ зныкае тепло.
Похолоне вона,—имъ щобъ тепло було!

VII.

Тыхо сонныхъ двойко у колысци гойдалось,
Ясне чоло и тыхе дыханья. Здавалось,
Що не збудыть нищо тыхъ сыритокъ зо сна,
Навить суду останнёго сурма гучна.
Бо той судъ не страшный для того, хто невынныи.
А на двори, неначе потопъ, дощъ невынныи.
Витеръ вие кризь стелю и льеться вода,
Часомъ крапля на мертвее чоло спада,
По лыци, мовъ слёзына, покотыться тыхо...
Гудуть хвыли, мовъ дзвоны, вищуючы лыхо.
Мертва слуха безтямно ту тьму таемну.
Тило наче шукá свою душу ясну,
Просыть янгола свёго виддаты ии знобу.

И здається, що дивну провадять розмову
Блиди вуста и око журлыве, сумнè:
Де подили дыхання вы?—Поглядъ твій де?“

О, жывите, кохайтесь, первисткы зрываите,
Роскошуйте, танцюйте, выно нальвайте!
Якъ у темному мори кинець всимъ струмкамъ,
Такъ въ кинци дае доля утихамъ, диткамъ,
Матерямъ, щс дитокъ якъ ти квити кохають,
Поцилункамъ, що душу людську ослипляють,
Спивамъ, усмихамъ, мылій любви ясній,
Всимъ—холодный спокій у могыли нимій!

VIII.

Що Жанни биля мертвой тои робыла?
Що вона своимъ довгымъ плащемъ такъ укрыла?
Що забрала Жанни изъ хатыны йдучы?
Чого сердце ій бьеться? Чого, тремтячы,
Поспишá въ суточкахъ тамъ швыдкою ходою?
Навить глянуть боиться назадъ за собою?
Що у темряви, въ хати, турботна, чудна,
Тамъ ховае на лижку? Що вкрала вона?

IX.

Якъ до дому прыйшла вона, скеля билила
Берего́ва видъ моря.—Прийшла вона й сила
На стильци биля лижка, блида. И чолó

На подушку склоняла,—ій прыкро було,
И урывчаста мова зрывалась часамы.
Хыже море здали гомонило валамы.

„Бидный мій чоловікь... Що казатымешъ ты?
Стилькы клопоту й такъ,—треба щé прынести!..
Пяць своихъ на рукахъ! батько завжди въ работи.
Мало праці тii... ось ёму, по охоти,
Я ище додала!... Чы се винь?—Ни.—Нема.
Буде быть,—и е за що,—скажу я сама!
Не гараздъ... Чы не винь?—Ни.—То й добре... Торкнувъ
Хтось у двери немовъ... Ни. Колыбъ повернувся
Неборакъ, то теперъ я-бъ злякалась ёго!“
И тремтила Жанни зъ неспокою того.
Обгорнули ii думкы тяжкы самотни.
И въ турботи порынувшы, мовъ у безодни,
Ни на гуки вона не вважå на двори,
Ни на крыкъ чорныхъ птахъ, що кружляють вгори,
Ни на витерь лыхий, на прыбои страшныи.

Раптомъ гучно видкрылыся двери ясныи,
И въ хатыну зъ дверей проминь свитла упавъ;
На порози рыбалка изъ неведомъ ставъ;
Сить якъ хлюща!—„Отъ влóвы!“—веселый мовляе.

X.

„Ты се?!“ крыкнула въ голось Жанни й прыгортае;
Мовъ коханця, вона чоловіка свого,

И цилуе въ нестями свытыну ёго.

„Я се, жинко!“ промовывъ рыбалка ий мыло,

Ему хатне багаття чолó освитыло,

Добре жъ сердце ёму освитыла Жанни.

„Я летивъ. Чыстый лисъ—ти хвыли страшни.—

—Такъ негода була?—„Страхъ!“—А вловы?—„Не дуже.

Та ось я коло тебе,—й про все вже байдуже!

Не пймавъ я ничего и невидъ подерь!

То самъ чортъ, певне, зъ витромъ литае теперь!

Що за ничъ! просто пекло якесь! Я боявся,

Що мй човенъ потоне, бо й шнуръ перервався!

Що жъ ты тутъ поробляла? Скажи лышь мени?“

Затремтила й збентежылась бидна Жанни.

„Я? Та щожъ!—видмовляла:—якъ завжди, ничо́го..

Шыла першъ, прыслухалась до гуку морсько́го—

И боялась. Тяжкá ся зима,—та дарма“...

И, тремтячы, мовъ щось провыныла, сама

Почала: „Отъ ище я сказать тоби мала:

Вмерла наша сусидка. Чы вчора сконала,

Чы надъ вечиръ, якъ вы булы въ мори,—хто зна!

И дито́къ малыхъ двое лышыла вона:

Хлопчыкъ,—зветься Гильомъ, та Мадлена—дивчатко,

Той не ходыть, а ся тежъ мале немовлятко.

Бидна жинка! Тяжкый бувъ ий хлиба шматокъ“..

Чоловикъ ставъ поважный—и геть у кутокъ

Кынувъ шапку бидарську, змокрилу до лыха,

Ставъ потылицю чухать... —Чортъ зна!—мовывъ стыха:

—Теперь пятеро маемъ, а тожь буде симъ!
Вже й теперь въ лыху пору не разъ мы зовсимъ
Безъ вечери лягаемо. Щожъ тутъ початы?...
Ба! тымъ гиршъ! я не вынень! Те --Богови знаты.
Чоловикови трудно доходить тыхъ справъ.
А на щожъ въ тыхъ пысклятокъ Богъ матиръ забравъ?
Дрибни, дрибни диткы!... Якъ тутъ ладу добытысь?
Щобъ те все розумиты, то треба учытысь.
Тожъ не скажешъ: „робите!“ малятамъ такымъ.
Жинко, йды лышь по ихъ! страшно буде малымъ,
Якъ проснуться! - самисеньки й мертвая маты!
Тожъ покійныця стука до нашої хаты:
Заберимо у гуртъ, видчынимо диткамъ!
На колина малеча злизатыме намъ.
Будуть риднымы нашымъ пятёмъ, будутъ жыты!
А якъ прыйдеться зъ нашымы въ купи жывыты
Те дивчатко маленьке и тее хлопья,
То, дасть Бигъ, бильше рыбы ловытыму я.
Хлибъ—зъ водою, робытыму бильшъ, не журыся!
Такъ кажу! Йды по ихъ! Та чого жъ ты? Гнивышся?
Завжди ты моторнійша бувала такы!—

—Ось!—мовляла, видкрывшы малыхъ:—ось диткы!—

(зъ В. Г.)

Мисячна легенда

ПОЭМА

Посвята моїи мамі).

I.

Веснянои ночи, якъ въ неби високо
Стоять били хмаронькы въ крузи;
Якъ витерь шепоче й зитхае глыбоко
У сонному темному лузи;

Якъ тыхо усюды, и въ поли, и въ хати,
Якъ спивы затыхнуть дивочи;
Якъ втомыться маты спиваты дытяти
Й закрые утомлени очи;

Якъ сны золотыи колышуть дытыну
И стелють ий мріи барвысти;
Якъ самъ соловейко малый на хвылыну
Замовкне въ кубелечку, въ лысти;—

Тоди затремтять полохлыво, швиденько
Скризь тини хымерныи дрибни
И спустыть до долу тоди мисячёнко,
Мовъ струны, ти промини срибни;—

Тоди видъ заходу, зо мглы таемнои,
Зъ осели вечирнёи мриі,
Луна пронесеться видъ писни дывной,
Гучнои, мовъ гимны надіи,

И янголь вельчный зъ зорёю на чоли,
Мовъ хмарка прозора, поплыне,
Сіяючы свитломъ одвичной воли
До мисяця вгору полыне;

И тыхо рукамы до струнъ променыстыхъ
Спивецъ яснокрылый торкнеться,
И легкая зграя аккордивъ перлыстыхъ
Изъ неба на землю польеться.

Той голосъ надзёмный часамы лунае
Въ писняхъ соловейка на вёсни,—
И тилько обранецъ миждь людмы здолае
Спивать тиі гимны небесни.

II.

У маленькій хатынці, у тихимъ куточку,
Маты спыть и дытына маленька.
У виконце одчыняне лынуть зъ садочку
Урочысти писни соловейка.

Маты спыть, надъ колыскою сына схылившысь,
Певне, писню малому спивала,
А теперь, якъ прыспала ёго,—утомывшысь,
Край ёго и самá задримала.

Спытъ маленький; матусыну руку щильненько
Обнялы рученята дрибны;
Передъ нымъ красни мріи снуються легенько,
Невыразни, але чаривныи.

И кризь сонъ ёму чується спивъ соловьёвый,
Тонки пахощи квитивъ зъ садочку,
У виконце врывається легить маёвый.
Проминь мисячный гра на выдочку...

Раптомъ стыхло усе... и зъ небесь залунала
Писня та чаривна янголына.
Тую писню дытына кризь сонъ почувала,—
И всмихалася любо дытына.

III.

Рись же той хлопчыкъ пры неньци коханій,
Що обицяла ясну
Долю и славу дытыни жаданій,
Якъ колыхала до сну:

„Спы, любый сыноньку! спы, моя врода!
Будешъ ты въ свити щаслывый,
Буде тоби помижъ людьмы догода,—
Ты-жъ бо у мене вродлывый!“...

Вырисъ той хлопчыкъ, вродливый та гожий,
Гарный якъ малево ставъ,
Голосъ до того дзвинкый мавъ, хороший,
Штучно, чудово спивавъ.

Славы шукавъ по свитахъ винъ усюды—
И запобигъ, и знайшовъ:
Юрбамы всюды зиходылысь люды,
Всякъ ёго слухаты йшъ вь.

Вси ёго знали, уси дывувалы,
Чувъ винъ хвалу соби скрызъ,
Бачывъ, якъ усмихы втишлыви гралы,—
Тилько не бачывъ винъ слизъ.

Голосъ блискучый, мовъ крыга ясна́я,
Штучныи спивы дзвинки.
Тишылы такъ, и юрба́ нависная
Кыдала квиты й винкы.

„Сла́ва мытцёви!“... Та доля лыхая
Зрадыла хутко ёго.
Забавка людимъ знайшлася другая!
Збувся винъ славы, всёго!

Хто такъ недавно прыймавъ гучну славу,
Свить того хутко забувъ:
Кинувъ спивецъ тоди юрбу лукаву;
Въ ридный свй край повернувъ.

Бидный мыець! винъ зневирывся въ людяхъ!
У глушыни самотный,
Зъ гордымъ, холоднымъ прызырствомъ у грудяхъ
Жывъ винъ забытый, смутный.

IV.

Ходыть смутный спивецъ по хатыни,
Зсунувъ бровы, заломлюе руки;
Смутно, гирко ёму въ самотыни,
Серце рвется видъ жалю, видъ муки.

Ставъ спивецъ край виконця малого,
Поглядъ звивъ геть на небо ничнее,
Ничъ суворо дывылась на нёго...
И промовывъ винъ слово сумнее.

„Тяжко жыты въ зрадлывому свити!
Въ серци раны глыбоки палають,
Серце вражене буде щемиты,
Поки въ землю ёго не сховають!“...

На устахъ слово прыкре ниміе...
У садочку такъ глухо и темно.
Соловейкивъ нема. Витеръ віе,
Шелестыть верховиттямъ таемно.

Що се? зновъ я той чадъ спомынаю?
Ни, я зъ памьяты вырву ту славу!
Я ненавѣжу, я проклянаю
Ту юрбу неправдыву, лукаву!“...

Гордо блыснувъ очыма й зважлыво
Чóло въ гору пидвивъ на хвылыну,
Потимъ зновъ похылывся журлыво...
Щó згадавъ винъ у сюю годыну?

Винъ згадавъ, якъ въ сій самій хатыни
Зъ нымъ була ёго ненька риднёнка;
Тыхо, любо жылося дытны,
И нищо не сушыло серденька.

Люби спóгады!... „Ночи весняни,
Ночи мисячни... спивъ соловьиный...
Потимъ спивы матуси кохани...
Знову спивъ,—дывный спивъ, янголыный!...

„Хто спивавъ? Де? Колы чувъ я тее?
Не згадаю!“ поклыкнувъ у тузи...
Славъ проминня ёму золотее
Мисяць зъ неба, сiяючы въ крузи.

„Я згадавъ! я той спивъ памьятаю!
О, якъ бы та юрбá неправдыва
Вчула, якъ я теперь заспиваю!—
Скамьянила-бъ зъ нестяму та дыва!“

И мыстець заспивавъ; але штучно,
Дывно, гостро той спивъ розлягався,
Якось дыко, хочъ гордо та гучно,
Забренивъ, затрemitивъ—и порлався.

Заломывъ-же спивецъ тоди руки:
„Ни! минулы часы ти щаслыви!“...
Полылысь не мыстецькiи гуки,
А рыданнiя гирки, распачлыви.

V.

Не день, не году, въ журби та въ печали,
Прожывъ той спивецъ, якъ въ пустыни,
А дали запрагнувъ гирки свои жали
Вповидаты щырiй людыни.

Та люде чужи тыхъ розмовъ не прыймалы,
Що людымъ до жалю чужо́го?
Одни позихалы, байдуже мовчалы,
А други тикалы, видъ нёго.

Колы-жъ хто зъ своею журбою до нёго,
Неначе до друга, вдавався.—
Спивецъ утикавъ тоди самъ вже видъ того,
Видъ жаливъ чужыхъ винъ ховався.

Вернувся до дому у тяжкiй розради
И сумно схыливъ свое чо́ло.
Чы варто-жъ въ людей сихъ шукаты порады?
Никчемни тутъ люде навколо!

Кому я видавъ дороги самоцвиты
Найвыщого чыстого хысту?
Чы варто-жъ пидъ ноги имъ кыдаты квиты,
Снуваты веселку барвысту?

„Не варто служыты химерному свиту!
Нехай въ самотыни загыну,
Але вже я бильше прекрасного цвиту
Пидь ноги тій зграи не кыну!“

Тьмарылыся думкы и сердце болило...
Спивець пидійшовъ до виконця:
Въ садочку все квитомъ веснянымъ билило,
Сміялося проминня сонця.

Вже сонце котылось до темного бору
И въ теплимъ проминни купало
И яри ланы, и веселую гору,—
Навколо все барвамы грало.

И вабыло яснее сонце злотысте
Спивця зъ ёго смутной хаты
Туды въ тее поле просторее чысте,
По воли гуляты—блукаты.

И выйшовъ спивець геть изъ хаты сумнои,
На вулицю выйшовъ сельскую,
Корывся прынади весны чаривной,
Забуть хотивъ тугу тяжкую.

На вулицы тамъ недаленко стояла
Громадка людей невелька,
Зсередыны тои громадкы лунала
Журлывая, чула музыка.

Спивецъ прыступивъ до гурточку малого
Поглянуты, щѣ тамъ такее?
Тамъ лирныкъ сыдивъ соби доли,—край нѣго
Поводарь, хлопъятко малее.

Що дали все бильше людей прыбувало,
Выходылы зъ кожной хаты,
Старее й малее до гурту ставало
Слипого спивця выслухаты.

Имъ лирныкъ спивавъ про колышню неволю,
„Дарѣмщыну—панщыну“ злую,
Про тую нещасну пидданськую долю,
Про панську сваволю лыхую.

А лира голосыть, квылыть жалибныця,—
„Сыриткы“ слипецъ починае.
Ой, вже не одна у гурти молодыця
Хустыною слѣзы втырае.

Онъ плаче въ куточку дивчатко маленьке,
Въ знесылли схылылось до тына,
Видъ плачу стынається тило худеньке:
Сыритка—та бидна дытына!...

Кинчалася писня, слова жалибныи
Зминылыся въ слово потихы:
Що тамъ десь, у Бога, за муку земныи—
Небѣсныи ждуть насъ утихы.

Слова потишала, а голосъ и лира
Якъ першъ голосылы-рыдалы,
Лагідна потиха и ясная вира
Зныкалы, въ жалю потопалы...

„Нема въ свити правды!“ Сей крыкъ распачлывый
Не спивомъ, а плачемъ озався.
Сей пѣклькы гиркый, безнадійный, вразлывый
Спивцеви у серци виддався,—

Мовъ серце розкраявъ... Тяжкіи рыданья
Спивцеви знялыся у грудяхъ;
Винъ кынувся геть, геть видъ того спивання,
Що плачемъ озвалось по людяхъ.

Пишовъ винъ далеко видъ тои громады,
Але не до билого двору,
Пишовъ до дибровы шукаты порады,
До темного смутного бору.

Тамъ довго блукавъ винъ по темному бори,
За нымъ ёго туга литала.
Вже й ничка настала, засяялы зори
И темрява биръ залягала.

Спивецъ не вважавъ ни на тини ворожи,
Що скризь видъ деревъ простяглыся,
Спивецъ не вважавъ ни на зиронькы гожи,
Що тыхымъ огнемъ зайнялыся.

Не сходьлы зъ мысли ёму тїи гуку,
То тыхи, то сумно-здужали,
Булы въ ныхъ якись недоспивани муки,
Якись недомовлени жали;

И тяжко ёму невыразны муки
Серденько зболилее стыслы,—
Спивецъ распачлыво здїнявъ свои руки,
Въ очахъ ёму слёзы заблыслы.

„Якъ бы мени знову колышняя сыла,
Якъ бы мени гуку мицныи,
Тоди-бъ мене туга оця не гнитыла!...
Охъ, спивы мои голосныи!...

Колы-бъ же теперь хочъ на часъ, на году
Вернуты спивецьку потугу,
Полынувъ бы спивъ мїй на цилу краину,
Домовывъ бы гиркую тугу!

Не марной славы, не смиху пустого,—
Я слизъ буду въ свити шукаты,
Для слизъ отыхъ щырыхъ, для смутку святого
Ще варто и жыты й спиваты!“

На небо винъ глянувъ очыма смутнымы,
Одъ мисяця промини впалы
Ёму на облыччя стриламы срибнымы,
Въ слезахъ ёму срибломъ загралы.

Лагіднее свитло до серця проныкло,
Серденько мицнише забылось,
И все; що давно було зъ памяти зныкло,
Зненацька такъ ясно зъявилось.

И спивы матуси, й дятячыи мріи,
И мисячни noci на вєсни,
И спивы гучныи, мовъ гимны надїи.
Забутыи спивы небесни—

Винъ все прыгадавъ... Раптомъ писня чудова
Навколо геть-геть залунала,
Луну пидхопыла зелена диброва
И зъ витромъ далеко послала.

Видкóлы на свити писни гомонилы,
Такои не чуто николы.
Все стыхло, а вильныи гуки летилы
Далеко за горы, за доли...

VI.

Зновъ спивець у шырокому свити,
Зновъ ёго наче Бога витають,
Люде сыплють и лавры, и квити,
Дороги подарунки складають.

Ясна саля вся свитломъ палае,
Гримъ плескання, громада безъ-лику,

Гомонять людъ, спивця выкликае,—
Винъ прыдбавъ соби славу вельку!

На кону винъ. Мовъ хвыли мєрськїи
Загулы, зарєвлы, зашумилы
Голосы невгамовни людськїи,
Знову квиты дощемъ полетилы.

Заспивавъ, и юрба вельченна
Мовъ жыття на той часъ запыныла;
Прыслухалась юрба несчыслєнна,
Що та писня дывна гомонила:

„Мени чоло сєгодня квитчає
Сєй почєсный лавровый винєць,
Я склоняюсь, бо слава винчає,—
Й-же клоньтєся кожный спивєць.

„Славс, горда та пышна цєрыцє!
Хочъ склонывъ свое чоло спивєць,
Та не вирьтє тоби, чєривныцє,
Якъ зрадливому морю плавецъ.

Не для славы,—для васъ, мои браття,
Я свїй скарбъ найдорожчый ховавъ,
Винъ чыстишый, нижъ яснє багаття,
И не легко ёго я прыдбавъ.

„Скільки слизъ було гиркыхъ пролыто,—
Ихъ личывъ тилько мисяць ясний!
Скільки муки було пережыто,—
Знає те мїй садокъ затышний!

„Наче квитка росою умыта,
Такъ мій скарбъ видъ тыхъ слизъ розцвитавъ,
Мовъ калынонька сонцемъ прыгрита,
Видъ палкóго жалю вироставъ.

„Мисяць проминнямъ смутнымъ, лагіднымъ
Цилувавъ ёго, пэстывъ, кохавъ,—
Але самъ своимъ серденькомъ биднымъ
Я жыття тому скарбови давъ.

„Отже скарбъ сей, едныи що маю,
Я вамъ, браття, теперь виддаю,—
Вамъ и ридному любому краю,—
То-жь прыймите вы писню мою.

„Недомовлени гиркыи жáли
Въ ридній писни почувъ я колысь,
Бачывъ тыхы слёзы печали,
Що мовъ перлы котылысь-лылысь.

„Тий слёзы, ти церлы ясныи
Певне впалы у сердце мое,
Бо ще й доси на слёзы сумныи
Писня зъ сердца мого устае.

Колы спивы мои жалибныи
Знову выклучуть слёзы чьи,
То надъ скарбы уси дорогии
Надгорода то буде мени.

„Я шукаю ти надгорода,
Я за нею подався у свить,
Бильшь нижъ лавры та гоминъ догоды
Мени скаже той тихый привить.

„Знайте, браття: хто писни смутной
Выслухаты видъ мене прыйдѣ,
Не забуде винъ писни дывной,—
Вона въ сердце ёму западѣ...

„Якъ умру я, имѣння славутне
Хутко зъ памьята зныкне усимъ;—
Хутко-хутко усе „незабутне“
Забувається въ свити отсимъ!

„Але по́кы ще буде на свити
Хочъ едына людына сумна,
Доты буде миждь людьмы бренины
Моя писня смутна-голосна.

„Довго щырымы сымы словамы
До людей промовлятому я;
Я загыну,—та довго миждь вами
Гомонитыме писня моя!“...

III.

Мелодіи.

(1893—1894).

Мелодіи.

(899—1894).

Ничка тыха и темна була.
Я стояла, мій друже, зъ тобою;
Я дывылась на тебе зъ журбою,
Ничка тыха и темна була...

Витеръ сумно зитхавъ у саду.
Ты спивавъ, я мовчазна сыдила,
Писня въ серци у мене бренила,
Витеръ сумно зитхавъ у саду...

Спалахнула далека зирныця.
Охъ, яка мене туга взяла!
Серце гострымъ ножемъ проиняла...
Спалахнула далека зирныця...

* * *

Не спивайте мени сеи песни,
Не вражайте серденька мого!
Лехкымъ сномъ спыть мій жаль у серденьку,
Нащо спивомъ будыты ёго?

Вы не знаете, що я гадаю,
Якъ сыжу я мовчазна, блида.
Тожъ тоди въ мене въ серци глыбоко
Сяя писня сумная рыда!

* * *

Горыть мое сердце, ёго запалыла
Гарячая искра палкого жалю.
Чому жъ я не плачу? Ряснымы слёзамы
Чому я страшного вогню не заллю?

Душа моя плаче, душа моя рвется,
Та слёзы не рнунуть потокомъ буйнымъ,
Мени до очей не доходятъ ти слёзы,
Бо сушыть ихъ туга вогнемъ запальнымъ.

Хотила бъ я выйти у чыстее поле,
Прыпасты лицемъ до сырой земли
И такъ зарыдаты, щобъ зори почувлы,
Щобъ люде вжахнулысь на слёзы мои.

Зновъ весна и зновъ надіи
Въ серци хворимъ оживають,
Зновъ мене колышуть мрії,
Сны про щастя навивають.

Весно красна! люби мрії!
Сны мои щаслыви!
Я люблю васъ, хочъ и знаю,
Що вы вси зрадлыви...

Дывлюсь я на ясныи зори,
Смутни мои думы, смутни.
Сміються байдужыи зори
Холоднымъ проминнямъ мени.

Вы, зори, байдужьи зори!
Колысь вы инакши булы,
Въ той часъ, колы вы мени въ сердце
Солодку отруту лылы.

Стояла я и слухала весну.
Весна мени багато говорила,
Спивала писню дзвинку, голосну,
То зновъ таємно-тыхо шепотила.

Вона мени спивала про любовь,
Про молодощи, радости, надіи,
Вона мени переспивала зновъ
Те, що давно мени спивали мріи.

Хотила-бъ я писнею стати
У сюю хвылыну ясну,
Щобъ вильно по свити литаты,
Щобъ витерь розносывъ луну,

Щобъ геть ажъ пидъ ясныи зори
Полынуты спивомъ дзвинкымъ.

Упасты на хвыли прозори,
Буяты надъ моремъ хыбкымъ..

Луналы-бъ тоди мои мріи
И щастя мое таемнѣ
Яснійши, ніжъ зори ясній,
Гучнійши, ніжъ море гучнѣ..

Перемога.

Ловго я не хотила корытись весни,
Не хотила ии выслухаты,
Тїи речи лагідни, знадни, чаривни
Я боялась до серця прыйматы.

„Ни, не кльчъ мене, весно,—казала я їй,—
Не чаруй и не вабъ надаремне.
Що мени по краси тїй веселїй, яснїй?
Въ мене серце и смутне и темне“.

А весна гомонила: „Послухай мене!
Все корытсья мицнїй моїй влади:
Темный гай вже забувъ зимування сумне
И красуе въ зеленимъ наряди;

Темна хмара озвалася громомъ гучнымъ,
Освитылась огнемъ блискавыци;
Вкрылась темна земля зиллямъ-рястомъ дрибнымъ;
Все корытсья мени мовъ царици;

Хай же й темнее сердце твое оживе
И на спивъ мій веселый озветься,
Бо на його озвалося все, що живе,
Въ тебе жъ сердце живе, бо ще бьеться!""

Тыхо думка шепоче: „Не вирь тій весни!“
Та даремна вже та осторога,—
Вже прокынулись мрії и спивы въ мени....
Весно, весно,—твоя перемога!

14/V 1893 р.

До м у з ы.

рыльнь до мене, чаривнице мыла,
И запалай зорею надо мною,
Нехай на мене проминь твій впаде,
Бо зновъ перемогла мене ворожа сыла,
Зновъ подолана я, не маю сыль до бою;—
Я не журюсь, я знала—се прыйде.
Спокійна я, боротыся не хочу,
Въ души у мене иншіи бажання:
Я тилько думкою на свити буду жыть,
Я хочу слухать ричь твою урочу
И на своимъ чоли твое сіяння
Почуть бажаю хочь едыну мыть.

13/1. 1894 р.

* * *

 о була тыха ничь чаривныця,
Покрываломъ спокійнымъ, шырокимъ,
Простелылась вона надъ селомъ,
Проқыдалась край неба зирныця,
Мовъ надъ озеромъ тихымъ, глыбокимъ,
Лебидь сплескувавъ билимъ крыломъ.

И за кожнымъ тымъ сплескомъ яскравымъ
Серце кыдалось, распачемъ былось,
Замирало въ тяжкій боротьби,
Я змаганнямъ втомылась кривавымъ
И мени заспиваты хотилось
Лебедыную писню соби.

Давня весна.

Була весна весела, щедра, мыла,
Проминнямъ грала, сыпала квиткы,
Вона летила хутко, мовъ стокрыла,
За нею вслидъ спивучый пташкы!

Все ожыло, усе загомонило,—
Зеленый шумъ, веселая луна!
Спивало все, сміялось и бренило,—
А я лежала хвора й самотна.

Я думала: , Весна для всихъ настала,
Дарункы всимъ несе вона ясна,
Для мене тилько дару не прыдбала,
Мене забула радисна весна“.

Ни, не забула! У викно до мене
Заглянули видъ яблони гилькы,
Замыготило лыстячко зелене,
Посыпалысь билесеньки квиткы.

Прылынувъ витерь, и въ тисній хатыни
Винъ про весняну волю заспивавъ,
А зъ нымъ прылынули писни пташыни
И любый гай свій видгукъ зъ нымъ прыславъ.

Моя душа николи не забуде
Того дарунку, що весна дала;
Весны такои не було й не буде,
Якъ та була, що за викномъ цвила.

1894 року.

* *
* *

чорную хмару зибралася туга моя,
Огнемъ -блыскавыцею жаль мій по ній розто-
чывся,

Ударывъ перуномъ у серце,
И ряснымъ дощемъ поплыльсь мои слёзы.
Промчалась та буря-негода палка надо мною,
Але не зломыла мене, до земли не прыбыла,
Я гордо чолó пидвела,
И очи, омыти слёзамы, теперь поглядають яснійше,
И въ серци моимъ переможными спивы лунають.
Весняная сыла въ души мой грае,
Ии не зломылы зимови морозы мицни,
Иа до земли не прыбылы туманы важки,
Ии не розбыла и ся перелитная буря весняна.
Я выйду сама проты бури
И стану,—помиряемъ сылу!

* *
* *

, знаю я, багато ще промчыть
Злыхъ хуртовынъ надъ головою въ мене,
Багато ще надій изъ серця облетыть,
Немовъ одъ выхру лыстячко зелене.

Не разъ мене обгорне, мовъ туманъ,
Страшного розпачу отрутнее дыханья,
Тяжке безвирья въ себе, въ свій таланъ
И въ те, що у людей на свити йе призыванья.

Не разъ въ души наступыть переломъ
И очи глянуть у бездонну яму,
И вгляжу я въ коханья надъ чоломъ
Строкату шапку блазня, або пляму.

Неразъ мій голосъ дыко залуна,
Немовъ середъ безлюдной пустыни,
И я подумаю, що въ свити все мана
И на земли нигде нема святыни.

И може прыведуть неразь прокляти дни
Лыхой смерты гризную прымару,
И знову прыйдеться покынутій мени
Не жыты, а несты жыття свое мовь кару...

Колы я крыцею зроблюсь на тимь вогни,
Скажись тоди:—Нова людына народылась
А якъ зломлюсь, не плачце по мени!
Пожалуйте, чому ранійше не зломылась!

16/IX, 1896 р.

IV.

1895—1896.

Ты, вичный духъ розкутого ума,
О воля, найяснѣйша ты въ темныци,
Бо тамъ въ людскыхъ сердцахъ твои свитлыци,
Въ сердцахъ, шо полонныла ты сама.

Шильонскый сонетъ. Б—на.

* * *

Бувъ ясный день, веселый, провесняный,—
До насъ у хату кризь викно одкрыте
Врывався гоминъ голосныхъ потокивъ,
Що биглы въ-нызь по вулицы нагирній,
Витрець влитавъ и, мовъ пуста дытына,
Скыдавъ до долу видъ стола паперы,
За нымъ влитала цила зграя гукивъ,—
Все та давно знаёма писня миста,
Але и въ ній нови луналы ноты,
Весняни... Та вони луналы не для насъ,
Бо не було весны у нашимъ серци.
Ота весна, що за викномъ сміялась,
Намъ прынесла новыны невесели,

.....

* * *

все такы до тебе думка лыне,
Мій занапашеный, нещасный краю,
Якъ я тебе згадаю,
У грудяхъ сердце зъ туги, зъ жалю гыне.

Си очи бачылы скризь лыхо и насылля,
А тяжчого видъ твого не выдады,
Воны бъ надъ нымъ рыдалы,
Та соромъ слизь, що ллються видъ безсылля.

О, слизь такыхъ вже вылыто чымало,—
Краина цила може въ ныхъ втопытысь;
Доволи вже имъ лытысь,—
Що слёзы тамъ, де навить крови мало!

1865 року.

(Уривоқъ).

В же очи ти, що такъ булы привыклы
Спускаты поглядъ, тыхи слёзы лыты,
Теперь метають искры, блискавыци,—
Ихъ дыкый блескъ невже васъ не лякае?
И руки ти, не учени до зброи,
Що доси такъ довірливо одкрыти
Шукалы тилько дружнёи руки,
Тепера зводяться видъ судорогы злосты,—
Чы вамъ байдуже про таки погрозы?
Уста, що солодко спивалы й вымовлялы
Солодки речи, або тыхи жали,
Теперь шыплять видъ лютосты, и голосъ
Спотворывся неначе свысть гадючий,—
Що якъ для васъ желомъ языкъ ихъ буде?

* *
*

оди тепера! ни скаргъ, ани плачу,
Ни нарикання на долю,—кинець!
Навить и хвylie рыданья гарячу
Стрымать спроможусь. Нестыму винецъ,
Той, що сама положила на себе.
Доле слипая, вже згинула влада твоя,
Повидь жыття свого я одбираю видь тебе,
Буду шукаты сама, де дорога моя!
Мри рожеви, теперь я розстануся зь вами,
Тыхо видвожу обийма ясныхъ моихъ мрiй.
Довго проводиыты буду сумнымы очамы
Подругъ моихъ легкокрылыхъ зныкаючий рiй.
Згинулы мри, и темрява слидъ ихъ закрыла...
Ледве що зныклы, а въ мене вже зновъ надъ чоломъ
Полумьямъ вiють огненни шыроковы крыла,
Мрiя новая лита надо мною орломъ.
Мовъ зачарована слухаю голосъ надземный:

Поеть пидь чась облогы.

мисти пануе велька тревога.
Туманомъ окутала вража облога.
И голодь грозыться страшною рукою,
Видь шпыгивь ворожихъ немае спокою.
Збирається въ мисти за радою рада,
Та згоды немае, пануе розрада,
Змагання, непевнисть и крыкъ: зрада! зрада!
Мовъ тяжка хвороба, такъ чась тамъ плыве,
Та мисто не вмерло, воно ще живе.

Онъ въ церкву идуть молодята до шлюбу,
Онъ маты колыше дытыненьку любу.
„Ходимо,—говорыть дружина дружини,—
З'єднаемо руки и долю свою!
Якъ згынуть прыйдеться,—въ остатній годыни.
Побачу край себе дружину мою.“

„Спы,—маты спивае,—мое немовлятко,
Урожене въ люту годину дытятко!
Не будешъ ты лыха и голоду знаты,
Поки ще на свити живе твоя маты“.

Иде на стривання хороший воякъ,
Вита ёго мыла щаслыва.
„Чого зажурывся мій любый козакъ?“
Пытае дивчына вродлыва.

—Прощатысь прыйшовъ я, кохана, зъ тобою,
Отъ заразы пиду зъ товариствомъ до бою,
Не-сила терпиты лыхой напасты,
Волю я въ шырокому поли пропасты,
Нижь тута, немовъ у тюрьмы, погыбаты!
Тебе тилько, зиронько, жаль покыдаты...“
Вона подае ёму стрильбу гримку,
Чипляе сама ясну шаблю важку,

Цилуе и пестыть, и щастя бажае,
И мовъ на музыкы на бій выражае:
„ Хай наша зоря тебе, мылый, веде!“
И мылый на смерть безъ вагання иде.

А онде нещасный коханецъ край брамы,
У распачи голову стыснувъ рукамы:
„Найгирша для мене ся лута година!
Не любыть мене чаривныця-дивчына!
Подвійный мій распачь, подвійный мій жаль,—
Моя нерозважна печаль!...“

Онъ писня зъ высокого муру лунае.
По мурахъ отважный спивецъ похожае,
Поеть не боиться видъ ворога смерти,
Бо вильная писня не може умерты.
Тожъ винъ зъ ворогамы и зъ лыхомъ жартуе
И вирши мовъ легкіи стрилкы гартуе,

И кыдае писню въ широкий просторъ;
Скризь чутно іи, на майдани и въ поли.
Юрба перейма тую писню, мовъ хоръ.
Все бачыть спивецъ у широкимъ роздоли—
И небо, и море, красу свитову,
И людямъ спивае винъ писню нову.

Усе odbyваеця въ писни, якъ въ мори,
Рожевая збря й червоная кровъ,
И темна ненависть, и ясна любовъ,
И пломинь пожару, и мисяць, и зори.

Та писня, якъ море, и стогне, й рыда,
И барвамы грае,
И скели зрывае,
Якъ чыста, прозора вода.

Вси слушають писню: нещасный коханецъ,
Щасльвая пара, и маты, й дытына,
Спива тую писню дружыни дружына,—
Те знае и тишыться музынь обранецъ.
Бо въ день, середъ люду, поэты мовъ диты.

Имъ мыли триумфы, и лавры, и квчты,
И вабыть имъ очи велькая слава,
Якои не дасть перемога кривава,—
Въ надїи на неи терновый винецъ
Прийма молоденькый спивецъ.

Ось день промынувъ, зныкъ и вечеръ погожый,
Ничъ крые и мисто, и таборъ ворожый,
И дывляться любо небесныи очи;
Поснулы уси до спочынку охочи,
Здрималася навить обачна сторожа;
Скризь тыхо... Мицна чаривныченька божа,—
Корыться їй все пидъ кинецъ;
Але не корыться спивецъ.

Ти промини горди, ясни, золотїи,
Въ нѣму розбудылы и речи, и мрїи,
Ихъ стрыматы—груды тисни!
И прудко, мовъ искры зъ багаття огнысти,
Мовъ хвыли гирського потоку сриблысти,
Летять голосныи писни.
И лються, и лються безъ примусу, вильно,
Недбали про славу й винкы,
И лынуть зъ пивничнымы витрамы спильно
Высоко пидъ ясни зиркы.

Бренить у ихъ радисть, лунае и горе,
Шумыть у ихъ спогадивъ, мрїй циле море,
Навколо ныхъ распачь хаосомъ чорніе,
Надъ нымы веселка надїи променіе.

Не знае поетъ, чы хто слуха ёго,
Не стрымуе серця и спиву свого,
Спива серенаду ясній своїй зирци,
Та ночі, та музи своїй вынозирци,
Що зъ нымъ була въ кожній пори...

И писня чаруе облогу ворожу,
И будыть на мурахъ обачну сторожу,
Заснуть не дае до зори!

12/IV. 1896 року.

ЛЫСТЬ.

оварышко! хто зна, чы хутко доведеться
Провадыть зновъ розмовы запальни;
Нехай,—покры видъ ныхъ ще сердце бьеться,—
Я вамъ на забудь спышу думкы сумни.

Отъ може вамъ колысь,—часамы се бувае,—
Розглянуты стари шпаргалы прыйде хить,
Вашъ поглядъ си щилкы, блукаючы, спиткае,
И затрымаецца пры ныхъ на мыть.

И вамъ згадаецца садокъ, высокый ганокъ,
Летючи зори, тыха литня ничъ,
Розмовы наши, спивы, й на останокъ
Урывчаста, палка, завзята ричъ,

Гришныця.

ула вѣйна страшна и незвычайна:
Те лыхо звалось билою вѣною;
Безъ гасель боѣвыхъ, безъ гучной музыки,
Безъ гримкыхъ выстриливъ, безъ ясныхъ короговъ,
Вона була немовъ лыхе повитря,
Що прылитае на совыныхъ крылахъ.
И полягавъ воякъ за воякомъ,
Полкы зныкалы, якъ валы на мори;
На поединкы тамъ выходылы вѣ-ночи,
Ховаючы пидъ паху короговку.
У темряви густѣй ништо не бачывъ,
Якъ блискала й щербылась ясна зброя,
Якъ падавъ и конавъ одынь зъ борчивъ,
Якъ ворогъ загрибавъ ёго у темну яму
Неразъ ище живого. Старшына
Личыла ранкомъ вѣйско—и багато
Найкращыхъ воякивъ у йому бракувало:

Нихто не знавъ, де й якъ вони лягли.
Въ той часъ найбільше воювали шнуромъ,
Кайданами, отрутою, пидкопомъ,
А зрада гасломъ війсковымъ була.
Часамы тилько бомба огнева
Могыльну тышу розбывала гучно
И всихъ навколо раныла скалками.
Разъ въ темну ничъ на бій дивчына вийшла
(Тоди йшли вси, жинкы й чоловики,
И навить диты не сыдили дома).
Вона була пры зброи: у рукахъ
Бувъ заступъ гострый, а въ кышени куля,
Набытая знадобомъ розрывнымъ.
Дивчына йдучы тыхо шепотила,
А на устахъ бувъ усмихъ зловорожий:
„Ой, пидкопаю вражее гниздо!
Злетять вони у-гору мовъ ти птахи!“
Отъ, пидійшла вона пидъ темный муръ
Высокои будовы. Прытаилась,
Перечекала сторожкый патруль,
И почала копать, завзято, швыдко..
До половины пидкопала стину,
Пидклала кулю розрывну пидъ неи,
А потимъ добула вогню и запалыла
У кули трутъ и подалась до дому
Зъ надією страшною. Колы раптомъ
Мовъ гримъ ударывъ, куля розирвала
Завчасу стину и каминня гостре

Посыпалось навколо, наче градъ.
И ось одынъ важкый та гострый каминь
Улучывъ дивчыну и полягла вона,
Немовъ прыбыта градомъ нижна квитка.
Туть незабаромъ прылетивъ патруль,
Знялася заметня, тревога, шуканына,
И дивчыну знайшли: „Чы мертва, чы зомлила?“
Пыталы воякы.—„Несить ии въ шпыталь!“
Сказавъ старшый, „нехай ии черныци
Тамъ одволають, потимъ буде судъ!“
И виднесли въ шпыталь зомлилую дивчыну.
И прыняли ии тамъ сестры мылосердни,—
Воны прыймалы всихъ,—прыставылы до неи
Черныцю молоденьку, щобъ глядила.

Лежала цилый день безъ памьяты слаба,
Але надъ вечеръ ий вернувся тямокъ,
Одкрыла очи, глянула навколо;
Склепиння биле, образъ и лампада,
И биля лижка, наче другый образъ,
Блида дивчына въ чорному убранню.

Хвора.

Де я и хто ты?

Черныця.

Сестро, мырь тоби!
Се божая оселя, ты въ шпытали,

А я твоя сестра, тебе гляжу.
Хвала Найвышщому, що ты опамьяталась.

Хвора.

А чула ты, що сталося сеи ночі?

Черныця.

Хай Богъ простыть тому, хто се вчынивъ...

Хвора.

Се я!

Черныця.

О, сестро! ты?... Ты каешся, запевне!

Хвора.

Ни! Каяться вважалабъ я за грихъ!
Скажи,—ты певне знаешъ,—адже въ замку
Уси погынули? никто зъ нихъ не зоставсь.

Черныця.

Ни, мылувавъ Господь. Одна лышь вежа
Упала, на той часъ тамъ не було никого.

Хвора.

О, що ты кажешъ?!...

(Хвора зарыдала.)

Черныця.

Вгамуйся, бидна сестро, помолыся

Зо мною въ купи Богови святому,
Подьякуй, що не давъ тоби вчыныты зла,
Просы, щобъ мырь твой души пославъ винъ
И въ сердце повернувъ забытую любовь.
Слёзамы змый оту лыхую пляму,
Що положывъ гыдкый, ворожый замирь.
Абы простывъ тебе Суддя небесный,
А судъ земный для праведныхъ—нищо.

Хвора.

Гадаешъ ты, що я боюся суду?
Запевне, брыдко мижъ гадюкъ попасты,
Та я ихъ не боюся, судъ не страшный для
мене,—
Небесный, чы земный, для мене все одно,
Однакови для мене рай и пекло,
Бо я не виру въ нихъ.

Черныця.

О Господы, ратуй
Оцю заблукану, нещасну душу!
Послухай, сестро, ты ще молода,
И може прыйдеться загнуты...

Хвора.

Дарма.

Не жаль мени, що молодою згыну,
А жаль—о, лютый жаль,—що пропаду да-
ремне!

Черныця.

Нихто даремне въ Господа не гыне.
Безъ воли Божой и волосъ не спаде.

Хвора.

Не хтилабъ я тебе вразыты, сестро,
Та бачу прыйдеться розмову залышыть,
Бо мы говорымо на ризныхъ мовахъ.

Черныця.

Ни!

У всихъ людей одна йе спильна мова—
Братерская любовь.

Хвора.

Любовъ, ты кажешъ?
А я бъ сказала—щыристь...

Черныця.

Прожены

Ненавысты дракона геть изъ сярця,
Нехай въ йому зостанеться любовь,
И мы одна одну запевне зрозуміемъ,
Якъ розумивъ розбійныка Хрыстось.

Хвора.

Пожды, кохана сестро, я те бачу,
Що ты мене и жалуешъ и любышь,
Хочъ я тоби чужа. Та я бъ хотила,

Щобъ знала ты, кого и за що любишь
И якъ осудышь, то щобъ знала за що,
Сядь бльжче билия мене, нахылы
Лагидне лыченько до мене бльжче,
Забудь про те, що звете вы грихомъ,
Чы праведнистю, слухай тилькы пыльно.

Черныця.

Боюся, я, що втумышся,—тыжъ хвора.

Хвора.

Дарма! нехай умру, та думка не умре!
Въ таке безсмертя й я привыкла вирыть,
Адже у васъ йе сповидь передъ смертю...
Мене жде шыбеныця,—я те знаю.
Такъ слухай. Ты все згадуешь любовь,—
Вона й моя наставныця едына.
Мене любовь ненавысты навчыла.
Колысь и я була, якъ ты, лагидна, тыха
И вирыла въ братерськую любовь,
Бо пры мени булы браты кохани,
Родына й нижни подругы мои;
Образу я слёзамы зустричала
И передъ кривдою схыляла чоло,
Колы вона на мене наступала.
Я матери и батькови корылась,
Воны-жъ булы до мене завжди добри.
Я думала, що ладъ такой можлывый
Мижъ ворогомъ и бранцемъ... Колы се

Розпочалося биле лыхолиття
И наше мисто зайняла облога;
Боролося воно, змагалось, якъ умило,
А потимъ мусыло одперты браму
И ворогы ввійшли зъ тріумфомъ въ неи.
Я бачыла тоди, що хто хылывсь найныжче,
Того найбільшъ топталы люде й кони.
Мій батько й маты ворогамъ корылысь,
А добросты не бачылы николы.
У мене розумъ наче потьмарывся,
Не знала я, де правда и де кривда,
Я знала тилько, шо мени такъ жаль,
Такъ жаль на ворогивъ и жаль на подолан-
ныхъ.

Сумный бувъ часъ; товариши мои
Пишлы у військо, клыкалы й мене,
Та я въ соби тоди не чула сылы.
Ти, шо zostалысь,—я ихъ одцуралась,
Або воны мене, пропала наша згода.
Браты и сестры смутныи ходылы,—
Той самый жаль гнитывъ ихъ, шо й мене.
Та шо казаты? Въ подоланнимъ мисти
Не мае щастя и не може буты!
Хотила я спершу, якъ ты, питы въ черныци,
У сестры мылосердни, та для сёго
Потрибна вира,—я їи не мала...
Отакъ жыття мынало день за днемъ,
Я бачыла, якъ гынуло найкраще,

Якъ родычи мои гнылы по тюрмахъ
И якъ высоке нызько упадало.
Тоди въ мени спалахнула ненавысть
До тыхъ, що ныщылы мою любовь.
Ненавысть розгоралась бильше й бильше,
Та я не знала, де їи подиты.
Такъ можебъ я себе вогнемъ спалыла вла-
снымъ,

Та ыншее судылося мени.
Прийшовъ одынъ товаришъ и промовывъ:
„Ходы! мы знову на вѣйну зибралысь!
Не мы убьемъ, то насъ воны убьютъ;
Мы мусымъ боронитысь, поможи намъ!
Невже ты будешъ осторонь .сидиты
И споглядать, якъ льеться братня кровь?
Ни, соромъ се терпиты. Наша смерть
Научыть иншихъ, якъ имъ треба жыты.
Ходы,—зъ тобою, певне, й други пидуть“.
И я пишла...

Черныця.

А маты? а родына?

Хвора.

У ту хвылыну я про нихъ забула,
Та може-бъ не згадала и теперь,
Якъ бы вдалось мое вельке дило.
Я-бъ упылася щастямъ перемоги,—

Не спогадомъ, надією жыла-бъ.
Але-жъ тепера я даремне гыну
И думаю прс той даремный жаль,
Що може вбыть мою кохану матиръ,
Своихъ сестеръ я бачу у жалоби,
Бративъ у смутку—и даремне все!..
Колы-бъ могла я ще хочъ разъ побачыть
Моихъ коханныхъ!...

Черныця.

Сестро, не журись!
Якъ бы ты тилько вирыла у те,
Въ що вирымъ мы, потишылась бы, певне:
Мы вирымо, що въ иншимъ, кра́щимъ свити
Побачымо усихъ, кого любылы.

Хвора.

Шкодà! Вы вирыте, що есть и рай и пекло,
Що люде й „тамъ“ не можуть ривни буты.
Моя лагидна маты не злочынка,
Не вбыла й не хотила вбыть никого,
Йй мусыть райська брама видчынытысь,
А для такихъ, якъ я, въ раю не мае мисця.
.....

* *
* *

Ой палка ты була, моя писне!
Якъ тебе почынала спиваты,
Въ мене очи горилы мовъ жаръ,
И зайнявъ ся у грудяхъ пожаръ.
Хтила я тебе въ серци сховаты,
Та було мое серденько тисне,—
Ой палка ты була, моя писне!

Такъ, була моя писня палка.
Выслухала товаришка спивъ,
Мовъ троянда уся паленила
И слёза въ неи въ очахъ бренила
Видъгарячыхъ, невтримльвыхъ сливъ,
И тремтила подана рука...
Такъ, була моя писня палка.

Ты занадто палка, моя писне!
Якъ настала тревожна година,

Запалылося слово въ кинець
И спалыло тонкый папирець...
Замість писни—лежить пожарына.
Ой, глядять, знову искорка блысне!
Ты занадто палкà моя писне!

26/XI. 1896 року.

V.

В и д р у қ ы.

(1896—1899).

Видгукы.

Нролитавъ буйный витерь надъ моремъ,
По безмирнимъ, шырокимъ простори;
Били хвыли здіймалысь высóко,
И зняли ся одъ витру ще выще,
Загукалы, якъ вѣйсько вороже,
Заглушылы воны буйный витерьъ.

Пролитавъ буйный витерь въ пустыни,
По безкраѣму, мертвому поли;
Закрутылысь писковати выхри,
Простяглысь геть пидъ небо высоке,
Наче вельты люти страшныи,
И розсыпалысь, впавшы звысока;
Смерть покрыла слидъ буйного витру.

Пролитавъ буйный витерь край вежи,
Що стояла самотно на кручи,

Тамъ знайшовъ винъ Эолову арфу;
Винъ шарпнувъ їи довгыи струны—
И вси струны озвалыся спивомъ,
Лагиднѣйшымъ одъ витру дзвинкого.
Буйный витерь замовкъ, пролетившы,
Але арфа ще довго бренила...

1896 року.

Єврейська мелодія.

И не мій! розлучивъ насъ далекий твій край
И вродлива чужинка забрала!
Ты тамъ може знайшовъ незаказаний рай,
Я-жь безъ тебе мовъ квитка зивьяла.

И зостались мени лишъ писни та думкы...
Ти писни наши бранци зложылы,
Прыслухаючысь, якъ край Евфрату-риky
Вавилонськіи вербы шумилы.

Ти писни не спивалысь, у дни жалибни
Арфы высилы смутно на витахъ
И гойдалысь, неначе журылысь сумни
По веселыхъ утраченыхъ литахъ.

На мовчазныхъ устахъ не лунавъ тихый спивъ,
Винъ на крылахъ думокъ у пустыню,
У зруйноване божее мисто летивъ
И оплакувавъ ридну святыню:

„Ты въ руинахъ тепера, єдиный нашъ храмъ,
Ворогы найсвятійше сплямылы,
На твоимъ алтари неправдывымъ богамъ
Чужоземци вогонъ запалылы.

Вси пророкы твои видъ тебѣ видреклъсь
И левитивъ немае зъ тобою.
Хто погляне на стины, вельчни колысь,
Покывае сумный головою.

Ты не нашъ, але вирнымы будутъ тоби
На чужыни израильськи люде,—
Що Господь самъ обравъ за святыню соби,
Те до вику святынею буде!“

Мылый мій! ты для мене зруйнованный храмъ,—
Чы я зрадыты маю святыни
Черезъ те, шо виддана вона ворогамъ
И чужій, неправдывій богыни?

26/VI. 1896 р.

AVE REGINA!

Безжалисна музо! куда ты мене завела?
Навищо ты очи мени ослипыла згубльвымъ про-
миннямъ своимъ?
Навищо ты сердце мое одурыла, прывабыла маревомъ
щастя?
Навищо ты вырвала въ мене слова, що повинни бѣ
умерты зо мною?
Ты квитамы сердца мого дорогу соби устелыла
И кривью ёго ты окрасыла шаты свои,
Найкращіи думы мои винцемъ золотымъ тоби стали.
Ты, горда цариця, мене повела за собою,
Мовъ бранку-невильныцю въ ходи твоимъ триумфаль-
нимъ.
Иду я окована мицно, и дзвонять кайданы мои.
Ты, владарко, все одбираешъ одъ мене,
Уси таемни свои скърбы тоби я повинна виддаты,
И кылымъ, що выткалы мріи, пидъ ноги тоби просте-
лыты.

Мое божевилля соби ты взяла за актёра,
Щобъ грало закохани роли тоби на потиху.
Невже тоби заздро, богыне, на вбогее щастя мое?
Те щастя—то бувъ тилько сонъ. Ты голосомъ гуч-
нымъ

Видъ нёго мене пробудыла, гукнувшы:
„Прокынсь, моя бранко, ты мусышь служыты мени!
Спивай мени писню, ту писню, що спыть въ твоимъ
серци,
Торкны ту струну въ свой арфи, що доси ище не
бренила,
Вси струны озватыся мусять хвалою мени.
Я дамъ тоби пышни дарункы, забудешъ недолю
свою.“

Даремне хотила я арфу свою почепыты
На витахъ плакучыхъ смутной вербы
И даты вельку прысягу, що въ свити ништо не почуе
Невильныхъ спививъ моихъ.
Ты глянула поглядомъ владнымъ, безжалисна музо,
И сердце мое затремтило, и писня моя залунала,
А ты, моя владарко горда, втишалася писнею бранкы,
И очи твои променилы вогнемъ переможнымъ,
И вабывъ мене той огонь и про все заставлявъ за-
буваты.

Всё я тоби заспивала, и те, чого зроду никому,
Навить самій соби, въ голосъ казаты не хтила.
Все ты видъ мене взяла. Дежъ твои подарункы, ца-
рыце?

Ось воны, пышни дары: слёзы—коштовныи перлы,
Людське признання—холодный крышталь,

Смутокъ мене одягае чорнымъ, важкымъ оксамытомъ,
Тилько й скрашае жалобу—жалю кривавый рубинъ.
Гарна одежа для бранкы, що йде въ тріумфальному
ходи.

Радуйся, ясна царице, бранка витае тебе!

21/VIII 1896 року.

ТО ВЕ ОР NOT TO ВЕ?

тій, сердце, стій! не бийся такъ шалено.
Вгамуйся, думко, не литай такъ буйно!
Не бый крыльмы въ порожньому простори.
Ты, музо вынозора, не слипы
Мене вогнемъ твоихъ очей безсмертныхъ!
Дай руку, прытулы мене до свого лона.
Тоби я виддала усе, що мала,
Подай мени великую пораду.
Дывысь: навколо насъ велики перелогы,
И дыки пущи, и высоки кручи,
И темни, тыхи воды. Подывысь:
Шляхивъ нема, а тилько де-не-де
Поплутани стежынки йдуть на безвисть
Онъ люде—мало ихъ—оруть ти перелогы,
Онъ зъ пущи ледве чутно стукъ сокрыры,
Зъ высокыхъ кручъ луна орлыный клекить,
Лышь тыхи воды все стоять мовчазно,
И тилько часомъ каминь зъ кручъ зирветься,

Впаде и кане въ темни, тыхи воды—
Розійдеться и зныкне кругъ тремтячий.
Скажы мени, пораднице надземна,
Куды мени податысь у простори?
Чы маю я здійняты срибло-злото
Зъ своеи лиры и скуваты рало,
А струнамы си крыла привьязаты,
Щобъ тинь не падала на вузьку борозну,
Зайняты постать порядъ зъ тымы людьмы,
Ораты перелигъ и сіяты, а потимъ—
А потимъ ждаты жнывъ, та не для себе?
Чы може кнутысь туды, у пушу,
И въ дыкыхъ нетрахъ пробывать дорогу
Зъ сокырою въ рукахъ и-зъ тонкою пылою,
Поки якый гнылый, велькый стовбуръ
Впаде й задавить середъ хацивъ темныхъ?
Чы може злынуты орлыцею високо,
Геть по надъ кручи, у просторъ безмежний,
Вхопыты зъ хмары ясну блискавыцю,
Зирваты зъ зиркы золотый винець
И запалаты свитломъ опивночи?
А щб, колы те свитло мыттю згасне,
Якъ метеоръ, и темрява чорнійше,
Страшнійше здасться, нижъ була ранійшъ?
А щб, колы не стане въ мене сылы,
Вогонь обпалыть крыла й я впаду,
Неначе каминь, що зирвався зъ кручи,
Туды, у темни воды, въ глыбыню,
Въ холодну тышу, и недовго буде
Тремтиты кругъ на площыни воды?

Мовчышъ ты, горда музо! тилько очи
Спалахнулы вогнемъ, барвысти крыла
Шырокымъ помахомъ у гору здійнялысь
И сплѣснулы... О, чаривныце, стій!
Визьмы мене зъ собою, льньмо разомъ!

10/IX 1896 р.

Зъ пропащихъ рокивъ.

1.

Знаю, такъ, се хвории прымары,—
Не часъ мени вмираты, не пора.
Та наляглы на сердце чорни хмары
Лыхого пречуття, душа моя вмира!

Вдяглыся мри у смуткóви шаты
И понесли мене въ дывный, мовчазный край.
И тамъ прыйнявъ мене въ зелены палаты
Плакучыхъ вербъ и кипарысивъ гай.

Серпанкомъ чорнымъ жалибныци-мри
Мени покрылы очи, змеркнувъ свить,
И залуналы скаргы жалибныи
Моихъ покынутыхъ писень-сыритъ.

Писни вернулись плакать на могыли
Палкого сердца, що носыло ихъ,
Воны булы мижъ людьмы гости мыли,
Та не прыйнявъ ниhto ихъ за своихъ.

2.

Обгорта мене туга, болыть голова,
Стины й стеля гнитять мовь темныця...
Дежъ вы, де, мои щыри, одважни слова?
Де подилась моя чаривныця,

Молода моя муза, и горда й смутна,
Жалибныця-порадныця тыха?
Я жъ безъ неи тепера така самотна
Середь сѣго безкраёго лыха.

Сее лыхо мое, мовь туманъ въ осены,
Безъ красы-блыскавыци, безъ грому,
Безъ раптового выхрю буйнди весны,
Що гуляе по гаю густому.

Навить муза боиться вступыты сюды,
Въ сей осинній туманъ небарвыстий,
Клыче здалека: „Встань и за мною ходы
Тымъ шляхомъ, що сіяе сриблыстий.

„Кожна зирочка снигу намъ буде въ очахъ
Наче справжня зирка зориты,
Будуть зори встылаты розложыстий шляхъ,
Наче шляхъ триумфатора квиты.

„Будуть снижнии зори таночки весты
Зь буйнымъ витромъ, мовь ко́ло дивоче.

Адже правда, моя вихованко, и ты
До зирокъ полынула-бъ охоче? "...

Вабыть, клыче далекая муза мене,
Мовъ горячка наводять примары,
А навколо туманъ наче море сумне...
Чомъ ёго не розвіють си чары?

19/I. 1897. року.

До товариша.

ы згадалы хочъ разъ вы про мене...
Якъ про васъ я спогадую, хвора?
Якъ ростынамъ бракуе жытя въ вохкій тьми,
Такъ обомъ намъ бракуе простора.

Охъ, тепера мене у недоли мойй
Не одынъ добрый другъ потишае:
„Не годыться журытысь въ прыгоди такій,
Адже иншымъ ще гирше бувае!“

Та яки се слова и даремни й нудни,
Хочъ порадыныкы щыри й охочи.
Якъ бы знали си люде, яки то сумни
Дни безъ сонця, безъ мисяця ночи!

Та ще гирше, нижъ боли й неволя тисна,
Ся едыная думка вбывае,
Ся розвага людська и ганебна й страшна:
„Адже иншымъ ще гирше бувае!“

Въ тимъ и жаль, що хочъ бы мы черпаты могли
Непомирнымы чашама горе,

Скільки бь мы такихъ кубкивъ гиркихъ не пылы,—
Ще зостанеться цилее море;

Вь тимъ и лыхо, що скільки бь винкивъ не плелы
Для робитныкивъ дила и слова,
Скільки бь терну на тii винкы не стялы,—
Ще зостанеться цила диброва!

19/I. 1897 року.

* * *

къ дытыною бувало
Упаду соби на лыхо,
То хочъ въ сердце биль доходывъ,
Я соби вставала тыхо.

„Що, болыть?“ мене пыталы,
Але я не признавалась—
Я була малою горда—
Щобъ не плакать, я сміялась.

А теперь, колы для мене
Жартомъ злымъ кинчыться драма,
И отъ-отъ зирватысь мае
Гостра, злобна епиграма,—

Безпощадній зброи смиху
Я боюся пиддаватись
И, забувшы давню гордисть,
Плачу я, щобъ не сміятысь.

2/II. 1897 р.

Романсъ.

 Не дывыся на мисяць весною,
Ясный мисяць наглядачъ цикавый,
Ясный мисяць пидслухачъ лукавый,
Бачывъ винъ тебе часто зо мною
И слова твои слухавъ колысь.
Ты се радый забуть? Не дывысь,
Не дывыся на мисяць весною.

Не дывысь на березу плакучу,
На берези журлывее виття
Нагадае тоби лыхолиття,
Нагада тоби тугу пекучу,
Що збратала обохъ насъ колысь.
Ты се радый забуть? Не дывысь,
Не дывысь на березу плакучу.

2/II. 1897 р.

Крымські видгукы.

1.

Импровизація.

Въ гаю далекомъ, въ гушавини пышній,
Квиты гранаты палки розцвитають,
Мовъ поцилунки палки на устахъ
Иншымъ палкымъ поцилункамъ на зустрічъ,
Мовъ поцилунки рубиновихъ усть...
Спы, мое серце, нехай тамъ у гаю
Квиты гранаты палки розцвитають...

Витры пивнични тремтять, затыхаючы,
Мижъ запашными кущамы лавровыми,
Наче зитханья жагы,
Наче ти лавры стривання таемнее
Любо ховають одъ свита цикавого
Лыстомъ ласкавымъ густымъ...
Спы, мое серце! хай витры пивничныи
Въ лаврахъ лагідныхъ тремтять, затыхаючы...

До кипарыса магнолія пышная
Чоломъ заквитчанымъ нижно схлылася,
Якъ молода до свого нареченого,
Билии квиты тремтять въ темныхъ кучеряхъ,
Але серпанка немае на ихъ.

Щыре кохання, некрыте серпанкамы...
Спы, мое серце! хай пышна магнолія
До кипарыса стрункого схляється.

Зъ темного моря биявая хвылечка
До побережного камня горнеться.
Пестоци, любоци, сяво срибнее
Хвыля несе въ подарунокъ ёму;

Темне чоло побережного камня
Хвыли коханій на зустрічъ засяло.
Пестоци, любоци, сяво срибнее...
Спы, мое серце! Хай хвыля биявая
До побережного камня горнеться...

2.

Уривқы зъ лыста.

(до И. М. Ст—ка).

Ловарышу мій! не здывуйте зъ линывого вирша,
Рыфмы, дочки безсонныхъ ночей, покидають мене,
Розмиръ, неначе хымерная хвыля,
Розбывається раптомъ объ кожну малу перешкоду,
Вы даремне шукалыбъ у нёму девьятого валу,
Могутнёй хвыли, що тактъ одбыва течіи океана.
Думкы навивае мени теперь Чорнее море,—
Дыке, хымерне воно, ни ладу, ни закону не знае:
Вчора грало-шумило воно
Пры ясній, спокійній годьни,
Сегодня вже тыхо й лагідно до берега шле свои хвыли,
Хочъ витерьъ по горахъ шалено жене сыви хмары.
Такъ бы й лежала я завжды надъ сею живою водою,
Дывылась-бы, якъ безъ жалю сыпле перлы вона й
самоцвиты

На побережне каминня,
Якъ тини барвысти видъ хмарокъ злотыстыхъ
Проходятъ по площыни срибно-блакитній
И раптомъ зныкають,

Якъ билая пина рожевіе злехка,
Немовъ соромлыве облыччя красуни,
Якъ горы темніють, повыти у били серпанкы,
Воны такъ спокійно стоять,
Бо ихъ стереже колонада сумныхъ кипарысивъ,
Поважныхъ, высокихъ...

.
Я тилько що зновъ прочтала
Вашъ дужый, неначе у крыцю закованый,
Мицно узброеный виршъ.
Якъ же за ёго я маю виддячыты вамъ?
Байку хйба роскажу, а „мораль“ вы самы вже вы-
водьте.

Бытымъ шляхómъ та крутымъ
Йихалы мы на узгирья Ай-Петри;
Вже помынули сады-вынограды рясни, кучеряви,
Що покрывають пиднижжя горы, наче кылымъ ро-
скишный,

Ось уже й лавривъ, поетамы любленихъ,
Пышныхъ магнолій не выдко,
Ани стрункихъ кипарысивъ, густо повытыхъ плю-
щемъ,

Ани платанивъ роскишныхъ наметивъ.
Тилько стричалыся намъ землякы наши, били бе-
резы,

Яворы й темни дубы, до негоды та борвію звыкли,
Але й вони вже зсстались далеко за нами,
Тилько терны, будякы та полынъ товаришылы намъ
у дорози,

Потимъ не стало и ихъ.

Крейда, писокъ, червонясте та сире каминня
Скризь по-надъ шляхомъ нависло, неплидне та голе,
Наче лёды на пивничному мори.

Сухо, нигде ни былины, усе задавило каминня,
Наче довичня турма.

Сонце палке сыпле стрилы на билую крейду,
Витерь здійма порохи,
Душно... всды ни краплыны... се наче дорога въ
Нирванну,

Краину всесильной смерты...

Ажъ ось на шпыли,

На гострому, сирому камени блыснуло щось наче
пломинь:

Квитка велька, хороша, свижи пелюстки розкрыла
И крапли росы самоцвитомъ блыщали на дни.

Каминь пробыла вона, той каминь, що все пере-
мигъ,

Що задавувъ и могутни дубы,

И терны непокирни.

Квитку ту вченни люде зовуть *Saxifraga*,

Намъ, поэтамъ, годяться назваты ии— „ломы-ка-
минь“

И шанувать ии бильше видъ пышногo лавру.

1897 р. Ялта.

3.

Схидна мелодія.

Воры багрянцемъ кривавымъ спалахнули,
Зъ проминнямъ сонця захиднымъ прощаю-
чысь, —

Такъ мое сердце жалемъ загорилося,
Зъ мылымъ, коханымъ моимъ розлучаючысь.

Геть по-надъ моремъ, надъ хвылямы сыними
Вьются, не спынятыся чаечкы били, —
Де тебе мають шукаты на безвисти,
Мый мій, думы мои быстрокрылы?

Въ себе на вежи вогонь запалыла я,
Любый, твого вориття дождаючысь,
Хай винъ просвитыть по морю дориженьку,
Щобъ не зблудывъ ты, зъ чужыны вертаючысь.

Свите мій! буду тебе дожыдатыся.
Въ черну, смутну фереджію*) повытая,
И посажу кипарысову гылечку,
Буде що дня вона слизьмы полытая.

*) ферджія—покрывало магометанокъ.

А якъ повернешся, я покажу тобі
Той кипарысь мій въ садочку квітчатому,
Здійметься винъ надъ всима минаретами
Въ краю сѣму на мечети багатому.

Ялта, 27/I. 1897 р.

4.

М р і и.

дытячи люби роки,
Колы такъ душа бажала
Надзвычайного, дывного,
Я любила викъ лыцарства.

Тилько дывно, що не прынци,
Таемницею укрити,
Не вродлыви короливы
Розумъ мій очарувалы.

Я дывылась на малюнкахъ
Не на гордыхъ переможцывъ,
Що, сперечныка звалывшы,
Промовляють лото: „здайся!“

Поглядъ мій спускався ныжче,
На того, хто, розпростертый,
До земли прыбытый спысомъ,
Говорывъ; „Убий, не здамся!“

Не здавався мени вельчнымъ
Той завзяты пышный лыцарь,

Що красуню непокирну
Взявъ оружною рукою;

Тилько серце чарувала
Бранкы смилыва видповідь:
„Ты мене убыты можешъ,
Але жыты не примусышь!“

Роки любви, дытячи,
Якъ весняни воды зныклы,
Але гоминъ водъ весняныхъ
Не забудеться по вики.

Винъ було мени лунае
У безсонни довги ночи
И еднаеться такъ дывно
Зъ вызерункамы горячки:

Мріе стеля надо мною,
Мовъ готычнее склепиння,
А гилькы квитокъ сплелыся
На викни, неначе граты.

Одъ викна до мене въ хату
Червонясте свитло впало,—
Чы то вулычнее свитло,
Чы то польскы пожежи?

Що се такъ шумыть невпынно?
Нависный, безладный гоминъ!
Чы въ крови горячка грае,
Чы війна лютуе въ мисти?

Чы се лютый биль у мене
Тыхый стогинъ вырывае,
Чы то стогне бранецъ-лицарь,
Знемагаючы на раны!

„Хто жывый у сёму замку?
Хто тутъ мае сердце въ грудяхъ?
Другомъ будь, зійды на вежу,
Подывысь на боёвысько!

Подывысь на боёвысько,
Хто кого перемагае?
Чы надъ лавамы ще вьеться
Корогва хрещата наша?

Колы ни,—зирву завон!
Хай джереломъ кровъ польеться,
Будь проклята кровъ ледача,
Не за ридный край пролыта!

Ни, я чую наше гасло!
Ось воно все голоснійше...
Завьяжить тійснійше раны,
Шкода кровъ губыты марне!“...

Б.

Зимова ничь на чужьини.

Возважь мене, Музо, моя ты порадо!
Такъ важко въ сей вечерь на серци мени!
Дежь ты забарылась? Колысь ты такъ радо
Летила на поклыкъ мій въ кращїи дни.

Муза.

Дарма нарикаты! Не я забарылась,
Я часто край тебе стояла, ждучы
Твого прывитання, але ты журылась,
Самотно мовчазныи слёзы ллючы.

— О Музо, не згадуй ту люту году,ну,
Журбы не буды, бо вона сторожка,
Мовъ хыжая птыця,—засне на хвылыну
И зо-сну ии кожый шелесть ляка.

Настрой свою лиру гучну, невыдыму,
Струна струни стыха нехай промовля,

И вслидъ за тобою я голосъ вестыму,
А думка хай вильно по свити гуля.

Муза.

Спивай же за мною
Про те, якъ весною
Усе виджывається зновъ,
Про квити весняни
И речи кохани,
Про першу весняну любовъ.

— Ни, Музо, ся писня незграйно лунае!
Чомусь я на голосъ ии не звезду,
Мій голосъ журлывее щось починая,
А струны твои на веселимъ ладу.
Лышимо сю писню...

Муза.

Утнимо другои,
Поки не розстроився ладъ!
„Пидкивки искрысти!
Дивкы танцюрысти!
Гей, пары, ставайте вси въ рядъ!“

— Мы, Музо, нещыро сю писню спивалы,
Мени вона завжды чужая була,—
Въ той часъ, якъ навколо уси танцовалы,
Я тилько таемны слёзы лыла.

Муза.

Хымерни вы, люде! сердца ваши хвори
Видь всёго займаются жалемъ страшнымъ,
Згадай, якъ колысь ты на ясныи зори
Зо мною дывылась пидъ небомъ риднымъ.

Чы въ сій сторони закрывають такъ щильно
Небесну красу кипарысы сумни,
Що писня твоя не литае такъ вильно
До самого неба, якъ въ давнии дни?

Невже отсыхъ гиръ золота верховына
Для тебе сумна, мовъ тюремна стина?
Замовкны жъ ты, писне моя лебедына,
Бо хутко порветься остання струна...

— Стій, Музо, ображена, горда богыне!
Даремне твій спивъ безнадійно луна,
Скоришъ мое сердце раптово загыне,
Нижъ въ тебе порветься остання струна!...

Згадай, якъ у литнии ночи безхмарни
Кризь ти кипарысы свитылы зиркы,—
Булы наши мрії хотъ смутни, та гарни,
Немовъ у жалоби вродлыви жинкы.

Нехай же теперь туманы непрозори
Вкрывають и небо, и сердце мое,—

Въ писняхъ нашихъ завжди сіятымуть зори,
Воны тамъ лышылы проминня свое.

Згадай, якъ мы спивомъ стривалы свитання
Минылася ясна зоря, мовъ рубинъ,
Шарилося море видъ сонця витання,
По той бикъ затоки лунавъ тыхый дзвинъ.

Нехай теперъ щастя зайшло, якъ и сонце,
Марою насунулась ничъ дощова,
А завтра зновъ сонце загляне въ виконце
И збужене серце мое заспива.

Згадай, якъ у день мы стоялы зъ тобою
На скели гарячій, на кручи стримкій,
Я вчылася писни въ морського прыбою,
А ты прислухалась, якый въ нёмъ стрій.

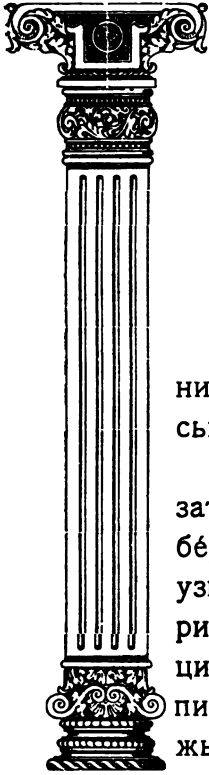
Нехай я отруена злою журбою,
Та въ писни на всяку отруту ѳе ликъ;
Мы слухалы писню морського прыбою,—
Хто чувъ ии разъ, не забуде по викъ.

Згадай, якъ захидъ у вогныстыи шаты
Верхивля горы одягавъ кремьяни,—
Палалы въ гущавыни квити гранаты,
А въ серци моему палалы писни.

Нехай мои сливы й садочки квітчати
Заснули, оковани сномъ зимовымъ,—
Весною й писни, и квіткы на гранати
Вогнемъ загоряться новымъ!

Ялта. 5 грудня 1897 р.

6.

Ифигенія въ Тавриди.

(Драматична сцена).

(Діється въ Тавриди, въ мисти Парте-
нити, передъ храмомъ Артемиды Таврид-
ської).

Мисце надъ моремъ. Море вдається
затокою въ скельстий берегъ. Пры самому
бѣрези голи, дыки, сиро-червони скели, дали
узгирья поросле буйнымы зеленощами: лав-
ривъ, магнолій, ольвъ, кипарысивъ по гори
цилый гай. Высоко надъ кручею невелькый
пивкруглый портыкъ. Скризь по узгирьи ме-
жы деревами биліють сходы, що спускають-
ся до храму. Зъ ливого боку, на самій сцени,
велькый порталъ храма Артемиды зъ дорійською ко-
лоннадою и шырокымы сходамы. Недалеко видъ храму
мижъ двома кипарысами, статуя Артемиды на высо-
кому подвійному пьедестали; долишня частына пьеде-
сталу дае чымалый выступъ, немовъ олтарь, на вы-
ступи горыть вогонь. — Видъ храму до моря йде
стежка, выложена марморомъ, вона спускається въ
море сходамы.

Зъ храму выходыть хоръ дивчатъ тавридськихъ у билыхъ одеждахъ и въ зеленыхъ винкахъ. Дивчата несутъ квиты, винки, кругли, плысковати кошыкы зъ ячменемъ и силлю, амфоры зъ выномъ та оліемъ, чаркы и фіалы. Дивчата прыкрашують пьедесталь статуи квитками та винками и спивають.)

Хоръ дивчатъ.

Строфа.

Богине таемна, вельчна Артеидо,
Хвала тоби!
Хвала тоби, холодна, чыста, ясна,
Недосяжна!

Антистрофа.

Горе тому, хто зухвалый подывытыся
На непокрыту богыни красу,
Горе тому, хто рукамы нечыстымы
Шаты пречысти богыни торкне,—
Тини, спотворени мисячнымъ сявомъ,
Кращымы будутъ, нижъ образъ ёго,
Ридная маты, на нёго споглянувшы,
Ридного сына свого не пизна.

Строфа.

Заступнице мицна коханои Тавриды,
Хвала тобі!
Хвала тобі потужна, невблаганна
Богине стриль!

Антистрофа.

Горе тому, хто, словами безчельными
Гризну богыню образыть здола,
Горе тому, хто не склоныть покирлыво
Гордее чоло—богыни до нигъ.
Мисячный прѣминь скоришъ не дистанеться
До океана глыбокого дна,
Анижъ не влучыть стрила Артемидына
Въ сердце безумця зухвале, палке.
(Зъ храму выходыть Ифигенія въ довгій одежи и зъ
срибною діадемою надъ чоломъ).

Строфа.

Иде богыни жрыця наймылійша,—
Виддаймо честь!
Виддаймо честь; ии сама богыня
Обрала намъ.

Антистрофа.

Зъ краю далекого, зъ краю незнаного
Намъ Артемида ии привела,

Все таемныця въ дивчыны вельчнoui,
Ридь ии, племя и ймення само.
Въ гаю святому у ничь Артеидыну
Жертву таемну прыносялы мы,
Тамъ показала намъ въ сяви срибному
Сюю дивчыну богыня сама.

(Ифигенія тымъ часомъ бере вельку чарку въ одной зъ дивчатъ и фіаль у другой, третя дивчына наливае ий въ чарку вына, четверта олій у фіаль, Ифигенія зливае выно и олій на вогонь, потимъ посыпае олтарь свяченымъ ячменемъ та силлю, беручы те зъ кошыкывъ, що подають дивчата).

Ифигенія.

(прыносячы жертву).

Вчуй мене, ясна богыне,
Слухъ свій до мене склоны!
Жертву вечирню, сёгодня подану, ласкаво прыймы.
Ты, що просвичуещь путь мореходцямъ, на хвляхъ заблуканымъ,
Наши серця освиты!
Щобъ мы стоялы, тебе прославляючы,
Серцемъ, и тиломъ, и думкою чыстыи,
Передъ твоимъ алтаремъ.

Хоръ.

Слава тоби!
Срибнопрестольная,

Вично осяйна,
Дывно-потужная!
Слава тобі!

Ифигенія.

Ты, переможная, стрилами ясными
Темряву ночи ворожу поборюешъ,—
Намъ свою ласку з'ясуй!
Темныи чары, таемни насланнѣ Еребови,
Намъ поможи побороть!

Хоръ.

Слава тобі!
Срибнопрестольная,
Вично-осяйна,
Дывно-потужная,
Слава тобі!

(Ифигенія виддає дивчатамъ чарку и фіаль, робыть знакъ рукою и дивчата йдуть у храмъ. Ифигенія во-рушыть багаття на олтари, щобъ яснійше горило, по-правляє покрасы).

Ифигенія. (сама).

Ты, срибнолука богыне-мысльвыце,
Честы и цноты дивчатъ обороннице,
Помичъ свою намъ подай!..

(Падає на коліна передъ олтаремъ и простягає въ распачи руки до статуи).

Просты мене, вельчная богыне!
Устами я слова си промовляю,
А въ серци ихъ нема...

(Встае, одступае видь олтаря и дывыться на море).

А въ серци тилько ты,
Едыный мій, коханий ридный краю!
Все, все, чымъ красенъ людськый викъ короткий,
Лышыла я въ тоби, моя Елладо.
Родына, слава, молодисть, кохання
Зосталыся далеко за морямы,
А я сама на сій чужій-чужыни,
Неначе тинь забутои людыны,
Що по Гадесовыхъ поляхъ блукае,
Сумна, блида, безсыла, марна тинь...

(Иде на сходы портала и прытуляється до колонны).

Холодный мраморъ,—тільки-жь и прытулку!
А якъ було я голову схыляла
До матери коханои на груди
И слухала, якъ ридне сердце былось...
Якъ солодко було трымать въ обіймахъ
Тоненькый станъ мого хлопьятка-брата,
Мого золотокудрого Ореста...
Латоны дочко, сестро Аполлона!
Просты свой рабыни спогадь сей!...
Хочъ бы мени витры прынесли звистку,
Чы тамъ жывый ще мій шановный батько
И люба матинка... Сестра моя, Електра,

Вже доси одружилась. А Орестъ?
Винъ доси вже на грыщахъ олимпійськихъ
Отримує винци. Якъ мусыть гарно
Ольвы срибне лыстя одбываты
Проты злотыстыхъ кучеривъ ёго.
Та не за прудкисть визьме надгороду,
Хиба за дискъ, бо завжди Ахиллесъ
Винци за прудкисть бравъ. Чы винъ живый,
Мій Ахиллесъ?... Теперь уже не мій,—
Тамъ може Еллінка, або троянська бранка
Зове ёго своимъ... О, Артемидо,
Ратуй мене видъ мене, захысты!

(Сходыть зновъ до долу и сїдає на найныжчому щаб-
ли сходявъ пидъ кипарысомъ).

Якъ зашумилы смутни кипарысы!
Осинній витерь... Хутко вже й зимовый
По сій диброви звиремъ зареве,
Закрутыться на мори снigовыця
И море зъ небомъ зильлеться въ хаосъ!
А я сьдитыму передъ скупымъ багаттямъ,
Недужа тиломъ и душею хвора;
Тоди-жь у насъ, въ далекій Арголиди,
Цвисты-ме любо вичная весна,
И пидуть въ гай аргоськіи дивчата
Зрываты анемоны та фіалкы,
И може.. може спомьянуть въ писняхъ
Славу тню Ифигенію, що рано
Загнула за ридный край... О, Мойро!

Невже тобі, суворій, гризній, лычыть
Робыты пѳсмыхы надъ биднымы людьмы?!...
Стій, сердце вражене, вгамуйся, горде,
Чы намъ же, смертнымъ, на богивъ иты?
Чы можемъ мы змагатысь проты сылы
Землерушытеливъ и громовладцивъ?
Мы, зъ глыны створени... А хто створивъ насъ?
Хто давъ намъ душу и святой вогонь?
Ты, Прометею, спадокъ намъ покынувъ
Велькый, незабутній! Тая искра,
Що ты здобувъ для насъ видъ заздрыхъ Олим-
пійцивъ,

Я чую палъ ии въ свой души,—
Винъ, мовъ пожежи пломинь, непокирній,
Винъ высушывъ мои дивочи слѳзы
Въ той часъ, якъ я одважно йшла на жертву
За честь и славу ридной Еллады.
Вы, еллинкы, що слѳзы прольвали,
Якъ Ифигенію на славну смерть вель,
Теперь не плачете; що ваша героиня
Даремне; на безславьи тыхо гасне?

(Стае передъ олтаремъ).

Навищо ты мене, богыне, вратувала,
Въ далекую чужыну завела?
Кровъ еллинкы була тобі потрібна,
Щобъ погасыты гнивъ проты Еллады,
Чому жъ ты не дала пролыты кровъ?
Визьмы ии,—вона твоя, богыне!

Нехай вона не палить жылъ моихъ!

(Дистае зза олтаря жертвнй нижъ, одкыдае плащъ и замиряеться мечемъ проты серця, але раптомъ пускае мечъ до долу).

Ни, се не вартъ нащадка Прометея!
Колы хто вмивъ одважно йты на страту,
Той мусить все одважно зостричать!
Колы для славы ридной краины
Така потрибна жертва Артемиди,
Щобъ Ифигенія жыла въ сій сторони,
Безъ славы, безъ родыны, безъ имення,—
Хай буде такъ.

(Смутно похылывши голову иде до моря, спыняеться на найвыщому щабли сходивъ, що спускаються въ море, и дывыться якый часъ у просторъ).

Аргóсе, ридный мій!
Волилабъ я сто разъ въ тоби умерты,
Нижъ тута жыты! Воды Стикса й Леты
Не вгсять спогадивъ про любы ридный край!
Тяжкый твій спадокъ, батьку Прометею!

(Тыхою, ривною ходою виддаляеться въ храмъ).

Ялта. Villa Iphigenia. 15/I. 1898 p.

7.

Весна зимова.

Уже и тепло, такъ наче и справди весна.
Небо неначе спалахуе часомъ видъ мисяця
ясного свитла,
Миняться били хмарынкы то срибломъ, то злотомъ;
Ледве на мисяць наплыне прозорая хмара,
Кóло на ній засія, мовъ одсвить далекий весёлкы.
Зори мижъ дрибными хмаркамы наче таночки за-
водять,
Снигъ на верхивли узгирья блыщыть такъ яскраво,
Що выдається неразь, мовъ займаються раптомъ
вогни вартови;
Матовымъ срибломъ биліють дахы на будынкахъ,
Тини ризки выризняють балконы, тонки балюст-
рады,
А кипарысы мижъ ными здаються высокымы вежа-
мы зámкивъ,

Лыстя шыроке магнолій, важке, нерухоме,
Кованымъ срибломъ здається;
Тинь фантастычна латаній лягла на блискучый по-
мисть марморовый,
Лавры стоять зачаровани, жадень лыстокъ не трем-
тыть,
Тыхо въ садку, тыхо въ мисти, бо пизня година.
Вже й на гори, у будынкахъ вогнивъ не багато
лышылось
Злотомъ червонымъ гориты.—Скризь тыхо;
Тилько потокъ невыдимый гирський якъ млыновее
кóло шумыть;
Писня часамы озветься десь, ледве лунае...
Часомъ по вулицы люде проходятъ безгучно, мовъ
тини;
Море далеко леліе такъ нижно, якъ мрія.
Легки туманы серпанкамы сонни долины вкры-
вають.
Тыхо и тепло... И сонъ не бере и робота не йде.
Я похожаю по свому балкони, що довгый, високий,
Мовъ корабельный чердакъ. Выдко звидты вси горы,
Неба шырокий наметъ и далекее море,
Звидты лехше й думкамъ розлитатысь по всихъ
украинахъ...
Довго я такъ похожала, а мрії та думы снувалысь,
Мовъ на колóврти прядыво тонке, порветься тай
знову прядеться.
Часто литалы думкы мои въ сторону ридну,—
Снигомъ повята, закована лёдомъ, лежить вона генъ
за горами.

Инши горы згадалась мени, вульци инши й (бу-
дынкы,)

Тилько той самый ясный мисяченько освичуе ихъ
въ сю хвылыну.

Хто тамъ спыть? хто не спыть? въ кого въ викни
выдко свитло?..

Раптомъ чогось я згадала вельку, сувору будову,
А за оградю—вась, мій товаришу бидный;

Щб, колы мисяць кризь граты освичуе стины по-
рожни

Свитломъ холоднымъ и жаскымъ?—Вы може въ
викно подывылись,

Може вамъ выдко пры мисяци мисто и вульци й
горы...

Сонъ не бере и работа не йде, ничъ така ясна и—
довга...

Раптомъ зійшла я зъ балкону и двери засунула
мицно.

Тяжко чогось мени стало въ тому чаривному са-
дочку.

Зори чогось затремтили и небо стемнило,—

Може туманъ застелывъ, може поглядъ у мене зми-
нывся.—

Ялта, 1898 р.

У ПУСТЫНИ.

казавъ Господь: „Мени належить помста!
Той, хто не вирить у дыва госпѣдни,
Не вартый бачыть ихъ. Покры не згыне
Остатній зъ васъ, отруеныхъ зневірьямъ,
Не ввійде мій народъ въ обитованну землю!“—
Такъ говорывъ Господь черезъ свого пророка.
И слово божее лунало сумно
Середъ пустыни. Потимъ нашъ пророкъ
Зійшовъ на гору, щобъ здалека глянуть
На ту недосяжну обитованну землю,
И бильше не вернувся. Мы самы
Зосталыся у сій нимій пустыни.
Теперь куды? На схидъ? на захидъ сонця?
На пивничъ? на полудне? Все одно!
Лягты бъ отуть, на сей писокъ гарячий
И ждаты, покы выхоръ налетыть
И намъ насыпле золоту могылу.
Але дитей, маленькихъ немовлять,
Ихъ тилько шкода. Чы на те вродылысь,
Абы у сповытку пизнаты голодь, спрагу

И смертю марною загнуты въ пустыни?
Мы идемо пискамы навманя,
Прыспавшы въ серци гадыну зневирья,
Одважно дывлячысь дочасній смерти въ очи.
Чого боятысь намъ? Палывъ намъ душу распачь,
Котывсь по людяхъ, мовъ лыха зараза,
И серце розтынавъ, мовъ гострый мечъ.
Умеръ пророкъ—на насъ мовъ гримъ ударывъ.
Хто нашъ провѣддаръ? Та далека мрія,
Недосяжна, якъ марево пустыни.
Мы вже покарани. Страшнійше покараты
Самъ гризний Богъ Адонаи не може.
Ходимъ! ачей се гиркее страждання
Нащадкамъ нашимъ скоротыть дорогу
До яснои и певной меты!

9/IX, 1898 р.

На столитній юбилей

Української літератури*)

кожного люду, у кожній країні
Жыве такой спогадъ, що въ ёго въ да-
вныни

Булы золоты вики,—
Якъ писня и слово булы у шаноби
Въ мицныхъ сёго свита; не тилькы на гроби
Складалысь поетамъ винкы.

За пышныи хриі, вельчныи оды
Король славъ поетамъ-спивцямъ надгороды,
Винъ славу ихъ мавъ у руци;
За ввичлыви стансы, гучни мадригалы
Вродлывыци тежъ надгороду давалы,
Не зналы погорды спивци.

И що-найпышнійшыи дамы зъ придворныхъ
Вдавалы на сцени субретокъ моторныхъ,
Щобъ славы и втихы зажыть:
Сама королева здіймала корону,
Спускалась до долу зъ найвышого трону
Поетовій мрії служыть.

*) Напечатано въ збирныку «Викъ».

Богамъ булы ривни спивци лавреаты
И гордо носылы коштовныи шаты
 У панськимъ-магнатськимъ гурти;
Цвилы въ ныхъ и лавры, и квити барвысти,
И навить терны ихъ булы позлотысти,
 Кайданы—и ти золоти!

Такъ... въ кождій краини ѳе спогады раю!
Нема тилькы въ тебе ихъ, ридный мій краю!
 Булы ѳ за гетьманивъ спивци;
Зъ ныхъ де-яки—вичныи спивы зложылы,
А якъ ихъ на ѳмення? и де ихъ могылы,
 Щобъ скласты хочъ пизни винци?

Цуралысь воны кучерявои хриі
И вабылы очи имъ иншіи мриі,
 Не вивъ до палацу ихъ шляхъ;
Не оды складалы, а думы народу,
Не въ стансахъ прославылы мылои вроду,
 А въ тыхыхъ, журлывыхъ писняхъ...

Ти вични писни, ти едыныи спадкы
Взялы соби други поеты нащадкы
 И батькивськымъ шляхомъ пишлы;

Зоря поезіи.

Импровизація.

Через туманы льхи, через великое горе
Ты свитышь мени, моя зоре.
Ты се була, що вставала вогнемъ опивночи,
Шляхъ прокладала ясный черезъ темне, бурливее
море
И чарувала новою надією втомлени очи,
Ты се була, моя зоре!
Хто ты, мрія чы сонъ? я не знаю,
Тилько въ тебе я вирю и виры повикъ не зламаю,
А якъ зламаю,—зломлюсь тоди певне сама,
Бо задавить ворожая тьма.
Ты мене до жыття пробудыла,
Ты мени очи открыла,
Раптомъ вырослы въ мене и сплеснулы крыла,
И понесли мене въ гору шляхомъ променыстымъ,
Въ гору, все въ гору,
Въ тую краину простору,

Де моя зирка зорыть свитломъ ривнымъ и
чыстымъ.

Въ тую краину, де щастя и горе однаково мыли,
Въ тую краину, де усмихъ и слёзы однаково ясни,
Въ тую краину, де чола пидводять похыли,
Де не слёзамы, а спивомъ рыдають нещасни.
Я не журюся, чы рано, чы пизно загну,
Я не журюся, що свить сей хороший покыну,
Я не журюся—нехай тамъ жыття мое гасне.
Зоре моя! въ тебе свитло повикъ буде ясне.

Инши будуть спивци по мени,
Инши будуть лунаты писни,
Вильни, гучни, одважни та горди,
Поеднаються въ яснимъ аккорди
И полынуть у ти небеса,
Де сіяе одвична краса,
Тамъ на ихъ обизветься луною
Писня та, що не згыне зо мною.

12/X. 1898 р.

Доворить.

Враино ридная! охъ, ты далека мріе!
До тебе все летять мои думкы.
Имъ страшно й радисно, якась надія мріе..
Такъ зъ вырїю въ свїй край летять пташкы

Чы не здається имъ, що прынесуть зъ собою
Новыи, ще не спивани писни,
Що въ краю темному, сповытому журбою,
Блыснуть писни, мовъ блискавки ясни?

Се вже було колысь... Се вже не разъ бувало:
Я на чужыну йшла шукать надїй—
Якъ въ ридній сторони мени ихъ бракувало—
И обновлення сыли молодїй.

Я марыла весь часъ про вориття хвылыну
Середъ чужого, иншого жыття,—
Та завжди першую колючую терныну
Прыносыла хвылына вориття.

Спотворено тоди писни мои бренилы,
Оти нови неспивани писни;
Стурбовано думкы крыламы трипотилы,
Мовъ надъ огнемъ метелькы нични.

Неразь було мени такъ прыкро, непрывитно,
Якъ у безлыстимъ гаю пидъ дощемъ,
Мовъ у глухую ничъ и жаско й неохвитно,
И сердце зновъ заходьлось плачемъ.

Тоди мени ота далекая чужына
Здавалась краемъ вичной весны.
Такъ перелитная прыборкана пташына
Про вырїй смутно марыть въ осены.

5/VI 1899 р.

Забута тинь.

уворый Дантъ, вигнанецъ флорентыйськый,
Встае изъ темрявы часивъ середнёвичныхъ.
Якъ ти часы, таки й ёго писни,
Винъ ихъ знайшовъ въ мистычнимъ темнимъ лиси,
Середъ хаосу дывовыжныхъ марыщъ.
Чый духъ одважывся бъ иты за нымъ блукаты
По тій диброви, якъ бы тамъ мижъ тернямъ
Квиткы барвысти вични не цвилы?
Зибравъ спивецъ мystemeцькою рукою
Оти квиткы и спливъ ихъ у винокъ,
Скропывъ ёго небесною росою
И положывъ на раннюю могылу
Вродлывій Беатриче Портинари,
Що разъ колысь до нёго усмихнулась,
А въ другый разъ пройшла, не глянувши на нёго,
А въ третій разъ на неи винъ дывывся,
Колы вона въ труни лежала нерухома.

Вона була для нѣго наче сонце,
Що свитло, радости й жыття дае,
Не знаючы, кому дае ти дѣры.
И хочъ зайшло те сонце променысте,
Винъ не забувъ ёго ни въ темряви понурій,
Ани пры хатнѣму багатти прывитному,
Ни на земли, ни въ пекли, ни въ раю
Винъ не забувъ своеи Беатриче.
Вона одна въ писняхъ ёго пануе,
Бо въ тій краини, де винъ жывъ душею,
Винъ иншой дружыны не знайшовъ.
Винъ заквитчавъ ии винцемъ такои славы,
Якою ни одна зъ жинокъ ще не пышалась.

Безсмертна пара—Данте й Беатриче,
Потужна смерть не розлучыла ихъ.
Навищо жъ ты, фантазіе хымерна,
Мени показуешъ якусь убогу постать,
Мовъ сонъ зомлилои людыны невыразну?
Нема на ній винця, ни ореола,
И облыччя вкрыте покрываломъ,
Немовъ густымъ туманомъ. Хто вона?
Тожъ ни одынъ спивецъ ии не вславывъ
И ни одынъ мыстець не змалювавъ;
Десь тамъ, на дни исторіи, глыбоко
Лежыть про неи спогадъ. Хто вона?
Се жинка Дантова. Другого ймення
Видъ неи не зосталось, такъ мовъ зроду

Вона не мала власного имення.
Ся жинка не була провидною зорею,
Вона, якъ вирна тинь, пишла за тымъ,
Хто бувъ проводаремъ „Италіи нещасній.“
Вона дилыла зъ нымъ твердый выгнання хлибъ,
Вона ёму багаття розпалыла
Середъ чужои хаты. И не разъ
Его рука, шукаючы опоры,
Спиралась на ии плече, запевне;
Ий дорогá була ёго спивецька слава,
Але вона руки не простягла,
Абы хочъ проминь перейнять едынй;
Колы погасъ огонь въ очахъ спивецькыхъ,
Вона закрыла ихъ побожною рукою.
Такъ, вирна тинь! А дежъ ии жыття?
Дежъ власна доля, радости и горе?
Исторія мовчыть, та въ думци бачу я
Багато днивъ смутныхъ и самотныхъ,
Проведеныхъ въ турботному чеканни,
Ночей безсонныхъ, темныхъ якъ той клопить
И довгихъ якъ нужда, я бачу слёзы...
По тыхъ слёзахъ, мовъ по роси перлыстій,
Пройшла въ краину славы—Беатриче!

X/25 1898 р.

Єврейськи мелодіи.

1.

Вкь Израель диставсь ворогамъ у полонъ,
То рабомъ своимъ бранця зробывъ Вавылонъ.

И, схылившы чоло, псдоланни борци
Переможцямъ своимъ будувалы дворци.

Тии руки, що храмъ боронылы колысь;
До чужои роботы зъ одчаю взялысь;

Тая сыла, що марна була на війни,
Будувала пидвалыны й муры мицни.

Все здалось до роботы: перевесло й шнуръ,
Плугъ, сокыра й лопата выводылы муръ;

Всякъ, хто мавъ якый знарядъ, мавъ працю соби,—
Тилько арфу спивецъ почепывъ на верби.

II.

Ереміе, зловисный пророче въ зализнимъ ярми!
Певне, сердце Господь тоби давъ изъ твердого
крышталю:

Ты провидивъ, що людъ буде гныть у ворожій тюр-
ми,—

Якъ же сердце твое не розбылось видъ лютого жалю?

Якъ ты мигъ дочекатъсь, чы справдыться слово твое?

Роемъ стрилы ворожи на божее мисто летила,—

Певне, чарамы ты гартувавъ тоди сердце свое,

Що на нѣму ламалъся навить ворожіи стрилы!

По вѣйни ты на звалыщахъ миста лышывся одынь

И палки твои слѣзы точылы холодне каминня,

И луна розлягалась така середъ смутныхъ руинъ,

Ажъ найдалъши нащадкы почулы твое голосиння.

Ереміе! ты, вичная туго, тебе не збагну:

Якъ же сердце твое не розбылось видъ лютого жалю?

Бо джерело гаряче и скелю зрыва кремьяну.

Такъ, було твое сердце зъ твердого, мицного крышта-
лю!

2/XII 1899.

Забути слова.

о вже давно було. Мени симъ литъ мынало,
Ай ій лыбонь мынуло двадцять литъ.
Сыдили мы въ садку, тамъ саме зацвитало
И сыпався зъ каштанивъ билый цвितъ.

Вона не бавыла мене и не учыла,
Я кыдала и забавкы й кныжки,
Щобъ тилько зъ нею быть, вона умила
Едыну забавку—плесты винкы.

Я подавала ій квиткы, и лыстя, й травы—
И зъ рукъ ии не зводыла очей.
Здавалося, вона плела не для забавы,
А щобъ зробыть оправу для речей.

Въ речахъ зрывалыся слова палкы, ворожи,
Мовъ гризни вырокы всимъ тымъ, що кровъ лылы,
Въ винку палалы кровью дыкы рожи,
Слова, мовъ квиты яры, цвилы.

Шумивъ зеленый лысть, а голосъ той коханий
Про волю золоту спивавъ мени,—
Въ винку миновся злотомъ рясть весняный,
И золотымъ дощемъ лылысь писни.

То вже давно було. Давно пора мынула
Такихъ червонныхъ необачныхъ сливъ;
Лыбонь вона й сама про ныхъ забула—
Хто дбае про винкы, що замолоду пливъ?

И я забула ихъ, не прыгадаю й слова
Зъ тыхъ нашихъ довгыхъ, запальныхъ розмовъ,
А тилько барва ихъ, мелодія раптова
Теперь, якъ и тоди, мени бунтуе кровъ.

И та мелодія не може зайимиты:
Неразь, якъ тилько лысть одъ витру зашумыть,
Чы блыснуть проты сонця яри квити,
Вона зненацька въ думци забренить,

Неначе хто ии поставывъ на сторожи,
Щобъ душу въ кождый часъ будыть видъ сна,
Щобъ не заглухлы въ серци дыки рожи,
Поки нова не зацвите весна.

9/XII. 1900 року.

Ритмы.

Е подилося вы, голосныи слова,
Що безъ васъ моя туга нима?
Розточылыся вы, якъ весняна вода,
По ярахъ, по байракахъ, по балкахъ.
Чомъ не станете вы, якъ на мори валы,
Не гукнете одважно до неба,
Не заглушыте тугы прыбоемъ гучнымъ,
Не розибъете смутку моеи души
Мицнымъ на́праснымъ натыскомъ бури?
Я не на те, слова, ховала васъ
И напоила кривью свого серця,
Щобъ вы лылыся, мовъ отрута млява,
И посидалы души мовъ иржа.
Проминнямъ яснымъ, хвылямы буйнымы,
Прудкымы искрамы, летючымы зиркамы,
Палкымы блыскавыцямы, мечамы

Хотила-бъ я васъ выховать, слова!
Щобъ вы луну гирську будылы, а не стогинъ,
Щобъ краялы, та не труилы сердце,
Щобъ писнею булы, а не квылиннямъ.
Вражайте, рижте, навить убывайте,
Не будьте тилько дощыкомъ осиннимъ,
Палайте, чы палить, та невялить!

26/VIII 1900.

* * *

ы тилько блыскавыцямы литаты
Словамъ отымъ, що зъ тугы народылысь?
Чому-жъ бы имъ не злынуты у гору,
Мовъ жайворонка спивъ, дзвіночкомъ срибнымъ?
Чомъ не розсыпатысь надъ чорною рилею,
Мовъ дзвінкый дощъ, просвиченый проминнямъ?
Чомъ не заграты коломъ танцюрыстымъ,
Мовъ ти лысточкы, що зрывае буря,
Мовъ діамантови снижынкы въ хуртовыну?
Чы тилько зирка тымъ яснійше сяе,
Чымъ темрява чорнійша вколо неи?
Чы тилько въ казци выроста калына
Зъ убытой людыны и чаруе
Усихъ людей сопилкою дывною?
Чы тилько въ казци лебидь умирае
Не зъ крыкомъ нависнымъ, а зъ любымъ спивомъ?...

26/VIII. 1900 року.

* *
* *

кь бы оти проминня золоти
У струны чарамы якымы обернуты,
Я бь зь ныхъ зробыла золотую арфу,—
Вь ній все було-бь ясне, и струны й гуки,
И кожна писня, що на иншыхъ струнахъ
Бренишь, мовъ голосъ витрянои ночи,
Бренила-бь на мой злотыстий арфи
Тымъ спивомъ, що лунае тилько вь снахъ
Дитей щаслывыхъ. Туга бь видкотылась
Видь гукивь тыхъ геть-геть у далыну,
Мовъ били туманы, проиняти сонцемъ,
Що здалека леліють, наче злото,
Не хмарою, а мрією здаються.
И жали вси, вь гармонію з'єднавшысь,
Озвалысь бы, мовъ хоры вь эмпиреяхъ..,

14/XI 1900 року.

* *
* *

Xотила-бъ я уплысты за водою,
Немовъ Офелія уквитчана, безумна,
За мною въ слидъплылы-бъ мои писни,
Хвлюючы, якъ та вода лагідна,
Все дали, дали...

И вода помалу
Мене-бъ у лехки хвыли загортала,
И колыхала-бъ, наче люба мрія,
Такъ тыхо, тыхо...

Я-жъ, така безвладна,
Дала-бъ себе несты и загортаты,
Плывучы зъ тыхымъ, ледве чутнымъ спивомъ,
Спускаючысь въ блакитну, ясну воду,
Все глыбше, глыбше...

Потимъ-бы на хвыли
Зостався тилько видгукъ невыразный
Моихъ писень, мовъ спогадъ, що зныкае,
Забутои баллады зъ давнихъ часивъ,—
Въ ній щось було таке смутне, криваве,
Та якъ згадаты? Писня та лунала
Давно, давно...

А потимъ зныкъ бы й видгукъ,
И на води ще-бъ колыхалысь тилько
Мои квиткы, що не пишлы зо мною
На дно рикы. Плылы-бъ воны, ажъ покы
Въ яку сагу спокійну не прыбылысь
До билыхъ водяныхъ лилей,—тамъ стали-бъ.
Схылылыся-бъ надъ сонною водою
Березъ плакучыхъ нерухоми виты;
У тихый захыстъ витерь бы не вявъ;
Спускався-бъ тилько зъ неба на лилеи
И на квиткы, що я безумна рвала,
Спокій, спокій...

3/XII. 1900 року.

* *
*

Ни! я покорыты ии не здолаю
Ту писню безумну, що зъ тугы повстала,
Ни маски не вмію накласты на неи,
Ни въ ясну одежу убраты не можу,—
Бѣе чорнымы крыльмы, мовъ хыжая птыця,
И раныть, якъ тилько я хочу прыборкаты
Ии сыломиць. Гей, шаленая писне!
И въ кого вдалась ты така непокирна?
Дывысь, я сміюсь, колы серце рыдае,
И поглядъ и голосъ мени покорылысь,
Я тыха, spokійна. А ты?—наче витерь!
Нема тоби впыну. Тоби все одно,
Що, стрившы, вогонь доведешъ до пожежи,
Що хвыли, спиткавшы, розгонышь до бури,
Що темныи хмары въ хаосъ помишаешъ,
Що вбогу хатынку, останній прытулокъ
Важкою лавиною скинешъ въ безодню,—
Тоби все одно! Той нехай соби плаче,
Хто искру лышывъ на шляху необачный,

Хто човенъ непевній води доручивъ,
Хто вийшовъ въ дорогу темненькои ночи,
Хто вбогу хатыну, остатній притулокъ,
Поставивъ високо надъ краємъ безодни,—
Вдалась ты крылатою,—мусышь летить!

* *
* *

хъ, якъ то тяжко тымъ шляхомъ ходыты,
Шырокымъ, бытымъ, курявою вкрытымъ,
Де люде вси отарою здаються,
Де не ростуть ни квити, ни терны!
Здалека вабыть, мріе те верхивля,
Що такъ палае золотымъ пожаромъ!

Якъ порыва мене палке бажання
Питы туды пискамы, чагарамы,
Послухаты гирської пуци гоминь,
Заглянуты въ таемную безодню,
Зь потокамы прудкымы сперечатысь,
Помижъ лёды дистатысь самоцвитни,
Збудыты въ горахъ писнею луну!

Колы жъ мене на пивъ дороги стрине
Важка лавина и впаде, мовъ доля,
На голову мою, тоди впаду я
На снігъ нагирный, мовъ на билу постиль.

Хай по мени не плачуть смутни дзвоны,
Хай заспивае вильный, дзвинкый витерь,
Закрутыться метельця весела,
И зароятся снижни зори коломъ
Та зъ поцилункамы холоднымы закрыють
Мени палки та необачни очи...

16/VIII. 1900.

* * *

омъ я не могу злынуты у гору
Туды, на те верхивля золоте,
Де мисяць просвитывъ бияву хмарку?
Я-жь бачыла, якъ хмарка та вродылась:
Вона повстала зъ гучного потока
Туманомъ билымъ, парою безъ барвы
И тихо поплыла по надъ водою
Глыбокымы ярамы дали въ гору,
По-воли пидвелась, немовъ на сылу,
И въ гору подалась. Вона чиплялась
За смерекóви гребени зелени,
За уступы обголенои кручи
И за колыбы, тамъ, на полоньни,
Немовъ людына, що зъ тяжкымъ з'усыллямъ
На гору добувається. И выйшла,
И стала на верхивли, и всмихнулась
До мисяця, мовъ дивчына биява,
И заяснила, легка та прозора,

Мовъ ясна мрія. Хто у ній пизнае
Оту важку, базбарвну, вожку хмару,
Що сунулась такъ тяжко по долини?..

Ой горы, горы, золоти верхивля!
Та на щожъ я до васъ такъ порываюсь?
Та на щожъ я люблю васъ такъ тужливо?
Невже мени не сужено дистатись
На ваши заповідни высокості?
Колы мени не дано крыль мицныхъ,
Щобъ я могла орлыцею пидбытись
Геть високо понадъ найвыщи горы,
То прагну я соби потокивъ слизъ,
Гарячыхъ слизъ, нестрыманыхъ, раптовыхъ,
Що рвуться зъ глыбыны самого серця
Джерелама живущои воды.
Нехай бы зъ ныхъ душа моя повстала
И зъ мукою тяжкою подалася
На те верхивля вично свитлянее,
Що мріє здалека моимъ очамъ
Такъ неприступно, якъ и тіи горы,
Що я на ихъ лышь мрією летаю.
И може-бъ духъ мій, наче тая хмарка,
На высокості раптомъ одминувся,
Просвичений нагирнымъ, чыстымъ свитломъ.

Буркуть, 4/VII. 1901.

VI.

Х ъ Ы Л Ы Н Ы.

Lied ohne Klang.

Къ бы мои думы нимьи
Та писнею стали безъ слова.
Тоди-бъ вони бильше сказалы,
Нижъ вся отся довга розмова.

Якъ бы мои думы нимьи
На струны проречысти впалы,
Зайшлысь бы плачемъ мои струны
И смихомъ дытячымъ загралы.

Мовъ хвыля морська въ ясну бурю,
И темна, й блыскуча, й раптова,
И сонцеви ридна й безодни
Була бъ моя писня безъ слова.

Важки побережнии скели
Зрыва переможнее море;

Невже переможная писня
Важкого жалю не поборе?

Невже моя писня не хвыля?
Ой леле! Даремни пытанья...
Ними мои думы, а руки
Даютъ лышь нимыи стысканья...

5 II 1900.

Свята ничъ.

Въ темну ничъ мы зибралысь громадкою йты:
Такъ поважно, немовъ у прыгоди
Малы статы кому, а про те безъ меты,
Мы дывылысь на зори та й годи.

Тыхи, тыхи й спокійни булы
Лись и поле на цилимъ простори
И, здавалось, неначе мы чуты могли,
Якъ спадалы летючіи зори.

Вси розмовы, нескинчени тутъ на земли,
Десь кинчалыся тамъ, мижъ зиркамы,
Проты вичности неба булы мы мали,
Але небо схылялось надъ намы.

Ничъ безъ тинивъ и свитло безъ проминня:
хвиль...

Все було и далеко й блызенько.

И сіялы намъ зори за тысячи миль
И мижъ нами свитылы нызенько.

И немовъ надъ святымы зиркы золоти
У корону сплиталысь огнысту.
Одже й справди, здається, булы мы святи
Въ тую зоряну ничь урочысту.

:18/VII. 1900.

* * *

ы щасльви, пречыстыи зори,
Ваши промини—ваша розмова;
Якъ бы я ваши промини мала,
Я бѣ никола не мовыла слова.

Вы щасльви, высокыи зори,
Все на свити вамъ выдко зѣ высока;
Якъ бы я такъ высоко стояла,
Хай була-бѣ я весь викъ одынока.

Вы щасльви, холодныи зори,
Ясни, тверди, неначе зѣ крышталю;
Якъ бы я була зиркою въ неби,
Я бѣ не знала ни тугы, ни жалю.

18/VII 1900.

* *
* *

алого снегу платочки сывеньки,
Дощыкъ дрибненькый, холодный витрець,
Пролискы въ ридкй травыци тоненькы,
Се була провесна, щастя винець?

Небо глыбокее, сонце ласкавее,
Пурпурь и злото на лысти въ гаю,
Пизнихъ трояндъ процвитання яскравее
Осинь вищуе—чы тожь и мою?

Щожъ, хай надходыть! мене навить радуе
Душного лита завчасный кинець;
Провесны тилько нехай не нагадуе
Дощыкъ дрибненькый, холодный витрець!

11/VII 1900.

* *
*

Мынаю я було долины й горы
И моря гучного непевны просторы,
Чужи край обступлять навкругы,
Захопыть ничь; на горахъ чорни тини,
На мори хвыли, туманы въ долини
Здаються наче справди ворогы.

И сердце, хочъ и звыкле до блукання,
До чужыны, до вичного змагання,
Чогось, бувало, плаче въ тій пори,
Немовъ дытына, въ темряви забута,
Немовъ людына у тюрму замкнута,
Ажъ помы очи не знайдуть зори,—

Тоди затыхне плачъ... И я дывую.
Чымъ сердце втишылось?—що золотую
Маленьку цяточку въ гори знайшло?
Та щожъ ёму по тимъ далекимъ свити?
Винь, може, самъ давно погасъ въ блакити,
Поки сюды те проминня дійшло,

Погасъ отакъ, якъ ти мри перши,
Якъ молоди думкы давно померши,
 Що розбудылы вперше духъ въ мени...
Такъ щожь! нехай те все давно мынуло,
А сердце любыть, покы не заснуло,
 Те свитло, що живе и безъ зори.

Кимполюнгъ, 20/VI 1901.

Лисня.

Лей пиду я въ ти зелени горы,
Де смереки гомонять високи,
Понесу я жали одыноки,
Тай пуцу ихъ у гирськи просторы.

Кыну свои жали
На зелени гали,
Пуцу боромъ свою тугу,
Чы не знайде другу...

Кимполюнъгъ, 19/VI 1901.

* *
* *

Хочешъ знаты, чымъ справди було
Те, що такъ колысь пышно цвило,
Що на сердце наводило чары,
Свить вбирало въ злотысти прымары,
Те, що сяло, мовъ чыстый крышталь,
А безжалисне й гостре мовъ сталь.

Прыторкнутысь ты хочешъ близенько,
Прыдывытысь до ёго пыленько,
Скынуть зъ ёго покрасы й квиткы,
Одризныты основу й ныткы,—
Адже часомъ найкраща тканына
Пидъ сподѳмъ—просто груба ряднына!...

Залышы! се работа сумна,
Не доводить до правды вона.
Глянь, смерекы зеленны косы
Повбиралысь у рясныи росы.

Не пытай, чы то справди роса
Самоцвитна, всесвитня краса,

Чы то, може, те сонце здурыло,
Въ лелиткы дощъ холодный зминыло;
Або, може, то хытрый витрець
Зъ марныхъ крапель сплитае винець;
Або, може, то вынна смерека,
Що показуе росу зъ далека...

Буркутъ, 10/VII. 1901.

й здається—не журюся, такы жъ я не рада,
Чогось мени тяжко-важко, на серци досада.

Ой кыну я ту досаду геть на бездорижжя,
Зійшла моя досадонька, якъ макъ середь
збижжя;

А я той цвить позрываю та сплету виночка,
Кыну ёго червоного въ воду до поточка:

Плывы, плывы, мій виночку, до самого моря,
Може буря тебе втопыть, чы не збудусь горя

Ой розбыла винка буря, такыжъ не втопыла,
А видь нёго сына хвыля геть почервонила.

Гирка вода въ синимъ мори, гирко іи пыты;
Чомъ я свою досадоньку не можу втопыты?

Буркуть. 20/VIII 1901.

Прытулышся до серденька, мовъ дытына ридна,
Буде тобі зъ мого серця колыска выгідна:

Що разъ вдарыть кровъ живая,—колыска шывнется,
Ой спы, дытя, въ день и въ ночи, помы серце
бьеться!...

Буркутъ, 20/VIII, 1901.

Сфинксъ.

Волысь давно пидь сонцемъ полудневымъ,
Середь мовчазной розлогои пустыни
И распачлыво-мертвого простору,
Въ души раба, що зрись въ тяжкій неволи,
Вродылась мрія и запанувала
Надъ нымъ, своимъ творцемъ, потужно й мицно,
Мицнійшь видъ влады сильныхъ фараонивъ.
И наказала мрія взяты каминь
Зъ гарячыхъ скель либійської пустыни
И зъ нѣго вытесать дывну подобу
На вичну загадку викамъ потомнымъ.

И ставъ тесаты рабъ горячый каминь.
И все було палкымъ въ году творчу,—
И небо, и земля, и каминь, и ризецъ,
И сердце майстра; мовъ горячый прысокъ
Петилы зъ-пидъ ризця уламкы дрибни
И згодомъ на розпеченимъ писку
З'явився твирь, немовъ жыва потвора;
Линыве тило лева простяглося,
Мовъ спекою прыгничене въ-полудне,
Та загадкова людська голова
Здймалась гордо и дывылась просто
Каминнымъ поглядомъ попередъ себе;
А на устахъ бувъ усмихъ зловорожый.
Той поглядъ и той усмихъ бувъ страшнйшый,
Анижъ убйче сонце у пустыни.

И та потвора стала въ людяхъ богомъ,
И будувалыся простори храмы,
Зъ важкымы колонадамы; а баркы,
Убрани лотосомъ, неслы ий жертвы;
Легенды почалы складать про неи,
Закрашени у густу барву крови;
Спивалы ий свои писни поеты,
А вчени будувалы пирамиды
Зъ кныжокъ. що малы загадку вгадаты
Очей таемныхъ и ворожыхъ усть.
Тамъ спысани булы уси имення

Тии потворы: Сонце, Правда, Доля,
Жыття, Коханя и багато иншыхъ;
Та краще всихъ прыстало слово Сфинксъ:
Воно таемне, якъ сама потвора.

24VII. 1900.

Ра-Менеисъ.

Ра-Менеисъ була горда цариця, дочка фара-
онивъ,
Гарна й страшна, мовъ Урея, змя золотая,
Що обывала подвійный винець двоухъ Египтивъ,
Мала чоло діамантове й темни рубинові очи.
Вдача царици була мовъ Нила підступныи воды,
Що wypлывають зъ таемныхъ джерель, невидо-
мыхъ никому;
Влада царици була немовъ африканськее сонце,
Мовъ потужный самумъ, що не хоче й руины
лышыты.
Весь Египетъ стогнавъ, мовъ спивучый колось
у пустыни,

Владу важку несучы гордой Ра-Менеисъ;
Часомъ винъ ворущывсь, наче левъ у кайданы
закутый,
Глухо порикувавъ, наче пидземный вогонь,
Тяжко придавленный гнитомъ горы камьяной;
Але якъ тилько з'являлась до люду цариця
Зъ гордымъ, немовъ діамантовымъ, чоломъ, якъ
тилько
Въ темныхъ, карыхъ очахъ прокыдались рубинови
искры,
Мыттю левъ той народный пидъ ноги царици
лягавъ,
Зъ усмихомъ сфинкса цариця ёму наступала на
шыю.

Ра-Менеисъ панувала и въ храмахъ наривни зъ
богами.
Вси каминни богыни робылись до неи подибни,
Руки майстривъ заселылы пустыню навколо
Египту
Людомъ колоссивъ зъ облыччямъ гордой Ра-Ме-
неисъ.
И не було ни одной струны на египетськихъ
арфахъ,
Щобъ не спивала хвалы повновладній царици
Египта.
Ра-Менеисъ будувала соби пирамиду въ пустыни,—
Бильше лягло тамъ людей, нижъ каминня палё-
ного сонцемъ.

Але не встыгла въ-гори заострыться царська
могыла,
Якъ надъ Египтомъ було вже одно тилько сонце—
небесне:
Ра-Менеисъ на пурпурове ложе злягла и не
встала.
Тыхо лежала цариця въ сповывачахъ, повныхъ
бальзаму,
Зъ блидо-злотыстымъ облыччямъ, неначе зъ сло-
невои кости,
А надъ чоломъ, якъ и перше, сіяла корона—
Двохъ Египтивъ винецъ и змія золотая Урея...

Ра-Менеисъ положили у барку червону
И понисъ ии, тыхо колышучы, дали, все дали,
Нилъ жовтоводый, свята непрозорая ричка.
Въ билыхъ убранняхъ жерци въ срибныи систри *)
дзвонили,
Плачемъ великымъ рыдалы невилыныци чорни,
Шаты свои роздыраючы, ранячы тило до крови;
Густо-червоныи крапли падалы въ жовтую воду;
Арфы сумни голосылы, квылылы Египтянокъ
спивы;
Лотосу квити блакитни, в'янучы, гнулысь до долу.
И плыла такъ червоная барка, мовъ сонце на
захидъ.

*) Систръ—музычный инструментъ въ давнѣму Египти, подибный до триангла нашихъ оркестривъ.

Ледве жъ на берегъ писковатый, де вже видни-
лись высоки
Горы-могылы царськи, вынесли тило царыци,
Людь заступывъ ёму путь. Бачывъ левъ, що роз-
быти кайданы.
Билыхъ жерцивъ розигнавъ, потопывъ усихъ чор-
ныхъ невилыныць,
Вывавъ арфы въ Египтянокъ и на триски пола-
мавъ,
Лотосу квиты стоптавъ и барку спалывъ на костры-
щи,
Тило царыци закинувъ далеко въ пустыню, въ пи-
ски,
Тамъ їй выхры що-року могылу рухому робылы.
Сонце лыло свій огныстый бальзамъ на дочку свою
вмерлу.

Чась летивъ и пройшли надъ Египтомъ вики
несчисленни.
Вже й могылы царськи почалы западаты въ
руину,
Вже й имення царськи почалы западаты въ непа-
м'ять,
Руйнувать стали руки безбожныхъ гробныци и
храмы,
И неразъ, якъ рука, чы повітря, чы сонце торка-
лись
Тисячолитнёго трупа, винъ розпадався на порошокъ.
И сміялись безумни нащадкы, що й муміи пред-
кивъ не вични,...

Разъ на пивничъ ишовъ караванъ, щобъ отпра-
вить за море
Награбовани скарбы зъ руинъ фараонивъ забу-
тыхъ.
Попереду везлы саркофагъ вельчезный порож-
ній;
Чорный каминь на сонци блыщавъ, мовъ розпе-
чена бронза,
Ледве сунулы десять верблюдивъ тягаръ той пе-
кучый.
Раптомъ передній погоничъ, идучы, спиткнув-
ся,
Глянувъ до долу й видскочывъ, ужаленый стра-
хомъ,—
Пидъ ногамы у нѣго лежала гадюча голивка
И палалы, мовъ искры, на сонци червоныи очи.
—Ля Илляга!—сказавъ ёму шейхъ каравана,—
—Ся гадюка не зъ тыхъ, що збавляють жыття
правовирнымъ.
Гляньте, вона золота, въ ней очи—коштовни ру-
бины.
И власноручно почавъ пидводить зъ пйску ту
гадюку;
Але слидѣмъ за змїєю зъ пйску пидвелося
зненацька
Мертве облыччя въ подвійній корони Егыпта.
Ра-Менеисъ пидвелася, дывно - нетлинна ца-
рыця.
И здавалось, мовъ поглядъ таемный ховають за-
крыти повикы,

А блидны уста ледве стрымують усмихъ воро-
жый.
Скам'янили погоньчи, вглядившы мертву ца-
рыцю.
Тилько шейхъ правовирный не втратывъ святого
спокою,
Винъ не лякався жинокъ, ни живыхъ, ани мерт-
выхъ,
Звыкъ тилько цину складать имъ на гучныхъ
базарахъ.
Винъ подумавъ: „Ся жинка цины въ нашимъ краю
не мае,
Але безумны джавры заплатять безумны гроши,“—
И наказавъ обережно забраты зъ писку ту ца-
рыцю
И покласты ии въ саркофагъ, не грабуючы злота.
Царськымъ ложемъ здавалася чорна важка до-
мовына,
Якъ заблыщала надъ нею змяя золотая Урея.
Але закрылося гучно каминнее вико,
Ра-Менеисъ заховалась на завжди видъ ясного
сонця...

Дали пискамы сыпкымы до моря подавсь кара-
ванъ,
Безъ перешкоды дйшовъ до приморського людного
миста.
Не помылывся розсудливый шейхъ: справди, джавры
безумни

Гроши безумни ёму заплатылы за мертву ца-
рыцю,
И повезлы ии геть черезъ море на пивничъ.
Тамъ на пивночи, далеко, въ тимъ мисти, що
вкрыте туманомъ,
Де такъ шумуе жыття, мовъ холодный потикъ
верховыны,
Люде пивнични поставылы храмъ для богивъ всего
свита,
Винъ же гробницею бувъ для всего, що колысь
панувало,
Тилько боги не булы вже богамы, а все не-
живее
Тамъ на вики втеряло надю воскреснуты знову.
Отже въ тимъ храми покласты хотилы гордую
Ра-Менеисъ.

Пльвъ корабель, роздыраючы хвыли, не день
не годину,
Вытрымавъ бури, не збывся зъ дороги въ ту-
мани,
Тышу морську переждавъ, мынувъ уси скели пид-
водни,
Дали та дали все мчавъ, пронизаный витромъ хо-
лоднымъ;
И чымъ дали на пивничъ плыла неживая цариця,
Тымъ холоднйша ставала пекуча колысь домо-
вына,
И выступалы на чорному камени слёзы солони;

Якъ привезлы саркофагъ до брамы новитнёго
храму,
Бувъ винъ холодный, важкый, мовъ крыжына зъ
пивничного моря.

Якъ пиднялы ёго били рабы, щобъ понёсты й
поставыты въ храми,
Руки не здержалы, впавъ саркофагъ и земля за-
стогнала.
Десять рабивъ винъ скаличывъ и самъ розколов-
ся на двое.
Леле! Розбылося ложе гордой Ра-Менеисъ.

И сказалы одынъ до другóго нови фараоны,
Ти, що платылы за неи безумныи гроши ара-
бамъ:
—Хай тамъ розбыласъ труна, але наша цариця
зосталась,
Тысячолиття мыналы, вона жъ не зминылася й
доси,
Наша цариця коштовна, владарка Ра-Менеисъ.

И видхылылы розколене вико того саркофагу.
Що жъ тамъ було? Жмутъ сповывачивъ тонкыхъ,
твердыхъ видъ бальзаму,
Жовтыи кости, покрытыи порохомъ вожкымъ,
Чорныи пасма волосся,—мижъ пасмамы тымы
Матовымъ блыскомъ яснила подвійна корона
Египта

И сялы рубинови очи зміи золотои Уреи.

Холодъ безжалисный, вохкый, изныщывъ без-
смертну царыцю,

Що пролежала вики пидъ египетськымъ сонцемъ
жерущымъ,

Дывну нетлинність и вроду черпаючы зъ хвиль
променыстыхъ.

Ра, богъ пивденного сонця,—въ пивничній краини
не правывъ.

Правывъ тамъ холодъ ворожий и вохкість бай-
дужа туману...

Мусила въ землю вернутись гордая Ра-Менеисъ.

25/VII. 1900 р.

Легенды.

(Товарыщи Л. Старыцькій-Черняхивській).

легендахъ стародавнихъ
Справедливосты немає,
Все тамъ ричь иде про жертвы
Та кривавыи подіи.

Въ тыхъ легендахъ мы чытаемъ,
Якъ дытяча кровъ рожева
Раны гоила на тили
Жебрака, старого дида,

Якъ разъ дивчына убога
Хрестоносця вратувала
Видъ проказы сараценивъ,
Свого серця кровъ виддавшы.

Якъ людей лыхыи чары
Въ мертвый каминь оберталы,
Але кровъ невынна знову
Оживляла те каминня.

Ти легенды червоніють,
Наче пышна багрянця,
Наче пурпурь благородный,
Видь крови людей невинныхъ.

Та горыть у мене серце,
Колы я ихъ прыгадаю,—
Проты сыхъ легендъ червонихъ
Билый свить блидымъ здається.

1/VIII 1900 р.

Саулъ.

(Монологъ).

...И Духъ Госводній видступавъ видъ Саула и гнитывъ ёго духъ лукавый видъ Господа.

...И бувало, якъ тилько духъ лукавый находывъ на Саула, бравъ Давидъ гусла и гравъ рукою своею. И видпочывавъ Саулъ, и добре ёму було, и видступавъ видъ нёго духъ лукавый.

...Якъ вернувся Давидъ зъ перемоги надъ чужынцемъ... выйшли жинкы, радіючы и промовляючы: перемигъ Саулъ зъ тысячами своими, а Давидъ изъ тьмамы своими... И почавъ Саулъ пидозриваты Давыда видъ того дня и потимъ. И нападавъ духъ лукавый видъ Бога на Саула и пророкувавъ винъ посередъ дому свого; Давидъ вьявся рукою за гусла, якъ и що-дня, а слысь бувъ у руци Сауловіи. И взявъ Саулъ слыса и скававъ: прыбью Давыда до стины!

И вхыльвся Давидъ видъ лица ёго двичи“.

(Кныга Царствъ I, гол. 16, стричка 14—15; гол. 18, стр. 6—7, 9—12).

Грай, хлопче, грай, нехай голосыть арфа,
Хай плачуть струны, якъ жинкы надъ гробомъ.

Я самъ себе оплакаты не могу,
Бо слизъ нема. Нехай рыдае арфа,
Нехай я неоплаканымъ не згynu.

Грай, хлопче, грай! нехай той голось арфы
Заглушыть голось въ моему серци,
Ти голось пророчи, неспокійни...
О! не на щастя ставъ Саулъ пророкомъ,
Господь ёго карае вищымъ духомъ!
Саулъ не знае страху середъ бою—
Хто бачывъ, щобъ ёго рука тремтила?
Хто бачывъ, якъ винъ блидне й одступае?

Прийды жъ, поглянь на мене середъ ночи,
Якъ я блукаю по своихъ хоромахъ,
Безлюдныхъ, темныхъ, и здіймаю руки
И нумы голову безумну закрываю,
И блидну, и тремчу, и падаю до долу,
И передъ власнымы думкамы одступаю,
И власныхъ сливъ жахаюся пророчыхъ...
То не мои слова—то духъ лукавий
Мени черезъ мои уста вищуе,
Що мушу я... Не слухай, хлопче, грай,
Не допусты, щобъ зновъ я бувъ пророкомъ.

Грай, хлопче, грай и не дывись на мене.
Воны лагидни, ти чорни очи,
Але на дни я бачу щось вороже...
За вищо ты ненавыдышь мене?

Що завывывъ тоби Сауль безумный?

— Не говоры, не говоры ничего!

Не я пытавъ тебе, то духъ лукавый.

О, зачаруй его, заворожы!

Безсылни проты ёго вси закляття,

Але музыка мае божу сылу.

Не голосно,—лагидно, нижно грай,
Хай спивъ твій мае сылу, якъ струмочокъ,
Що тихо й нижно точыть твердый каминь.
На серци въ мене каминь—хай же спивъ твій
Его пидточыть и въ безодню скыне,
Въ безодню забуття...

Мій любый хлопче,

Въ той часъ, колы такъ солодко говорыть
До мене срибный бренькитъ струнъ тонкыхъ,
Не вирю я ни голосамъ пророчымъ,
Ни тымъ ворожымъ поглядамъ твоимъ.
Хто грае такъ, ненавидитъ не може.
Тай защо-бъ ты ненавидивъ мене?
Що значать вси славутни перемоги
Протывъ одного руху твоихъ рукъ?
Я тилько вмивъ людей перемагаты,
А ты самого духа перемигъ.

Чы задрисно тоби на сю корону,
Сю багрянцю, сее берло? Хлопче,
Повирь мени, безъ ныхъ я щаслывійшымъ

И кращымъ бувъ въ той часъ, якъ пасъ отары
На батькивськыхъ зеленыхъ полонинахъ.
Негнулася моя висока постать,
И не тьмарывся мій веселый поглядъ,
Я простой бувъ и думкою и сердцемъ.
Гай, гай! Чы мигъ же хто тоди подумать,
Що и Саулъ колысь пророкомъ стане?

Отакъ, такъ грай! Нехай бренишь легенько
Лагидна арфа. Се-жь немовъ дзвиночки
Моихъ отаръ... Се мовъ гирськи потоки...
Я вже було й забудь ихъ любый гоминь.
Туть у дворци я чую инши гуки,
А въ горы я выхожу лышь на бій;
Тоди не чутно гомону потокивъ,
Ихъ заглушають—лютый брязкить збрси
И сурмы вйськови...

О, що за гукъ?

На вищо ты ударывъ вйськовой?
Не хочу! Годи! Не вражай! Я знаю,
За вищо ты ненавыдышь мене.
Ты згадуешъ, що я бувъ пастухомъ
И ставъ царемъ, а ты вивчарь и доси.
Ты згадуешъ про свй слаутный вчынокъ,
Якъ ты звалывъ пращею филистымця.

Дытына ты, дытяча въ тебе й зброя!
Ты може хтивъ улучыть горобця,

А давъ Господь, що влучывъ Голіата.
Охъ, що за поглядъ! Мовъ зъ пращи каминчкы!
Ты отъ за що ненавидышь мене:
Що ты мени не зброєю подобавсь,
А тилько арфою, що я тебе тримаю
Не тилько по неволи, бо ты самъ
Займаєшься святымъ огнемъ, якъ граєшь
Передъ царемъ безумнымъ. Жаль тобі
Того, кого за ворога вважаєшь.
Я такъ тебе музыкаю твоею
Скувавъ, звязавъ, немовъ залізнымъ путомъ.
Я царь не тилько тила, а й души,
Души твоеи, ты, хлопья чорняве!
И ты повстать не можєшь проты мене!

Чого ты зновъ такъ дывышся на мене!
Пидступный поглядъ твій, немовъ отрута.
Отрутою боротысь проты мене,
Отрутою гадаєшь? О, не диждєшь!
Гей, де мій спысь? Прыбью тебе до мура,
Ехыдно клята!...

О моя дытыно,
Чы се жъ я вбывъ тебе? Ни, ни, мій спысь
Не зачєпывъ тебе... О, Боже правый,
Якый же я нещасный и безумный!...
Гей, вы, рабы, визьмить сєго спивця,
Надгородить єго, нехай иде до дому.

Винъ бильшъ не буде вже никола граты!

.

Винъ буде граты, але тутъ никола!

Хиба тоди, якъ сяде тутъ на трони.

Адонаи! За що мене карашъ

Пророчымъ духомъ и остатню пыльгу,

Остатню оборону видбираешъ?

Адонаи!

Моя дытыно люба!

Мій хлопчыку лагідный! Де ты, де ты?

Невже мене ништо не поратую?

18/XI. 1900 року.

Трагедія.

(Товарыщи Л. Старыцькій-Черняхивській)

Уе лыцарь середъ бою,
Що смертельна рана въ грудяхъ,
Стыснувъ панцера мицнійше,
Абы кровь затамуваты.

Бачыть зъ вежи гарна дама,
Що поблidy іи коханий,
Що рукою стыснувъ груди,—
Посыла до нёго джуру:

— „Пане лыцарю, васъ просять
Залышыты бій кривавый
Хочъ на ту малу часыну,
Покры рану перевяжуть.

„Йе у насъ мняхки завой
И бальзамъ на рану гойный,
Тамъ на вежи била постиль
Вже давно для васъ готова“

— „Любий джуро! щыра дяка
Тій, що шле тебе до мене,
Але я прыйты не можу
На запросыны лагідни.

„Якъ бы я хочъ на хвылыну
Скынувъ сей зализный панцеръ,
Кровъ бы кынулась потокомъ
И жыття мое порвала-бъ.

„Бо й таки бувають раны,
Що нема на ныхъ бальзаму,
Що нема на ныхъ завоивъ.
Окримъ панцера твердого“.

— „Охъ, мій пане, ся видповидь
Зраныть серце нижній дами.“
— „Колы мае дама серце.
Хай ёго мицнійше стысне...“

Кимполонгъ, 6/VI. 1901 г.

ОГЛАВЪ.

I. На крылахъ писень.

	Стор.
Гадія	5
Конвалія	6
Сафо	8
Остання писня Маріи Стюартъ	9
Завитання	10
До Натуры	12
Вечирня година	13
У путь	14
На прѣвесни	16
Сонъ	17
Вязень	20

Зоряне небо:

Зори, очи весняной ночи	23
Есть у мене одна	24
Моя люба зсря ронуть въ сердце мени	25
Я сѣгодня въ тузи, въ гори	25
Въ неби мисяць зиходыть смутный	25

II.

	Сторон.
Спивецъ	27
Розбыта чарка	30
Сонъ литнѣи ночи	33
Мій шляхъ	35
На давній мотивъ	37
До мого фортепяно	40
Contra stem spero!	42
Симъ струнъ:	
Do (гимнъ).	44
Re (писня).	45
Mi (колыскова).	46
Fa. (сонетъ)	47
Sol. (Rondeau)	48
La. (Nocturno)	49
Si. (Settina)	50
Сонетъ	52
Досвітни огни	53
На роковыны Шевченка	55
Подорижъ до моря	57
Крымьски спогады:	
1. Тыша морська	67
2. Грай, моя писне!	69
3. Безсонна ничъ	70
4. На човни	72
5. Негода	75
6. Мердавнъ	77
7. Байдары	78
8. Татарочка	80
9. Бахчысарай	81

III.

	Сторон.
10. Бахчисарайський дворець	82
11. Бахчисарайська гробница	83
12. Надсонова домивка въ Ялти	84

Въ дитячому крузи.

На зеленому горбочку	86
Лито краснее мынуло	87
Мамо, иде вже зима	88
Тишся, дытно, помы ще маленька	89
Веснянка	90

II. Поэмы.

Русалка	95
Самсонъ	111
Сирома	123
Мисячна легенда	134

III. Мелодии.

Ничка тыха и темна була	151
Не спивайте мени сеи писни	152
Горыть мое сердце, його запалыла	152
Зновъ весна и зновъ надїи	153
Дывлюсь я на ясныи зори	153
Стояла я и слухала весну	154
Хотила-бъ я писнею стати	154
Перемога	156
До музы	158
То була тыха ничъ чаривныця	159
Давня весна	160

IV.

	Сторон.
У чорную хмару зибралася туга моя	162
О, знаю я багато ще промчыть	163

IV.

Бувъ ясный день, веселый, провесняный	167
И все такы до тебе думка лыне	168
Вже очи ти, що такъ булы привыклы	169
Годи тепера!	170
Поеть пидъ часъ облогы	171
Лысть	176
Гришныця	177
О, палка ты була, моя писне!	187

V. Видгукы.

Пролитавъ буйный витерь надъ моремъ	191
Еврейська мелодія	193
Ave regina!	195
Fo be or not to be?	198

Зъ пропащыхъ рокивъ:

Я знаю, такъ, се хворыи прымары	201
Обгорта мене туга, больть голова	202
До товариша	204
Якъ дытыною бувало	206
Романсъ	207

Крымськи видгукы:

1. Импровизация	208
2. Урывкы зъ лыста	210

	Сторон.
3. Східна мелодія	213
4. Мрії	215
5. Зимова нічъ на чужини	218
6. Ифигенія въ Тавриди	223
7. Весна зимова	232
У пустынн	235
На столитній юбилей української літератури	237
Зоря поезіи	239
Поворить	241
Забута тинь	243
Еврейські мелодіи:	
І. Якъ Израиль доставсь ворогамъ у полонъ	246
ІІ. Ереміе, зловисный пророче, въ залізнимъ ярмі	248
Забуди слова	248
Ритми:	
Де подилися вы, голосныи слова	250
Чи тилько блискавцямы литаты	252
Якъ бы оти проминня золоти	253
Хотила-бъ я уплысты за водою	254
Ни, я покорыты іи не здолаю	256
Охъ, якъ то тяжко тымъ шляхомъ ходыты	258
Чомъ я не можу злынуты у гору	260

VI. ХВЫЛЫНЫ:

Lied ohne Klang	265
Свята нічъ	267
Вы щасльви, пречыстыи зори	269
Талого снигу платочки сывенькыи	270
Мынаю я було долины й горы	271

Пісни:

Гей пиду я въ ти зелени горы	273
Хочешъ знаты, чымъ справди було	274
Ой, здається, не журюся	276
Ой пиду я въ бирь темненькый	277
Сфинксъ	279
Ра-Менеисъ	282
Легенды	291
Сауль	293
Трагедія	299

На крылахъ писень, творы Л. Украинны,
цина 1 р. 50 к.

Украинськи узоры, збирныкъ О. Пчилны,
выд. 3-е, цина 1 р. 25 к.

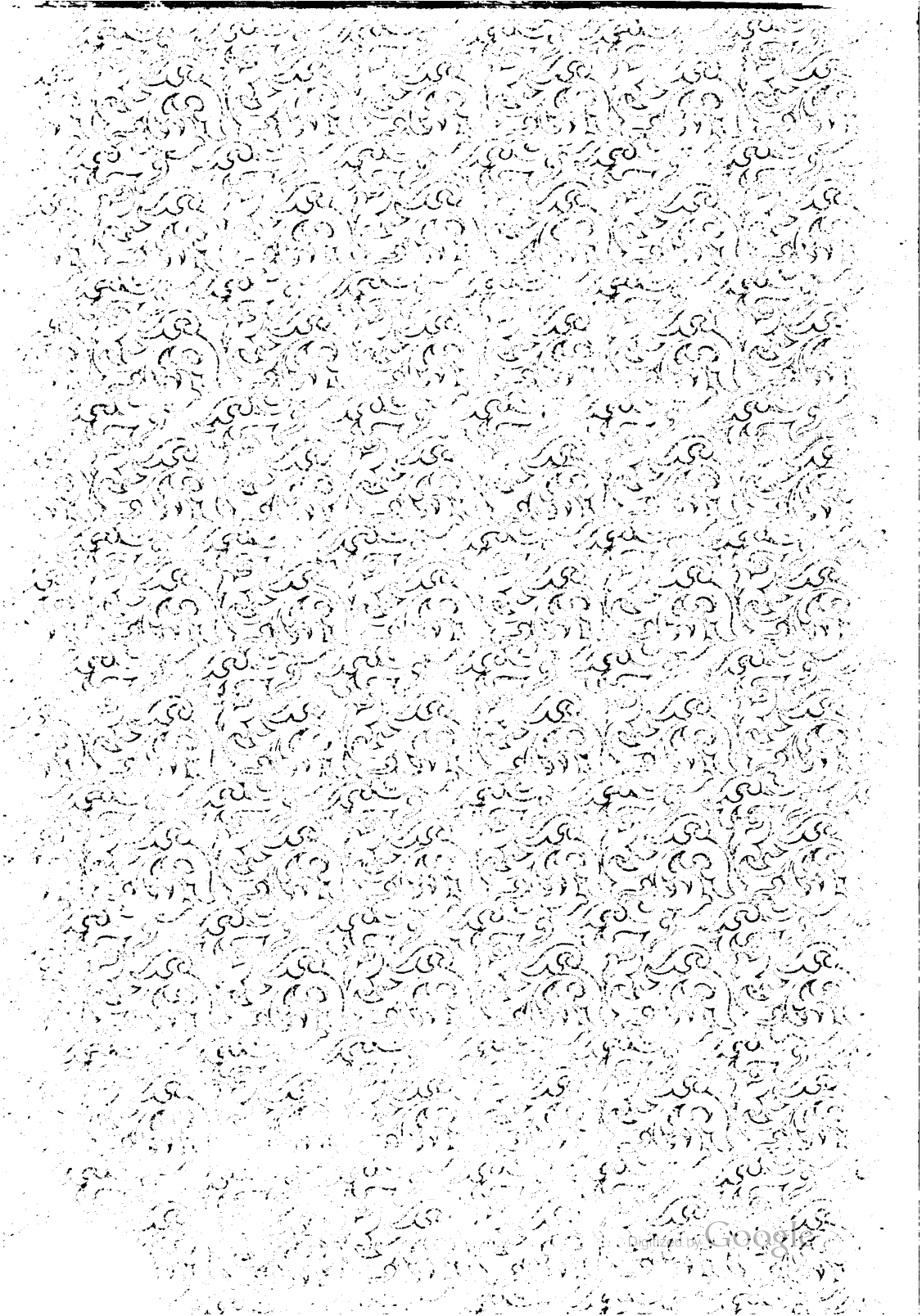
X

На крылахъ писень, творы Л. Украинкы,
цина 1 р. 50 к.

Украинськи узоры, збирныкъ О. Пчилкы,
выд. 3-е, цина 1 р. 25 к.

X

UNIVERSITY OF MICHIGAN

3 9015 02754 5634

Filed by Preservation NIH 1994

